В.Ю. ЯНЬКОВ

ЗАПИСКИ СТАРОГО МОСКВИЧА

Издание второе
исправленное и дополненное

Москва 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ Стр.

	Предисловие……	5
ГЛАВА 1	История семьи……..	7
1.1	Отец и его семья……	7
1.2	Мать и ее семья…….	21
ГЛАВА 2	Жизнь до войны…….	30
2.1	Плющиха……...	30
2.2	Раннее детство……..	48
2.3	Быт до войны……	53
2.4	Учеба до войны……..	56
2.5	Мое видение коллективизации……	61
2.6	Репрессии…….	65
ГЛАВА 3	Война…….	74
3.1	Последние месяцы перед войной…….	74
3.2	Первые дни войны…….	76
3.3	Первые полгода войны…….	84
3.4	Быт в первый год войны……	91
3.5	Первая работа…….	99
3.6	Быт в 1942-45 г.г……	105
3.7	Учеба в войну……	110
3.8	Учеба в МАИ…….	113
3.8.1	Учеба на подготовительном отделении……..	113
3.8.2	Друзья юности……	114
3.8.3	Учеба на факультете вооружения самолетов..	118
3.8.4	Педагоги МАИ……	120
3.8.4.1	Евгений Викторович Агокас……	120
3.8.4.2	Свешников Георгий Николаевич…….	121
3.8.4.3.	Лев Владимирович Рабинович…….	123
3.8.5	Комсомольская организация в МАИ……...	124
3.9	Победа…….	126

ГЛАВА 4	Первые послевоенные годы……..	128
4.1	Учеба после войны……	128
4.2	Быт в первые послевоенные годы……..	132
4.2.1.	До отмены карточек…….	132
4.2.2	Отмена карточек……..	134
4.3	Последние годы правления Сталина……..	137
4.4	Неудачный прыжок в МГУ……..	144
4.5	Окончание МАИ……	146
ГЛАВА 5	Я инженер…….	147
5.1	Инженер – конструктор……	147
5.1.1	Штурмовик Ил -40…….	152
5.1.2	Самолет Ил-18……..	154
5.2	Компьютеры!.....	156
5.3	Быт в 1952-64 годах…….	160
ГЛАВА 6	Поход в науку……..	163
6.1	Как меня арестовывали в Тарусе…….	165
6.2	Вступительные экзамены…….	166
6.3	Начало научной работы……	167
6.4	Организация научной работы в 70-х г…….	169
6.5	Начало преподавательской работы……..	171
6.6	Лунник – Обработка информации……	172
6.7	ВКЛА «Спираль»……..	173
6.8	Работа научным сотрудником…….	176
6.9	Быт в 1965-75 г.г……	178
ГЛАВА 7	Личная жизнь инженера в 50-70 г.г…….	180
7.1	Интимная жизнь……	180
7.2	Первая любимая жена……..	182
7.3	Отдых ……	184
7.4	Советский общепит……..	185

7.4.1	Столовые на предприятиях……..	185
7.4.2.	Кафе и рестораны……..	186
7.5	Отпуска……..	188
7.5.1	Москва-Пермь – Москва……..	188
7.5.2	Впервые в Прибалтике…….	190
7.5.3	Путешествие на Алтай…….	191
7.5.4	Как я научился качаться на волнах……..	198
7.5.5	Отдых в Средней Азии……	199
Глава 8	Катастрофа……..	204
8.1	Развал СССР……..	204
8.2	Октябрь 1993 года……	210
	Послесловие……	213
	ПРИЛОЖЕНИЕ……	214

Предисловие

Я родился в 1927 г. и 64 года прожил в СССР. За свою жизнь я был свидетелем и участником многих событий. Сегодня эти события обсуждаются, с моей точки зрения, часто предвзято и недобросовестно. Мне хочется рассказать о своей жизни, жизни простого человека. Основная цель данной работы – по возможности правдиво описать жизнь рядового москвича в то время.

Несколько лет тому назад я опубликовал в социальной сети «Макспарк» ряд автобиографических статей. Неожиданно для меня они вызвали достаточно большой интерес. В общей сложности их прочли 4321 человек, и 1016 человек написали свои, в подавляющем числе, положительные комментарии. Возникла мысль объединить эти статьи и, дополнив и отредактировав, напечатать. Так появились эти записки.

Я хочу подчеркнуть, что пишу не историю СССР (я инженер, а не историк), а свои воспоминания, свои наблюдения, свою оценку той эпохи, в которой я жил.

Я никем не ангажирован, а просто стараюсь вспомнить свою жизнь и жизнь моих сверстников. Я стар, и можно рассматривать мои воспоминания, как исповедь перед уходом.

Конечно, у меня много ошибок, но я прошу верить мне, что они не намеренны, я пишу то, что помню. Возможны какие-то ляпсусы. Человеческая память не совершенна. Естественно, мои воспоминания субъективны. Но меня учили, что объективное может выражаться только через субъективное.

Разговаривая с молодыми людьми (35-45 лет) понял, что для них то, что я видел и помню - диковинка. Это сейчас, а что будет лет через 10?

Наверное, кому-то будет интересно прочесть записки обычного человека 1927 г. рождения, который никогда не был участником (поэтому и жив остался?), но часто был рядом с участниками.

Пара читателей сказала, что я везунчик, что я попал в струю. Подумав, я согласен с ними. Мне повезло в том, что:

1) Моя мать посвятила всю жизнь мне. Работала в три смены, чтобы учить меня языкам, музыке и черт знает чему. Отказывалась от брака с предложением эмиграции во Францию

2) Я москвич

3) Окончил престижный в то время ВУЗ

4) Получил БЕЗ БЛАТА прекрасное распределение на работу

5) Поздно окончательно женился, т.е. был сам себе голова

6) Больше всего мне повезло со временем начала работы инженером. Время послевоенное, только что закончилось, и то не во всем, восстановление. Нужны были инженеры! Гуманитарии популярностью не пользовались.

Я родился и провел всю жизнь в Москве. Больше, чем на два месяца из Москвы никогда не уезжал. Я люблю Москву, люблю темп ее жизни. Когда я первый раз лет в 26 приехал в Ленинград (Санкт-Петербург), мне показалось, что я приехал в большую деревню. Все двигались, разговаривали и работали в гораздо более медленном темпе.

Я СТАРАЮСЬ ПИСАТЬ ПРАВДУ, ТАК, КАК Я СЕГОДНЯ ЕЕ ПОНИМАЮ.

Я буду благодарен всем, искренне заинтересовавшимся этой работой. С удовольствием прочту их комментарии. Пишите по электронной почте: wladjankov@mail.ru или по адресу:

107140, Москва, ул. Гаврикова, д. 3/1, кв 3. Ваши отзывы активизируют мою память, и я вспоминаю то, что забыл.

ГЛАВА 1. История семьи

Оба моих родителя росли и воспитывались на Волге в городе Сызрань. Сызрань - город областного подчинения, центр Сызранского р-на Самарской обл. Расположен в устье одноименной реки. Пристань на правом берегу Волги, у юго-западной оконечности Самарской Луки. Узел железнодорожных линий на Ульяновск, Самару, Саратов, Пензу, Инзу. 183 тыс. жителей в 1975 году, 32 тыс. - в 1897-ом. Основан в 1683 г. С 1796 - уездный город Симбирской губернии. Был крупным перевалочным пунктом грузов с железной дороги на волжские суда и обратно, имел значительную мукомольную промышленность

1.1. Отец и его семья

В 1946 г., когда мне было 19 лет, мой двоюродный брат Глеб Яньков под большим секретом сообщил мне, что мы из дворян. Он просил не говорить об этом даже его молодой жене и дал почитать книгу "Записки бабушки. История пяти поколений», записанные и собранные ее внуком Дмитрием Благово", дореволюционного издания Суворина.

«Бабушка» - Елизавета Петровна, урождённая Римская-Корсакова (1768-1861), дальняя родственница М.А. Ганнибал по линии Ржевских, правнучка историка В.Н. Татищева, вышла в конце XVIII века замуж за Дмитрия Александровича Янькова, дожила до 60-х годов XIX века. Ее внук Дмитрий Благово, впоследствии видный иерарх православной церкви, записал ее воспоминания. Они ценны историкам, как подробное описание дво-

рянского быта первой половины XIX века, а мне – как источник сведений о моем роде. Семья бабушки Яньковой жила в разное время в различных домах Москвы, но наиболее известен их дом на Пречистенке (ул. Кропоткина), представленный на рис.1.2.

Согласно «Запискам», первые Яньковы появились в России в XVII веке при царе Федоре Алексеевиче. Они были родом из Македонии, откуда их предок выехал от турецкого утеснения и поселился в Польше. Их было несколько братьев: один остался в Польше и назывался Янковский, другой брат ушел в Венгрию и стал писаться Янькович, а двое из них, Иван Васильевич и Федор Васильевич, прибыли в Россию при царе Федоре Алексеевиче.

Федор был ученый человек, потому был принят в Московскую Славяно-греко-латинскую академию, и, постригшись, стал называться Феодосием Яньковским. Он был при Петре I новгородским архиереем, короновал Екатерину I, был членом Синода.

Об этом Яньковском пишут историки С. М. Соловьев, Н.М. Никольский, С Князьков и писатель Мережковский в романе "Петр и Алексей". И другие источники сообщают нам об этом прелате.

В 1710 г. Феодосий был переведен в архимандриты, основанной Петром Александро-Невской лавры, и через пять лет поехал лечиться за границу (С. М. Соловьев. История России с древнейших времен). Однако после смерти Петра Федор стал перечить всесильному Меньшикову и приговором Синода был превращен в простого чернеца и послан на послушание в Холмогоры, где и помер.

Брат Феодосия, Иван Васильевич, имел сына Даниила (1682-1738), который поступил при Петре I на военную службу и начал называться в отличие от других своих родственников

Яньковым ("Записки..."). Он-то и был моим предком. Служил при Петре I, был гоф-интендантом.

Рис. 1.1. Дмитрий Благово в молодости и в зрелые годы.

Его московская усадьба была в Успенском Вражке. Успенский Вражек - древнее московское урочище между Тверской и Большой Никитской ул. (Газетный переулок, ул. Огарева) - по летописям упоминается с XV в. Здесь находились дворы послов — Литовский двор и «цесаревых послов двор», т.е. Римской империи. Упоминается здесь и двор Алевиза Нового - знаменитого архитектора. Каменное здание церкви в этом переулке было выстроено в 1647 г.

В Советское время в храме был междугородний переговорный телефонный узел. Сегодня в нем проводятся службы.

Лет десять тому назад я был в его подполе. Ни одного захоронения Яньковых там не осталось.

Еще Петр I разрешил Даниле Ивановичу, который не был тогда российским дворянином, покупать крепостных, а Петр II даровал ему в 1729 г. своим указом потомственное дворянство.

УКАЗЪ

Данилу Янкову въ 1723 году, по Именному ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА блаженныя и вечной славы достойныя памяти ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ПЕРВАГО указу, дозволено покупать деревни, а въ 1729 Февраля въ 24 день за усердие и ревность къ службе, отъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВТОРАГО, онъ, Янковъ съ потомствомъ его пожалованъ въ дворянское достоинство и на оное грамотою, а потомъ находясь въ службе, достигъ чина Маіорскаго. Потомки его Данила Янкова, равнымъ образомъ служили Российскому Престолу въ разныхъ чинахъ и владели деревнями. Вее сіе доказывается жалованною на дворянство грамотою, справкою Вотчиннаго Департамента и копею Московскаго Дворянскаго Собрания

Рис. 1.2. Свидетельство о присвоении Даниле Янькову потомственного дворянства

Данила Иванович похоронен в Александро-Невской Лавре.

Успенский храм стал усыпальницей Яньковых, живущих в Москве. В нем похоронен сын Даниила Ивановича Александр Данилович (1722-1766), в 1742-1749 годах он был адъютантом графа П. С. Салтыкова, затем прокурором Главной провиантской канцелярии.

Рис. 1.3. Портрет Данилы Ивановича Янькова

Рис. 1.4. Герб Яньковых

Портрет Данилы Ивановича обнаружил в Казанской художественной галерее мой товарищ Л. Алимов, снявший с него фото. Подпись к портрету*: Неизвестный художник*. Портрет Д.И. Янькова. 1732. Холст, масло. В левом нижнем углу бумажная наклейка с надписью: "Даниилъ Ивановичъ / Яньковъ / Гофъ-Интендантъ Двора ИмпЪратріцы Анны Іоанновны / Декабря 10-го 1738 г. <Сент?> 20 / В Невской ЛаврЪ. / 1732".

Герб я получил в Российском государственном архиве древних актов.

Размножаясь, Яньковы приобретали имения во Владимирской, Костромской, Московской, Нижегородской, Тверской, Тульской губерниях; их родственниками и соседями были - Бестужевы, Римские-Корсаковы, Татищевы, Щербатовы, Бибиковы. (Российский Государственный архив древних актов).

Мои прямые предки тульские Яньковы внесены в шестую книгу древних дворянских родов Тульской губернии в 1821г.

В каждой губернии велась своего рода «учетная ведомость» дворян губернии - Дворянская родословная книга. Как правило, вносились в нее дворяне - владельцы недвижимости на территории губернии. Если не было недвижимости, - по месту рождения или службы. В зависимости от оснований причисления к дворянству контингент делился на 6 категорий. Самые почетные - 5-я (титулованное дворянство) и 6-я (древнее дворянство). В Тульской губернии жило несколько семейств Яньковых и имеется деревня Яньково, сохранившаяся до нашего времени.

Рис. 1.5. Дом «Бабушки» Яньковой на Пречистенке

Рис. 1.6. Деревня Яньково

Как я уже писал, я узнал, что принадлежу к дворянскому сословию в 40-х г.г. Подумав, я стал сомневаться, являюсь ли я потомком Данилы Ивановича. Поэтому в последние годы я провел большую работу - связывался с архивами, копался в интернете и нашел документы, доказывающие, что я потомок Данилы Ивановича. В приложении к данной работе я перечисляю всех своих прямых предков.

Рис. 1.7. Дед Иван Петрович Яньков
Управляющий имением Бестужевых

Пропустив здесь, для экономии места, перечисление отдаленных предков, начну со своего деда.

Мой дед, Иван Петрович Яньков (1854–1918) родился в Москве, но занесен в шестую книгу древних родов Тульской гу-

бернии (есть документ). Жена Евдокия Степановна (1864-1942) из крестьян.

Дед женился на ней, когда ей было 15 лет. Он увидел ее на улице, влюбился в красавицу - крестьянку, посватался, и она с радостью пошла за дворянина.

У деда было имение в селе Себино Епифанского уезда (ныне Кимовского района) Тульской губернии. Затем он разорился. Потеряв свое имение в Тульской губернии, дед переехал в Самарскую губернию и с 1898г. работал там управляющим имениями своих родственников Бестужевых в селе Теплый Стан Сызранского уезда Самарской губернии.

В 1904 г. Иван Петрович Яньков стал членом церковного приходского попечительства при церкви Святой Равноапостольной Марии Магдалины села Теплый Стан. В конце жизни работал в Сызранской городской управе. Дед умер во время революции после бани.

Младшая современница деда рассказывала мне в 50-х годах XX столетия: «И, Вовочка (Вовочке 25 лет!). Для твоего деда каждая юбка была женщиной. Свое имение он растратил на артисток. Ему доверили управлять имением родственника, которое он также разорил».

Судя по тому, что в последние годы жизни дед служил в думе, а бабушка, как я пишу ниже, держала пансион, эти высказывания правдоподобны.

Заслуживает внимания один из старших братьев деда - Сергей Петрович. Он родился 23 ноября 1849 года, воспитывался в Петербургской реальной гимназии и в 3-ем Военном Александровском училище.

Был в военном походе в Европейской Турции в 1877-1878 г.г. В чине штабс-капитана - командира 11 роты Самогитского

полка гренадерского корпуса участвовал в сражении под Плевной 28-го ноября 1877 г.

Позднее состоял в чине подполковника уездным воинским начальником. Имел ордена: св. Владимира с мечами и бантами, св. Анны 3 степени, св. Станислава 2 степени, медаль в память войны с турками в 1877-1878, румынский железный крест и медаль в память коронования Александра III в 1883 году.

В семье деда было много детей. Выжило шесть человек. Доходов деда не хватало, и бабушка держала пансион для детей окрестных дворян.

В Сызрани была женская гимназия и мужское реальное училище, и обучавшиеся в них дети окрестных дворян жили в бабушкином пансионе. Две ее дочери вышли замуж за бывших пансионеров. У меня сохранилось фото обеда всей семьи с воспитанниками.

После смерти деда бабушка жила в Сызрани одна (дети разлетелись). В 1930 или 1931году по настоянию старшего сына переехала в Москву и жила вдвоем с внучкой Сусанной у одного из сыновей в темной комнате (4 кв. м.). Она получала пенсию за умершего к тому времени старшего сына.

В 1941г., когда у Москвы стояли немцы, боясь лишиться пенсии в случае их прихода, она эвакуировалась вместе с Сусанной к дочери в Коканд, где и умерла от тифа в 1942 г.

Мой отец Яньков Юрий Иванович (1897-???) был младшим сыном семьи. Родился в селе Озерецком Самарской губернии и уезда. Связавшись с Самарским архивом я получил выписку из метрической книги записей, из которой видно, что отец – дворянин.

Мама говорила, что отец - "без царя в голове". Учился в Сызрани в реальном училище. В шестом классе начался его ро-

ман с мамой. Мама из зажиточной мещанской семьи и там на этот роман смотрели неодобрительно.

Отец окончил реальное училище в 1916 г. и, так как шла первая мировая война, был призван в 13-й Заамурский пограничный полк, где служил прапорщиком. После Октябрьской революции он участвовал в гражданской войне на стороне белых во втором егерском Сызранском полку в армии Колчака, и дослужился до штабс-капитана.

В 1920 г. отец был взят в плен 11-ой Красной армией, в которой, как нам известно из трилогии А.Н.Толстого «Хождение по мукам», служил её главный герой Иван Ильич Телегин.

Рис.1.8. Отец –ученик реального училища.

Особый отдел этой армии отправил отца в Рязанский концлагерь. Лагерь был организован в 1918 г. после покушения Каплан на Ленина. Сначала в нем содержались заложники, потом пленные белые офицеры. По свидетельству современных иссле-

дователей содержание в лагере было неплохим. Через два года лагерь ликвидировали, и отец переехал в Москву. Здесь он женился на маме в 1923 г.

После переселения в Москву старший брат Борис устроил отца управляющим домом №31 по Плющихе. Тогда домами управляли домовые комитеты – домкомы из жильцов дома, перед которыми отчитывался управдом. На одном из таких заседаний одна из членов домкома, прекрасный человек, член Коммунистической партии с 1903 г. Полина Федоровна Белова стала хвалить отца: «Вот Юрий Иванович, прекрасный управдом, несмотря на то, что был белым офицером». Нашелся стукач, который стукнул куда надо, и отца сослали в Калинин (Тверь). Он устроился там на работу счетоводом, но совершил растрату.

Лет пять тому назад я обратился в Тверской ОВД и мне сообщили, что отец был осужден по ст.ст.116 УК и 109 УК РСФСР Калининским областным судом на 10 лет с конфискацией имущества

(Кажется, был громкий процесс, Калининская пресса кричала об его офицерстве). С 21.01.36 по 01.09.36 г. он сидел в Калининской тюрьме, затем был отправлен в Дмитровлаг НКВД Московской области. Он отсидел свои десять лет, уехал в Сибирь, там завел новую семью, и умер старым человеком в 80-х годах XX столетия. Я пытался найти его следы, но успеха пока не добился.

Позднее отец признавался родственникам, что нарочно совершил растрату, чтобы вместе с «Кировским потоком» не сесть по более суровой пятьдесят восьмой статье тогдашнего уголовного кодекса (После убийства Кирова в 1934 г. было репрессировано большое количество бывших белогвардейцев).

УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
АРХИВНОЙ СЛУЖБЫ
САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ САМАРСКОЙ
ОБЛАСТИ «ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ»
(ГБУСО «ЦГАСО»)**

Молодогвардейская ул., д.35,
г. Самара,443099
тел. (846) 333-62-72, 333-76-62
e-mail: gaso@samtel.ru
ОКПО 03492943, ОГРН 1086317002177
ИНН/КПП 6317073834/631701001

Янькову В.Ю.
ул. Гаврикова, д. 3/1, кв. 3
г. Москва
107140

29.08.2013 №05-28/192

На №б/н от 06.08.2013

Архивная выписка из метрической книги записей
Спасской церкви села Озерецкое
Самарского уезда Самарской губернии
о родившихся за 1897 г.

№	Месяц и день рождения / крещения	Имена родившихся	Звание, имя, отчество, и фамилия родителей и какого вероисповедания	Звание, имя, отчество и фамилия восприемников	Кто совершал таинство крещения
34	август 9 21	ЮРИЙ	Дворянин Иван Петрович Яньков и законная жена его Евдокия Степановна, оба православные.	Деревни Воронковки крестьянин Алексей Феодорович* Воронков и Священническая жена Надежда Николаевна Анненкова	Приходской священник Пётр Агафодоров с исправляющим должность псаломщика Иоанном* Крыловым

* – так указано в документе.
Основание: Ф. 32. Оп. 38. Д. 961. Л. 175 об.–176.

Директор А.А. Карпец

Нач. отдела В.В. Шестерикова

Исп. И.В. Цибин
Тел. 333-62-72

Рис. 1.9. Свидетельство о рождении моего отца
Указано сословие

Список

комиссии по фильтрации при Особотделе 11-й Армии (Баку) для отправки обер-офицеров Белой армии в Рязанский к/л, 26 сент. 1920г

Яньков Юрий Иванович, дворянин Самарск. губ. и у., с. Озерецкого, 23 лет, прожив. в Сызрани,

в войну в 13-м Заамурск. Погран. полку на фронте, прапорщик, в Бел. армии – 2-й Егерский Сызранский полк, шт.-капитан…?...

Рис. 1.10. Документ о помещении отца в концлагерь

.

Отец переписывался со своей золовкой и в пятидесятых гг. просил маму о свидании со мной, мама не разрешила (сынок работал в оборонке, вдруг это ему повредит).

С семьей Яньковых связана даже жизнь святой Матроны Московской. Сегодня в интернете имеется 65 (!!) страниц церковных первоисточников по Матроне. В них часто приводятся противоречивые сведения о ней, но всюду утверждается, что она младшая дочь крестьянина Никонова из деревни Себино Епифанского уезда Тульской губернии. Только википедия упоминает, что она может быть не родной, а приемной дочерью этой семьи. 15 лет тому назад эта версия в интернете была преобладающей.

Совладельцами имения в Себино были Александр и Андрей (1840-1877) Николаевичи Яньковы, двоюродные братья деда. Именно их дочери Лидия Александровна (1885-?) и Надежда Андреевна (1877-1951) заботились о Матроне.

Наш дальний родственник В.В. Бибиков, промышляющий сегодня раскопкой различных родословных, высказал предположение, что Матрона - незаконная дочь одного из братьев, отдан-

ная, как в то время было принято, за небольшое вознаграждение на воспитание в малодетную крестьянскую семью Никоновых.

В пользу этой версии говорит и официальная легенда о том, как Лидия Янькова брала 14ти-летнюю Матрону с собой в паломничество по святым местам России, в одном из которых Матрону заметил Иоанн Кронштадтский. Известно, что Лидия Янькова на два года моложе Матроны, поэтому связанные со значительными расходами и заботами путешествия не могли состояться без взрослых. Зачем помещики Яньковы брали на себя хлопоты, связанные с крестьянской девушкой?

В современной литературе имеется обширная информация о роде Яньковых.

В настоящее время восстановлены два дома Яньковых. В Газетном переулке, за Макдональдсом восстановлены «палаты Яньковых» XVIII века. На Пречистенке на месте старого дома бабушки Яньковой, который был снесен при Хрущеве, построен двухэтажный дом под начало XIX- го века.

В 2008 г. в литературном музее Москвы была организована выставка «Московская семья Яньковых-Благово». Но это про Московских Яньковых, а я из Тульских.

1.2. Мать и её семья

Во мне и моих родственниках с материнской стороны есть и еврейская кровь (“и” потому, что там намешано всего, дай нам Боже).

Прадед по матери, мальчонка из еврейской семьи, видимо из западных областей России, в царствование Николая I был забрит в кантонисты, крещен и получил христианское имя Николай Емельянов. Он прослужил 25 лет в Николаевской армии, дослужился до унтер-офицера, вышел в отставку, приехал в Сызрань и

в 45 лет женился на молодой русской крестьянской девушке («Бабе Любе»). Прадед примерно 1825-1830 г. рождения. Умер около 60-ти лет, т. е. в 1885-1890 г.

«Баба Люба» примерно 1860 г. рождения, дожила до 1930 г., т. е. умерла 70 лет. У них было четверо детей.

Их дочь Анна Николаевна, моя бабушка (1877 - 1932) вышла замуж за Ивана Алексеевича Избякова, мещанина г. Сызрани, православного, частично татарина (Сызрань, Казань, Астрахань - татаро-монгольские имена). Бабушка и дедушка поженились 18.01.(ст. стиль) 1893 г.

Дед, человек без образования, служил в банке, хорошо себя зарекомендовал, пользовался доверием, ему давали кредиты, он на них проводил операции с хлебом (сплавлял хлеб по Волге в Персию) и постепенно богател. Дом в городе на каменном фундаменте, хозяйство в городе: две коровы (одна из них бодала в детстве мою тетку), несколько человек прислуги в доме.

Рис. 1.11. Дед Иван Алексеевич Избяков
и бабушка Анна Николаевна

Перед первой войной купил дачу под Сызранью и рысака. Рысак покрывал 20 верст за час. После такого подвига его необходимо было около часа прогуливать и эту почетную обязанность доверяли выполнять часто гостившим племянникам Анны Николаевны - Лавру и Александру. И через семьдесят лет профессор, доктор технических наук Лавр Михайлович Емельянов рассказывал мне об этом с гордостью.

Дед хотел записаться в купцы (нужен был определенный капитал), помешала революция.

Бабушка Анна Николаевна окончила только 4 класса начальной школы. Она родила маму в 19 лет. До нее была умершая в раннем детстве Зоя. Еще были Рая - 1898 г.р. и Боря 1902 г.р.

Мать, Любовь Ивановна Избякова, родилась в 1896 г. Любочка училась в гимназии хорошо, но, по-видимому, брала настойчивостью (над алгеброй сидела до ночи). В старших классах влюбилась в Юру Янькова (отец). Любовь на всю жизнь. Родители матери не очень поощряли этот роман.

Дед и бабушка, сами без образования, всячески поощряли учебу детей. Мать, помимо обычных семи классов женской гимназии, кончила восьмой, дающий право поступления в университет, и девятый, дающий право преподавания в начальной школе. Сохранилась копия ее аттестата - сплошные пятерки. Затем она поступила в МГУ на медицинский факультет (1914). (До революции специальных медицинских институтов не было).

Будучи человеком серьезным, Люба читала запрещенную литературу (Л.Толстого, Михайловского) и мечтала о революции, которая всех осчастливит. Революция свершилась и испортила ее жизнь.

По-видимому, мама была гордой. При зажиточных родителях давала уроки, чтобы не брать денег от них, из экономии не брала извозчика, а ходила пешком с Пресни, где снимала комнату, на лекции (теперешний институт повышения квалификации на Баррикадной). Позднее, во время Отечественной войны, когда мы голодали, отказалась от места экономки у Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР, где можно было есть досыта.

Началась первая мировая война, Февральская революция, Октябрьская. Учеба прекратилась, Любочка вернулась в Сызрань. 1918 год. Юра у белых.

В Самаре образовалось правительство членов разогнанного большевиками учредительного собрания (Комуча), пригласившее министром обороны адмирала А.В. Колчака. Вскоре Колчак совершил переворот, захватив власть в Самаре и ее окрестностях (и в Сызрани). Когда Колчак стал отступать, семья Избяковых, зарыв то, что не унесешь, подалась в эвакуацию на восток. Отступали не на поезде. На поездах ехали чехи и войска. (Еще до революции в России был сформирован чехословацкий корпус из военнопленных австро-венгерской армии. Советское правительство разрешило им вернуться в образовавшуюся после развала Австро-Венгрии Чехословакию через Сибирь и Дальний Восток. Но чехи подняли мятеж и стали ударной силой белых).

Семья Избяковых шла пешком и ехала на попутном транспорте несколько тысяч километров. Отступая вместе с Колчаком, докатились до Иркутска

В каждом городе с университетом Любочка поступала на медицинский факультет, пытаясь продолжать учебу. От тифа помер сын Избяковых Боря. От него же скончался глава семьи - Иван Алексеевич.

Рис. 1.12. Маме 21год. Январь 1917 г.

После поражения Колчака остатки семьи вернулись в Сызрань. Дом реквизировала Советская власть, жить было нечем, бабушка торговала лепешками и пирогами на базаре, Любочка пошла преподавать в школу.

В 1923 г. Люба переехала в Москву, все пыталась восстановиться на мед. факультете, но неудачно, подводило социальное происхождение. До 1936 года в СССР действовал закон о «социально чуждых элементах», к которым относились все кроме рабочих и крестьян. Эти элементы, в частности, не допускались в ВУЗы. На рис. 1.14 приведена справка о лояльности Л.И. Избяковой Советской власти, выданная двумя членами РКП(б) (Российской коммунистической партии большевиков).

Юрий тоже приехал в Москву. Они поженились. Сначала снимали комнату в Гагаринском переулке. Затем жили в квартире 5 дома №31 на Плющихе. Там я родился и прожил большую часть жизни.

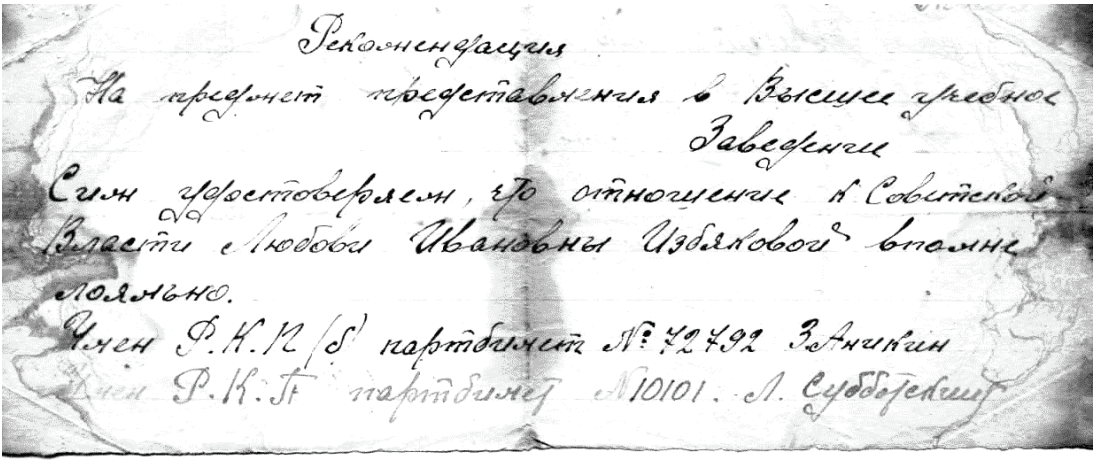

Рекомендация
На предмет представления в Высшее учебное Заведение
Сим удостоверяем, что отношение к Советской Власти Любови Ивановны Избяковой вполне лояльно.
Член Р.К.П.(б) партбилет № 72792 З.Анчикин
Член Р.К.П. партбилет №10101. Л. Субботский

Рис. 1.13. Справка о лояльности Л.И. Избяковой Советской власти

A propos: Выше я писал, что в доме родителей моей матери было несколько человек прислуги. После революции ВСЕ дети этой прислуги получили высшее образование и стали врачами и инженерами. Мама, а потом и я, поддерживали с ними отношения.

Вторая дочь Ивана Алексеевича и Анны Николаевны Избяковых - Раиса Ивановна (1898-1979) окончила Сызранскую гимназию и в 1922 г. вышла замуж за красного латышского стрелка Андрея Петровича Машинского (1887-1944). (Одна сестра за белогвардейцем, вторая – за красным командиром! Это и есть гражданская война!)

В 1923 у них родилась дочь Лариса Андреевна. Первое время семья жила в Сызрани, где все знали, что Раечка из зажиточной семьи. Но однажды, по рассказам их дочери, пришли друзья и сказали: завтра вас должны взять. Семья, бросив все, бежала в Ульяновск, где и жила до 1936 г.

В 1936 Раиса Ивановна с дочкой переехала под Москву в Загорск (Сергиев Посад), здесь я жил у них в 1938 во время ареста мамы, и позднее в 1941, спасаясь от бомбежек Москвы. Сам Андрей Петрович устроился работать в Москве.

В 1937 он перевез семью в Москву. Раиса Ивановна всю жизнь работала машинисткой.

Андрей Петрович никаких благ от Советской власти не имел, и на моей памяти работал комендантом общежития. По-видимому, отец – белогвардеец и красный латышский стрелок мирно уживались один с другим. Во всяком случае, на моей памяти они вместе пили водку и закусывали разложенной на газете селедкой.

Жизнь с отцом счастливой не была, его все время преследовали как белого офицера, чуть что - на цугундер, посидит месячишко - отпустят до следующей заварухи.

Мама и отец очень любили друг друга. У меня сохранились фото с пламенными надписями на обороте. Но меня мама любила больше. Поэтому вскоре после моего рождения она с отцом развелась и отказалась от алиментов. Тогда это делалось просто: один из супругов писал заявление в ЗАГС и развод считался осуществленным. Мама понимала уже тогда (1928 г.), что отец - белый офицер испортит мне жизнь.

Всю жизнь мама боялась: вдруг узнают про мужа - белогвардейца, про ее отца - зажиточного служащего. Периодически она, а с 1944 г. и я, заполняли анкеты. А они были на восьми страницах, с графами: "Чем занимались Ваши родители до революции?", "родители мужа", «Участвовал Ваш муж в войнах?» и т.д. В анкетах мы писали, что об отце сведений не имеем и связи с ним не поддерживаем, что было правдой с 1936 г., когда он исчез из Твери. Важно было, чтобы новая анкета не отличалась от предыдущих.

Рис. 1.14. Семья Избяковых после гражданской войны. Слева направо: Отец – белый офицер, мама, Андрей Петрович – красный командир, его жена Рая Избякова. Крайняя справа - бабушка Анна Николаевна

После развода мать осталась без средств и без специальности. И здесь ей помог ее дядя. Он устроил маму, никогда не державшую рейсфедер в руках, копировщицей в одну из проектных контор. Он привел ее, дрожавшую от страха, в первый день на работу, договорился с начальством и мама начала свою инженерную карьеру. По-видимому, ей помогло то, что это было время начала индустриализации, когда была большая потребность в кадрах.

С тех пор мама связала свою деятельность с техникой, точнее, со строительством. Постепенно она росла: из копировщиков стала чертежницей, затем техником, старшим техником, после Великой Отечественной войны - инженером, а кончила свою карьеру старшим инженером, что, в общем, неплохо.

Наверно, для понимания современниками, нужно сказать несколько слов о технологии инженерного труда в то время.

Инженер-конструктор чертил на миллиметровке в карандаше или давал кроки. Техник разрабатывал отдельные узлы, чертежник составлял чертеж на ватмане, копировщик копировал его на кальку, с которой делались светокопии, отправлявшиеся уже на производство.

Уже в 50-х гг., когда я работал у Ильюшина, процесс стали упрощать: конструктор составлял конструкцию на пергамине, с которого сразу снимали светокопию. Сегодня развито компьютерное конструирование. Впервые я увидел его в 70-х гг. на фирме Сухого.

Маминого оклада с трудом хватало на наш прокорм и на мое обучение. Поэтому она хваталась за всяческие приработки. Все выходные она корпела дома за чертежной доской. Чтобы я был занят, мне давали доску для разделки теста, на которой я

тоже чертил. Такие упражнения привели к тому, что уже в 8-10 летнем возрасте я умел чертить.

Мама страшно переживала, что не получила образования. Она пыталась сама и с моей помощью овладеть некоторыми инженерными дисциплинами, особенно сопроматом, но низкий математический уровень не позволил ей этого.

Мама умерла 29.06.87 г. Болела год, последние 3-4 месяца очень мучилась: страшные боли при прикосновении к тазу.

ГЛАВА 2. Жизнь до войны

2.1. Плющиха

Я родился 2 августа 1927г. в Москве, в одном из лучших роддомов г. Москвы имени Грауэрмана, расположенного тогда в районе Арбатских переулков, теперь на Новом Арбате. Правда, теперь это не роддом, а какой-то салон.

Из роддома я был принесен в коммунальную квартиру №5 дома №31 по улице Плющиха, где и прожил до 1995 года.

В Москве есть расположенная недалеко от Москва–реки Смоленская площадь, с которой раньше начиналась дорога на Смоленск. Когда еще ни современных дорог, ни современных мостов через реку Москва не было, возы в Смоленск шли от Смоленской площади вдоль высокого левого берега Москва реки до брода около Новодевичьего монастыря (монастырь, как крепость, был сооружен у брода для защиты с запада), где и переправлялись через реку. В начале этой дороги предприимчивая бабка по прозвищу «Плющиха» поставила кабак. Так как путешествие до Смоленска продолжалось около недели (400 км), то каждый путешественник заходил в этот кабак. В конце концов, по имени кабака назвали улицу.

Сегодня Плющиха считается элитной улицей. В мае 2007 года Публичный совет по архитектуре и градостроительству при мэре Москвы одобрил идею строительства пешеходного туристского маршрута Нескучный сад – «Москва-Сити», значимый участок которого проходит по улице Плющиха и близлежащим переулкам.

А довоенная Плющиха была улицей окраинной. В то время (середина тридцатых годов) развернулась реконструкция Москвы. С Садового Кольца, с Арбата и других центральных улиц были сняты трамваи и пущены троллейбусы. Центральные улицы заасфальтировали.

15 мая 1935 года пустили первое в СССР метро. Было 11 станций. От станции «Сокольники» поезда ходили через станции «Красносельская», «Комсомольская», «Красные Ворота», «Кировская» («Чистые пруды»), «Дзержинская» («Лубянка»), «Охотный Ряд», «Библиотека им. Ленина», «Дворец советов» («Кропоткинская») до станции «Парк культуры». От «Охотного ряда» ответвлялась линия на «Улицу Коминтерна» ("Александровский сад") «Арбатскую» и «Смоленскую». Это была первая очередь. На станциях сравнительно глубокого заложения «Охотный ряд», «Дзержинская», «Кировская» и «Красные ворота» были эскалаторы, возбуждавшие интерес пассажиров. Билет стоил 30 копеек (сталинских). Контролер проверял билеты у входа, далеко от эскалатора. Воспользовавшись этим, я с отцом (!) катались однажды на эскалаторе раз десять.

В 1938 г. была введена в строй вторая очередь метро от пл. Свердлова ("Театральная") до Сокола, а также станции «Курская» и «Киевская».

Забегая вперед, сообщу, что в 1943 г., когда шла страшная война, закончили строительство третьей очереди «Площадь

Свердлова» ("Театральная"), «Новокузнецкая», «Павелецкая» «Завод им. Сталина» ("Завод им. Лихачева") и «Курская», «Бауманская», «Электрозаводская», «Сталинская» («Семеновская»), « Измайлово» («Партизанская»).

В 1937 г. по центру Москвы пустили двухэтажные троллейбусы. В Москве строилось огромное количество школ

На этом фоне довоенная Плющиха представляла собой грязную окраинную улицу. Она была замощена булыжником и застроена одно- двухэтажными деревянными купеческими и мещанскими домами, национализированными после революции. До революции было построено несколько пяти-, шестиэтажных доходных домов.

Летом дворники каждого дома поливали свой участок улицы из брандспойтов, зимой они сдвигали снег с проезжей части к тротуарам и вдоль них образовывались баррикады. Постепенно снег с баррикад на обычных санках перевозился во дворы.

В переулках вокруг Плющихи еще в 50-х г.г. воду доставали из колонок, отопление было печное, готовили на керосинках и примусах. (Прúмус - бесфитильный нагревательный прибор, работающий на керосине. Принцип работы схож с принципом работы паяльной лампы.)

По Плющихе ходили трамваи к Филям и к площади Восстания (Кудринской) в одну сторону и к Новодевичьему монастырю - в другую.

Пройдемся по довоенной Плющихе.

В самом ее начале по правую руку стояла церковь иконы Божьей матери Смоленской, построенная в 1689-91 г.г. на месте языческого капища (Рис. 2.2). После революции церковь снесли, а на ее месте соорудили сквер, показанный на рис. 2.3.

Рис. 2.1. Двухэтажный троллейбус в Москве

Рис. 2.2. Церковь иконы Божьей Матери Смоленской

Это начало Плющихи, улица слева – Садовое Кольцо, улица справа – Смоленская, спуск к Бородинскому мосту.

Рис. 2.3. Сквер на углу Плющихи

самом начале Плющихи по левую руку до сих пор стоит дом №11 - первое пристанище семьи Л.Н. Толстого в Москве. Они поселились в нем в 1838 г.

Сразу за этим домом был расположен, снесенный в 50-х г.г., кинотеатр «Кадр». Все окрестные мальчишки и девчонки бегали в него смотреть «Детей капитана Гранта», «Остров сокровищ» и другие потрясные фильмы. Самый дорогой билет, как и во всей тогдашней Москве, стоил пять сталинских рублей (50 коп. хрущевских). Только в 60-х г.г. цена билетов в такие кинотеатры, как «Октябрь», повысилась до 70 коп.

Рис. 2.4. Пряничный домик

Рис.2.5. Дом архитекторов

По правую руку, примерно на том же расстоянии от начала улицы, в середине 30-х г.г. открылся магазин молочных продуктов «Госмолоко». До этого Москву поили молоком частные бидонщицы, приезжавшие ежедневно из Подмосковья.

Далее на углу с Четвертым Ростовским переулком, где сегодня винный магазин, была булочная, в которой я всю войну покупал хлеб по карточкам. По левую руку начинается Ружейный переулок. Огромного дома вдоль всего переулка, конечно, не было. Весь переулок был застроен одноэтажными домами. Но в середине него стоял, сохранившийся до сих пор, «пряничный домик». Говорили, что до революции в нем был дорогой публичный дом.

На углу Плющихи и Ружейного переулка до 50-х годов существовал дровяной склад, где жители покупали дрова.

Продвигаясь дальше, выйдем по правую руку к Шестому Ростовскому переулку. В начале его стояла керосиновая лавка. Сегодня он упирается в многоэтажный полукруглый дом архитектора. Именно к этому дому в фильме «Три тополя на Плющихе» шофер такси – Олег Ефремов – привозит героиню – Татьяну Доронину.

Одна из причин, почему Щусев, конструктор дома, выбрал форму дуги в том, что при этом сохранялась стоявшая в центре церковь, и оба строения формировали единый строительный ансамбль. Вторая причина – большая устойчивость очень высокого по тем временам здания.

Дом строили в 30-х гг. Подъемных механизмов не было, и я наблюдал, как рабочие на спине тащат кирпичи на верхние этажи. На рис.2.5. дом показан с фасадной стороны после сноса церкви.

Что же касается церкви, то она часто называется церковью на Бережках, так как находилась на высоком левом берегу Москвы-реки.

Храм этот был построен в 1412-1413 годах во времена княжения великого князя Василия III. Место было настолько живописное, возвышающееся над стремительной рекой, с густыми лесами, что решено было построить здесь же, напротив, двор, где впоследствии пребывали ростовские владыки. Отсюда соседние переулки стали называться «Ростовскими».

Во время пожара 1685 г. и Ростовское подворье и церковь Благовещения сгорели. После пожара стали строить новую каменную церковь, которую освятили в 1697 г.

Интерьеры приделов славились прекрасным одноярусным беломраморным иконостасом, где находилась почитаемая икона Божией Матери Коневской.

Сейчас церкви Благовещения Пресвятой Богородицы нет. Сносили ее не сразу, а по частям: сначала в 1950-х разрушили приделы церкви, остатки исчезли в 60-х, а колокольню снесли позже всего.

Очень красочно и любовно рифмуются строки стихотворения В. Ф. Ходасевича о Благовещенской церкви, которая стояла совсем недалеко от его дома:

Всю ночь мела метель, но утро ясно.
Еще воскресная по телу бродит лень,
У Благовещенья на Бережках обедня
Еще не отошла. Я выхожу во двор.
Как мало все: и домик, и дымок,
Завившийся над крышей! Сребророзов
Морозный пар. Столпы его восходят

Из-за домов под самый купол неба,
Как будто крылья ангелов гигантских

В этой церкви крестили меня. Моя мама была неверующей, она меня не крестила, а назвала Владимиром в честь В.И. Ленина, которого она очень уважала. А бабушка крестила меня тайком от мамы во имя Святого Равноапостольного князя Владимира.

Рис. 2.6. Церковь Благовещения на Бережках.
Фото начала XX века

Практически напротив Шестого Ростовского переулка стоит тот дом №31, в который меня принесли из роддома, и в котором я прожил до 68 лет.

На рис. 2.7 представлен этот дом, а на следующем рисунке 2.8 - вид из него на довоенную Плющиху.

Рис. 2.7. Дом 31. Фото 70-х г.г.

Вдали справа начинается Труженников переулок. В трехэтажном здании перед войной был магазин, я покупал там селедку «ивраси», и на всю жизнь запомнил это название. После войны здесь был пивбар, где автомат наливал за 20 копеек около полулитра пива. Поллитра стоили 22 копейки.

Вроде бы, до революции в этом здании также был публичный дом.

Рис. 2.8. Вид на довоенную Плющиху из дома №31

Далее по левую руку начинается 1-ый Неопалимовский переулок. Всего их три и названы они по стоявшей на углу Новоконюшенного переулка церкви Неопалимой Купины.
В христианстве Неопалимая Купина - один из ветхозаветных прообразов, указывавших на Богоматерь. Эта купина знаменовала собою непорочное зачатие Богоматерью Христа от Духа Святого

Рис. 2.9. Церковь неопалимой купины. Переулок, идущий влево – Первый Неопалимовский, вправо - Новоконюшенный. Церковь снесена в 30-х годах XX века

Рис. 2.10. Вид на Плющиху от Первого Неопалимовского в сторону Смоленской площади

Еще дальше по левую руку расположена школа №34, знаменитая, в основном тем, что я окончил там шесть классов.

Далее по левую руку от Плющихи расположена ул. Бурденко, или Долгий переулок, названный именем проживавшего здесь в одноэтажном доме главного хирурга Красной Армии.

Дом дореволюционной постройки, принадлежал частному лицу, а после национализации там поселили Бурденко.

Напротив улицы Бурденко начинается Труженников переулок, на котором в начале Вражского переулка стоит действующий храм Воздвижения креста Господня на Чистом Вражке.

Далее на Плющиху выходит торцом военная академия, в Советское время носившая имя М.В.Фрунзе (сегодня общевойсковая академия). На ее вершине был сооружен фанерный танк и нанесены слова Сталина: «Ни одной пяди чужой земли не хотим, но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому».

При Хрущеве танк и подпись под цитатой убрали. В академии учились как герои гражданской войны (Чапаев), так и многие будущие маршалы Победы.

Территория от сегодняшней академии до Новодевичьего монастыря была в средние XVIII века полем с березовыми рощами. Помните, в «Борисе Годунове» Пушкина народ собирается на Девичьем Поле просить Годунова на царство. Часть территории принадлежала монастырю, и там работали его крепостные крестьяне.

В XVIII веке богатые дворяне стали строить на Девичьем Поле загородные дома. Например, Трубецкой переулок находится на месте загородного имения князей Трубецких.

Здесь же были имения Архаровых и других дворян.

Рис. 2.11. Дом Н.Н. Бурденко

Рис. 2.12. Храм Воздвижения креста Господня
на Чистом Вражке

Рис. 2.13. Академия им. Фрунзе

Рис. 2.14. Цитата на фронтоне

Позднее «Девичка» была местом для верховых прогулок знати.

Сегодня на части Девичьего Поля построены клиники первого медицинского университета и жилые дома. На другой части расположен сквер.

Недалеко от сквера стоит загородный дом Л.Н. Толстого. В 20-х годах на сквере была помещена скульптура Толстого, созданная Сергеем Меркуровым.

Автором композиции является скульптор Алексей Михайлович Портянко.

Позднее, в 70-х г.г. он был заменен гораздо менее соответствующим Толстому памятником.

На пространстве перед памятником деревьев не было, и одно время там катали ребятишек на верблюде. А в конце сквера стояла палатка с очень вкусными, но дорогими вещами: вафлями по 30 коп. и по 60 коп.

Рис. 2.15. Памятник Л.Н.Толстому, стоявший в 30-х г.г. в Девичьем сквере

В конце Плющихи, перед переходом ее в ул. Еланского, стоит клуб работников завода «Каучук». Клуб построен архитектором Мельниковым по соседству с новыми домами для рабочих этого завода, построенных в начале 30-хт гг.

Рис. 2.16. Клуб завода Каучук

Советская власть предполагала, что после работы рабочие потянутся в клуб. Еще в 70-х г.г. в клубе работало огромное количество бесплатных кружков, в которых занимались ребятишки окрестных домов.

Сегодня рабочий поселок снесен, на его месте построены аппартаменты для сверхбогатых, и в шаговой доступности от них восстановлен храм Михаила Архангела при клиниках на Девичьем Поле. При Советской власти храм был закрыт, и в нем долгое время был клуб студентов Первого Медицинского Института.

В 70-х годах храм решили сломать. Подвезли бабу, стали рушить, но не успели.

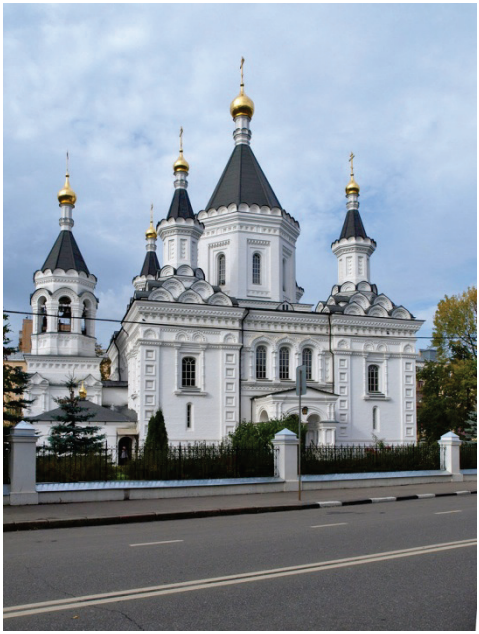

Рис. 2.17. Храм Михаила Архангела при клиниках на Девичьем Поле

Улица Плющиха полна воспоминаний об известных писателях, художниках, ученых, но дома, в которых они жили, почти все снесneы. Можно только перечислить целый ряд известных имен: в доме №17-19 в конце 1878 г. жил В.И. Суриков. №20 – поэт А.А. Плещеев в 1859 г., №23 – писатель И.И. Лажечников в 1860-е г.г., №28 – художник С.В. Иванов в 1899-1900 г.г., №30 – антрополог Д.Н. Анучин в 1880-1882 г.г.; в конце жизни большой усадьбой (№34-36) владел композитор Д.Н. Кашин, филолог Ф.Е. Корт жил в доме №34 в 1879 г., в доме №36 жил поэт А.А. Фет,

№38 – писательница Л.А. Авилова, №52 – Астраковы, дружившие с Герценом и Огаревым.

В самом конце Плющихи решил поселиться поближе к клиникам университета известный врач-гинеколог В.Ф. Снегирев. В. Ф. Снегирев прожил здесь с 1895 по 1916 г.

В церкви на Пометном Вражке венчались Антон Павлович Чехов и Ольга Леонардовна Книппер.

2.2. Раннее детство

Я крайне смутно помню себя года с 1932, или немного ранее. Помню отдельные отрывки: мама принесла по карточкам повидло (продуктовые карточки ввели в Москве в 1930 и отменили в 1934). Я в Сызрани, где еще жива моя прабабушка «баба Люба». Довольно отчетливо помню смерть бабушки в 1932 г.

Помню бабушку в гробу. Позднее я узнал от мамы, что у нее был рак женских органов. От этого же умерла мама. После смерти бабушки мы с мамой зажили вдвоем. Только изредка из ссылки в Твери приезжал отец. Он старался не попадаться на глаза соседям, по-видимому, ему не разрешалось покидать место ссылки. Последняя встреча с отцом перед его арестом состоялась в 1936 году. Тогда-то вся семья сфотографировалась в ателье на Арбате.

После смерти бабушки мама работала, и меня было не с кем оставлять дома. Так как детских садиков тогда еще практически не было, к тому же мама очень хотела учить меня с детства иностранному языку, она нашла на Девичьем Поле женщин, гулявших с группами детей.

Рис. 2.18. Герой семи лет с матерью.
Одежда обоих нищенская

Рис. 2.19. Последняя встреча с отцом

В то время это было распространенным явлением: какая-либо бывшая гувернантка или воспитательница детей "бывших" собирала небольшую (человек 8-10) группу детей, с которы ми общалась с 9 до 18 часов.

В случае хорошей погоды она гуляла с ними два раза в день, в случае плохой погоды занималась на квартире одного из родителей. Там же дети ели принесенную с собой еду. Каждый из родителей предоставлял свое жилье в порядке очереди.

После нескольких проб мама нашла латвийскую немку Эмилию Ивановну Коэль, с которой я занимался лет семь. Она гуляла с группой по Девичке, учила детей говорить по-немецки, преподавала начала арифметики и русского языка. Восемь часов в день мы должны были общаться только по-немецки, поэтому уже через пару лет я мог свободно "plaudern", мог писать по-немецки как латинским, так и готическим шрифтом. Да и сейчас, через восемьдесят лет, выпив сто грамм, практически свободно общаюсь с немцами.

Кроме того, к восьми годам мы умели читать по-русски (например, "Вечера на хуторе близ Диканьки" я прочел еще до школы), знали арифметику в пределах сотни.

Для сравнения: английский я начал учить с приходящей учительницей в третьем классе, затем учил его в школе, в институте. Но могу только переводить тексты по специальности со словарем. Недаром дореволюционные дворяне учили детей иностранным языкам с раннего детства.

Каждый из родителей платил ей, если мне не изменяет память, по 60 сталинских рублей в месяц. Для мамы это была большая сумма (около 20% ее зарплаты). Родители составляли класс мелких служащих.

Насколько бедно мы тогда жили, характеризует следующий эпизод. В районе Девичьего Поля жила семья германского или австрийского дипломата, жена которого (Frau Doktorin!) гуляла на Девичке с собакой. Естественно, она познакомилась с Эмилией Ивановной и часто милостиво беседовала с ней по-немецки (Эмилия Ивановна изъяснялась на Hochdeutch!).

Нас, детишек, Frau Doktorin так же милостиво угощала иногда маленькими дольками шоколада. Свою дольку я всегда приносил маме, страшной сладкоежке. Купить этот шоколад в магазине мы не могли. Как не могли купить в гастрономе на Смоленской пирожное, или бутерброд за ОДИН сталинский рубль.

Летом дети разъезжались по дачам (не по своим, своих тогда ни у кого не было, снимали). Так как маме и летом не с кем было меня оставлять, она снимала дачу, где я и летом жил с Эмилией Ивановной, поэтому она была мне ближе, чем другим детям. Я называл ее второй мамой (впрочем так же, как и тетю Раю) и придумал прозвище "Мика".

Когда я пошел в школу в 1935 г., я гулял и занимался с Микой уже только после школы, во второй половине дня.

Мика внезапно исчезла с Девички в 1939 г. и дала о себе знать только через год. Оказывается, она вышла замуж (она была старой девой) за пожилого вдовца-инженера с сыном. Я бывал у них в гостях. После войны она раза два бывала у нас. Последняя встреча с ней (1955 г.) тревожит мою совесть до сих пор: я встретил ее у нашего дома старую, оборванную, худую. Муж умер, его сын Мике не помогал, а пенсию она, по-видимому, не получала, так как работала без договора с нами и не имела трудовой книжки. И я, идиот, не уговорил ее даже зайти к нам: она была очень гордой. Так ее след пропал из моей жизни.

Так как мама больше всего боялась, что я останусь без образования, она учила меня и языкам, и музыке, и танцам. Более или менее пригодился только язык.

Будучи умным человеком, мама понимала роль самообразования. Ей сказали, что для того, чтобы человек много читал надо перед грудным ребенком класть книги, что она и делала. Действительно, начиная с пяти лет, я очень полюбил чтение, и все детство читал запоем разную художественную литературу, в основном дореволюционную с ятем и твердым знаком. И сейчас читаю не менее двух часов ежедневно. Полезно – ли это? Думаю, да. Я несколько раз менял специальность, каждый раз осваивая новую специальность самостоятельно, по литературе.

Телеков не было, радиоприемники могли себе позволить только зажиточные люди, а литературы всяческой было навалом.

Советских книг тогда было не так уж много: литературу 20-х годов изъяли, "Кавалеры золотой звезды" еще не были написаны.

Вместе с мамой работал инженер Дмитрий Иванович Сытин, сын известного дореволюционного издателя Ивана Дмитриевича Сытина. И.Д. Сытин помогал большевикам, поэтому имел от Советской власти пенсию. А у его сына осталась часть отцовской библиотеки, и он щедро давал мне книги для прочтения. Стишок

«Не шарь по полкам жадным взглядом,
не выдаются книги на дом.
Только круглый идиот
на дом книги выдает»

тогда еще не был написан. У моего дяди, жившего в том же доме, была прекрасная библиотека. Но, главное, конечно, городские и районные библиотеки Москвы.

В нашем районе была библиотека им. Крупской на улице Кропоткина (теперь Пречистенка), районная библиотека недалеко от метро Смоленская, городская библиотека в здании ресторана «Прага» (сам ресторан не работал). В библиотеке им. Ленина (теперь Российская Государственная библиотека) во флигеле, выходящем на ул. Фрунзе (теперь Знаменка), был специальный зал для школьников. Все эти библиотеки мы посещали.

Все библиотеки были бесплатными. Несколько лет тому назад я посетил Политехническую библиотеку. Она теперь платная.

Моя семья, как и многие другие, не могла выписывать газеты. Но на всех перекрестках, во всех людных местах города стояли стенды с газетами: подходи и читай. «Правда», «Известия депутатов трудящихся», «Московский большевик», «Комсомольская правда», «Труд» и др.

В каждой газете, кроме общих вопросов, разбирались специфические. «Комсомольская правда» - о молодежи, а не об эстрадных звездах и т.д.

Пропагандировались трудовые подвиги: Стаханов, Дуся и Мария Виноградовы, Изотов. Подвиги организовывались, но они были.

2.3. Быт до войны

Шестиэтажный дом №31, в котором я жил, был построен до революции, как доходный, и состоял из пяти пятикомнатных и пяти шестикомнатных квартир, по две на каждом этаже, начиная со второго. На первом этаже было помещение под магазин. Почти все время, за исключением военных лет, это был книжный магазин. При капитализме книги стали не нужны и магазин стал обувным.

В доме, как и полагается, были парадный и черный ход, лифт, газ, в каждой квартире была темная комната для прислуги и на черном ходу отдельный туалет для нее.

При входе в квартиру имелся холл, в квартире было три или четыре парадных смежно-изолированных комнаты с высокими двустворчатыми дверями и окнами на улицу, образующих анфиладу, и две комнаты (детская и спальная) с окнами во двор. Несущие кирпичные стены в каждой квартире и межэтажные перекрытия с засыпкой обеспечивали полную звукоизоляцию.

До революции в каждой такой квартире жила одна семья. Это были: священник, детский врач и т.п. После революции семьи рабочих стали переселять из подвалов, где они жили. В результате индустриализации в города переселилось много крестьян, а средств у государства не было, так как проводилась инду-

стриализация. Образовались коммунальные квартиры - коммуналки.

В нашей пятикомнатной квартире до войны жили четыре семьи. Я с мамой занимал одну комнату 11,25 кв.м. Соседнюю большую комнату 23,9 кв.м. занимала семья из пяти человек. Глава семьи - обрусевший немец Павел Фердинандович Линк работал шофером на легковой машине. Мать - Анна Ивановна была домашней портнихой. У них было трое сыновей: Кирилл 1924г. р., Дмитрий 1926 г.р. и Вадим 1929 г.р. В 30-х г.г. Павел Фердинандович устроился шофером в Германское посольство. Получал, видимо, хорошо, приносил подарки от хозяев. На праздники они давали ему малолитражку и он возил детишек по городу, показывая иллюминацию. Осенью 1937 г. его арестовали.

По другую сторону коридора в комнате 14,5 кв. м. жила Евдокия Григорьевна Лукьянова с мужем и двумя дочерьми Ниной и Валей. Она работала уборщицей.

Нина, 1921 г.р., перед войной устроилась машинисткой в НКВД и всю жизнь там проработала. Вышла замуж за оперработника, через несколько лет его послали куда-то резидентом, ей сказали: «Он не вернется, устраивайте свою жизнь».

Две последние комнаты общей площадью 23,9 кв.м. занимала семья Исакович. Он бухгалтерский работник, она не работала, была дочь Муся 1923 г.р.

Таким образом, перед войной в квартире полезной площадью 75 кв.м. жило 14 человек, в среднем менее шести кв.м. на человека.

В другой квартире, площадью 93 кв. м. проживало 14 человек, и так по всему дому, по всей Москве.

С современной точки зрения - ужасно. Но Лукьяновы, например, живя вчетвером в комнате 14 кв. м., ежедневно благо-

дарили Советскую власть: до этого они жили в подвале, без всяких удобств, с туалетом на улице.

Горячей воды не было, была газовая колонка в ванной. Каждой семье был отведен один день шестидневки для мытья. (До 1940 г. в СССР была «шестидневка». Отдыхали каждый шестой день: 6, 12, 18, 24 и 30 числа каждого месяца).

На кухне 9 кв.м. стояла шестиконфорочная газовая плита. У каждой семьи – своя конфорка. Можно было занимать и другие конфорки, но только если они были свободны. Там же у каждой семьи был свой кухонный столик с висевшей над ним кухонной полкой.

В нашей комнате была следующая обстановка: вместо обеденного стола стоял ломберный. Он раскрывался, как книжка. На обеденный денег не было. Три гнутых стула. Стоял двухстворчатый фанерный шкаф. Полки левой створки использовались частично для хранения белья, частично для столовой посуды. Стоял диван с двумя валиками, металлическая кровать с шишечками. Когда мне исполнилось девять лет, появился ученический письменный стол.

Так как ванна была общей, все предметы гигиены хранились в комнате. На стене висело полотенце. Висела «тарелка» - репродуктор.

Нам, детям такая жизнь казалась совершенно нормальной. Алкоголиков в семьях не было.

Конечно, между соседями происходили ссоры, но ни во что неприличное они не выливались. Никто не сыпал сор в суп, и не делал других гадостей, описываемых сегодня в литературе.

Для обсуждения общих вопросов иногда на кухне собиралось собрание всех жильцов. Обсуждались порядок оплаты телефона, газа и электричества (в квартире было по одному счетчику

и в продаже их не было), порядок уборки квартиры. Обсуждались и комические с современной точки зрения вопросы. Так как туалетная бумага не продавалась, в уборной использовалась газета. Из-за этого туалет часто засорялся. На собрании обсуждался вопрос, какой размер газетных листов можно использовать в туалете. Дома нашего типа на фоне одно- и двухэтажных домов Плющихи считались престижными, и их обитателей именовали буржуями.

2.4. Учеба до войны

Сегодня в России существует множество различных бесплатных и платных средних школ, каждая со своей программой. Существуют «элитные» платные школы с платой за обучение в СОТНИ ТЫСЯЧ рублей в месяц. Такими способами возрождается дореволюционное сословное общество, уничтоженное Великим Октябрем.

После Великой Октябрьской Социалистической Революции в РСФСР для всех типов среднего образования была декретирована единая трудовая школа. Положение "О единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики" было принято ВЦИК (Всероссийским Центральным исполнительным Комитетом) 1 октября 1918 г.

Единая трудовая школа – школа, доступная для всего населения, дающая всем детям определенного возраста**, независимо от общественного и имущественного положения их родителей**, общеобразовательные и трудовые знания, умения и навыки. В основе единой трудовой школы лежат две неразрывно связанные идеи: идея единства трудового обучения и воспитания. Мое поколение училось в такой школе.

В обычной дневной школе я учился до войны в 1935-41 г.г. и в 9-10 классах. В 7-8 классах я обучался в школе взрослых, о чем расскажу ниже.

До революции в нашем микрорайоне существовала одна школа. После революции первой была построена школа в конце Труженников переулка. Тогда она имела №21, теперь, кажется №51. В нее-то я и поступил. Позднее на Плющихе была построена школа №34, и в переулках - школа №47. В школу 34 я пришел во второй класс.

Школьное образование до войны разделялось на три ступени. Первая ступень 1-4 классы давала начальное образование. До 1940 года после первой ступени можно было поступить в имевшиеся при каждом заводе и каждой фабрике фабрично – заводские училища (ФЗУ) и получить там рабочую специальность. Вторая ступень 5-7 классы давала неполное среднее образование. После нее можно было поступать в техникумы (сегодня – колледжи), в которых получали среднее специальное образование. Третья ступень состояла из 8-10 классов. После нее можно было поступать в ВУЗы и получать высшее специальное образование.

В 1940 г. была образована система трудовых резервов – ремесленные училища (РУ). В них брали мальчиков и девочек после шестого класса. Они жили на полном государственном обеспечении, т.е. их бесплатно кормили, одевали в форму и платили стипендию. В РУ получали неполное общее среднее образование и рабочую специальность. Так как желающих поступить в РУ было мало, практиковалась мобилизация учившихся на тройки школьников.

Учеба во всех учебных заведениях до 1940 года была бесплатной. В 1940 ввели плату за обучение в 8-10 классах и в ВУЗах (в техникумах образование оставалось бесплатным). Таким образом правительство пыталось перенацелить народ на более нужное в то время среднее специальное образование. В Москве плата в школе составляла 200 сталинских (не путать с хрущевскими) рублей в год. В ВУЗах – 400 рублей в год. Это мизер. Килограмм белого хлеба стоил 2 руб. 80 коп., килограмм мяса – 12 руб. Учась в Московском Авиационном Институте, я платил за учебу, но одновременно получал стипендию, составлявшую на первом курсе 297 руб., а на старших курсах больше.

Рис. 2.20. Похвальная грамота довоенного образца

Р

Рис. 2.21. Третий класс 1937-38 учебный год

Но возвращаюсь к своей учебе. В школе №34 я до войны окончил шесть классов. Первым директором школы был Шевелев (имя – отчество не помню). Его сын был полярным летчиком, Героем Советского Союза.

Перед войной Советский народ осваивал Великий Северный Морской Путь. Летчик Шевелев участвовал в этом. Он часто приезжал к нам в школу и рассказывал, как происходит это освоение.

За каждый класс я получал похвальные грамоты вроде помещенной на рис. 2.20. Из фото видно, что эту грамоту мне вручили 2 июня 1941 года, **за 20 дней до начала войны!**

Я печатаю единственную имеющуюся у меня фотографию третьего класса «Г», в котором я учился в 1938 г. Я там – четвертый слева в первом ряду. Прозвище – Жиртрест.

Большую роль в нашей жизни играли пионерская и комсомольская организации в школе и комсомольская организация в ВУЗе. В каждом классе был пионерский отряд, куда принимали с десяти лет практически всех учеников, кроме самых неуспевающих. Был совет отряда и его председатель. Отряд делился на зве-

нья во главе со звеньевым. Пионеры создавали общественное мнение в классе. Мы «разбирали» лентяев, «прикрепляли» к ним сильных учеников, чтобы те занимались с ними, конечно, совершенно бесплатно.

В нашем классе учились как дети генералов из академии Фрунзе, так и дети уборщиц. Не было расслоения по классам. В школе, где я кончал 10-й класс, вместе со мной – сыном техника учились сыновья и дочери наркомов (министров) и других ответственных работников. Мы все вместе учились, вместе прогуливали уроки, вместе мучили учителей.

Конечно, мы озоровали. Дрались. В 3-5 классах мы бегали по дворам и по Девичьему Полю, играли в казаков–разбойников, в красных и белых. Часто вырезали в партах (старых партах, которых сейчас нет) щели и читали художественную литературу через эти щели на уроках. Или клали художественные книжки на учебник и делали вид, что читаем учебник.

Как я уже писал, около дома №13 по Плющихе был старый кинотеатр «Кадр», где мы смотрели неплохие фильмы.

В 1936 году разрешили запрещенные до этого елки, отнеся их к Новому Году, а не к Рождеству, как до революции.

С тех пор мама каждый новый год до войны покупала елку, а я ближе к новому году фиктивно «заболевал», чтобы вместо посещения школы делать самостоятельно елочные украшения. В магазинах их то ли не было, то ли они были слишком дорогими для нас.

Я делал разноцветные цепи и ватные игрушки. Их я мазал какой-то жидкостью, они отвердевали, и после этого я их красил. Стеклянных игрушек было мало. Зато на елке были настоящие специальные елочные свечи.

В детстве был уверен, что до всемирной революции жениться и заводить семью не следует.

В комсомол я вступил только в институте и расскажу о его работе ниже.

2.5. Мое видение коллективизации

Сегодня много говорят о том, что до революции Россия вывозила хлеб, а при большевиках наоборот, ввозила пшеницу. Действительно вывозили, не доедая сами. Л.Н. Толстой свидетельствует, что в черноземной Тульской губернии богатые крестьяне начинали добавлять лебеду в хлеб в марте, а бедные - в ноябре (а вы ели лебеду? Я – ел).

Министр финансов (и основоположник теории автоматического управления) И.А. Вышнеградский даже выдвинул лозунг «Не доедим, но вывезем».

Вывозили помещики, а недоедали крестьяне. Все социалистические партии, существовавшие в царской России, были против помещичьего землевладения. Но они понимали, что крестьянин-единоличник не сможет накормить город, и все они предполагали совершить кооперацию крестьян в той или иной форме.

Все они также считали, что кооперация – дело далекого будущего, и, конечно, должна проводиться путем убеждения крестьян. Кооперация соответствовала и принципам социализма (социализм = коллективизм).

Большевики придерживались того же мнения. После смерти Ленина в политбюро начались разногласия по вопросу коллективизации. Троцкий считал, что ее надо проводить как можно быстрее, Сталин и Бухарин были против. О позиции Зиновьева и Каменева не знаю. Бухарин и Сталин считали коллективизацию

делом далекого будущего и делом добровольным (есть документы с соответствующими высказываниями Сталина).

Первое время после установления НЭПа недостатка хлеба в городах не ощущалось, но к концу 20-хх гг. на рынке его стало не хватать и цены поднялись. Большевики пытались восполнить этот недостаток своими методами: члены политбюро (Молотов, Андреев и сам Сталин) выезжали в глубинку и всяческими мерами (и уговорами, и реквизицией) пытались вытянуть из деревни хлеб по государственным ценам. Известен анекдотический случай со Сталиным, когда крестьянин ему сказал: «Ты, кацо, попляши, может тогда я и дам тебе хлеба». В первый год такие меры дали результат, в последующие – нет.

Вот тогда и появилось письмо академика, известного в то время экономиста и статистика Немчинова Сталину.

Академик писал, что, несмотря на то, что крестьяне получили всю помещичью землю, на рынок хлеба они стали поставлять только на 10-12% больше, чем до революции. Т.е. общий объем товарного хлеба после революции уменьшился. В первые годы НЭПа это не замечалось, т.к. во время гражданской войны городское население разбежалось, но при НЭПе оно стало возвращаться. Городское население стало расти также за счет новых горожан (евреи из местечек черты оседлости и др.). Население Москвы увеличилось в 1,5 раза, тоже в Ленинграде и других городах. В городах были введены карточки на хлеб.

Из письма Немчинова следовало, что положение требует кардинальных мер. Вот тогда Сталин резко изменил свою позицию и принял решение о коллективизации. Троцкий и троцкисты сразу закричали, что Сталин своровал их идеи.

Надо иметь в виду, что у Сталина не было времени: большевики были уверены, что будет мировая война, и к ней нужно

готовиться. В 1931 г. в одном из своих выступлений Сталин сказал: "Мы отстали на 50 лет. Или мы пройдем этот путь за 10 лет, или нас сомнут".

Но добровольная коллективизация продолжалась бы очень долгое время. Для крестьянина и его семьи его надел, его лошадь, его скот были единственными средствами существования. И убедить его отдать эти средства представителям государства, часто некомпетентным (а откуда было взять компетентных?), иногда преступным и бессовестным, было для него невозможно. (Читайте «Поднятую целину» Шолохова).

Коллективизация сопровождалась репрессиями против кулаков. К кулакам относили крестьян, систематически использовавшим наемных работников и занимавшихся ростовщичеством в той или иной форме.

Все кулаки были разделены на три категории. Главы семей первой категории брались под следствие, а их семьи, как и семьи кулаков второй категории вместе с их главами переселялись в удаленные районы СССР. Семьи кулаков третьей категории вместе с их главами переселялись в пределах своей области.

Всего по расчетам известного историка В.Н. Земскова было репрессировано 3,5 миллиона человек, а выслано 2,5 миллиона. Один миллион человек по приговорам «тройки» отправился в ГУЛАГ, а часть их получила ВМН (высшую меру наказания – расстрел).

Коллективизация проводилась путем простого обобществления имущества крестьян. Простая кооперация (а это именно тот случай) приводит к повышению производительности труда за счет специализации. Но для правительства главным было то, что из одного колхозного амбара хлеб взять легче, чем из 20 амбаров единоличников.

Колхозы были более высокой по сравнению единоличниками формой организации сельхозпроизводства. И через два – три года колхозники стали жить увереннее, лучше, чем до коллективизации.

Я - москвич и редко бываю в деревне. Но я разговаривал с колхозниками в 1948 г. и позже. Я много говорил с дедом моей жены (царство ему небесное) - потомственным крестьянином и ветераном двух войн. И он, и все говорили мне, что уже в 1936-37–м г.г. крестьяне в колхозе жили существенно лучше, чем до коллективизации.

Впервые в деревню я попал в 1947. Тогда студентов привлекали к сельхозработам. Кормили нас по тем временам на убой. А колхозники ели только картошку с солью без хлеба (это 1947 - два года после ужасной войны! Год после голода 1946 года). И они–то и говорили мне, что до войны зарабатывали по 3-3,5 тонны зерна в год (Тульская область). Тогда в колхозах была натуроплата.

В Ельцинские времена разговаривал уже с единоличниками, непьющими крестьянами Тверской области (Старицкий район, сельсовет Орешки). Они утверждали, что крупное хозяйство легче выносит неурожай, чем единоличник, и по этой причине не хотели брать «дарованную» им Ельциным землю.

Никакая раздача тракторов крестьянам вместо коллективизации пользы бы не принесла, т.к. крестьяне не могли управлять техникой (огромная масса крестьян была неграмотна), и когда были организованы машинно-тракторные станции, в которых сосредотачивалась техника, то из городов для ее обслуги были командированы рабочие. Да и не было тогда у государства этих тракторов.

2.6. Репрессии

О репрессиях того времени сегодня написаны тонны литературы. Репрессии были. И страдали невиновные. Однако их число увеличено в 10-20 раз «исследователями» типа А.И.Солженицына и Н. Сванидзе.

Несомненно, некоторые репрессии были обоснованы, хоть и кажутся слишком суровыми в наше время.

В апреле 1941 года, за два месяца до начала войны, германский транспортный самолет Ю-52 пролетел от Бреста до Москвы и сел на центральном аэродроме (метро Аэропорт). Главкома ВВС и его начальника штаба расстреляли. Аналогичный случай произошел в 80-х годах: самолет Руста также пролетел от Бреста до Москвы и сел на Васильевском спуске около Красной Площади. Но время было другое и тогдашнего министра обороны СССР просто отправили в отставку.

В 1939 году погиб в результате авиакатастрофы знаменитый летчик Валерий Чкалов. Человека, который отвечал за его безопасность, тоже расстреляли.

Все это очень сурово, но отнюдь не беспричинно. Время было предвоенное, очень суровое.

Наиболее объективным исследователем репрессий в СССР является уже упоминавшийся современный русский историк В.Н. Земсков (1946-2015). В его итоговой работе «Сталин и народ. Почему не было восстания» приведена подробная статистика политических репрессий 1921-1941 г.г.

При очень незначительном числе репрессивных в среднем пик приходится на 1937-1938 г.г.

За два года было арестовано около 1,3 млн. человек и около 680 тыс. из них расстреляно.

Доказано, что одним из главных инициаторов репрессий 1937-38 г.г. был сам Сталин. Его речь на февральско-мартовском

пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. являлась призывом к репрессиям. После этого появился приказ Ежова №00447 о проведении репрессий с лимитом количества репрессируемых по областям и республикам. Как видно из рис. 2.23, основная масса репрессированных - крестьяне и кулаки уже отбывшие или отбывавшие ссылку.

Историки до сих спорят о причинах этих репрессий. Почти все согласны с тем, что уничтожались те социальные элементы, которые режим считал потенциально враждебными. А почему все это происходило именно в 1937–38 годах - мнения разделились.

Одни полагают, что это было связано с первыми выборами в Верховный Совет. Другие обращают внимание на то, что усилилась угроза Второй мировой войны - это было связано и с агрессией Японии на Дальнем Востоке, и с гражданской войной в Испании, и с другими событиями.

Но в любом случае проводилась определенная превентивная чистка против пятой колонны.

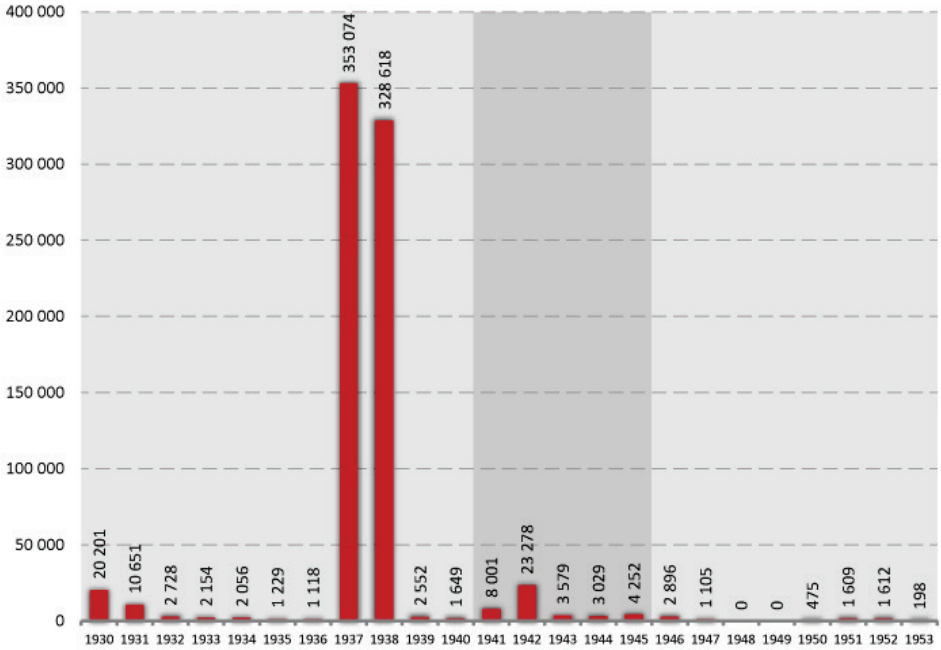

Рис. 2.22. График приговоренных к ВМН по годам

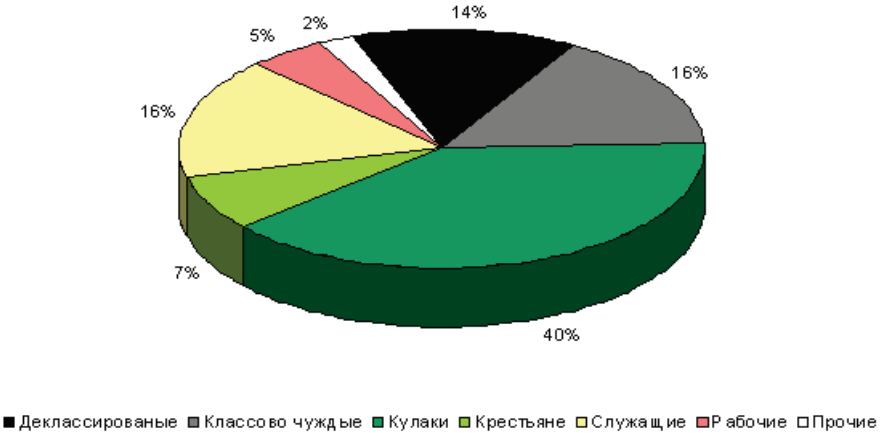

Рис. 2.23. Классовый состав репрессированных в 1937-38г.г.

Вспоминаются слова Молотова по поводу ареста авиаконструктора Туполева: «Он МОГ изменить» (Ф. Чуев «140 бесед с Молотовым»)

Я внимательно прочел вышеупомянутую книгу В.Н. Земскова и покорен достоверностью его статистики. Но его выводы из этой статистики кажутся мне наивными. В.Н. Земсков утверждает, что с 1932 по 1938 г.г. репрессиям подверглось около 2,5% тогдашнего населения СССР. В силу незначительности этого числа, по его мнению, население СССР не подозревало о репрессиях и узнало о них только из доклада Н.С.Хрущева о культе личности в 1956 г.

В 1937-38 г.г. мне было 9-11 лет. Я помню, как приходившие в гости родственники вполголоса (коммунальная квартира) обсуждали аресты и их причину.

Я помню рассказываемый в то время тайком анекдот:

Первый собеседник: «Взяли Барселону!» (Шла гражданская война в Испании и республиканцы взяли Барселону).

Второй собеседник: «А что такое Барселона?»

Первый: «город»

Второй: «Что, уже берут городами?»

Далее я коснусь только случаев, касающихся меня и знакомых мне лично людей.

В 1937-38 г.г. в нашем доме (Плющиха д. 31) арестовали пять человек.

Про отца я уже писал. Повторюсь. Отец, как белый офицер, был в конце 20-х г.г. по доносу сослан в Тверь, где устроился работать счетоводом. В 1936 г. у него нашли недостачу и по закону о трех колосках приговорили к десяти годам с конфискацией имущества (которого не было). Сначала он работал в Дмитровлаге на постройке канала Москва-Волга, где потом – не знаю. В 50-

х г.г. он пришел к моим дальним родственникам, сообщил, что у него есть новая семья. Он сообщил также, что, предвидя расправу над собой, как белым офицером по статье 58, нарочно организовал недостачу, чтобы пойти по более гуманной статье. Больше никаких сведений о нем я найти не смог.

Одним из репрессированных был, как я уже упоминал, наш сосед по коммунальной квартире Павел Фердинандович Линк.

Три брата Линк – русские немцы устроились водителями в Германское и Австрийское посольства. Там было сытнее. Всех их арестовали в 1937 году. Павла Фердинандовича обвинили в шпионаже в пользу Германии и расстреляли в мае 1938 г. Прах похоронен на Бутовском полигоне. Остались жена домохозяйка и три сына: Кирилл тринадцати лет, Дима одиннадцати лет и глухонемой Вадик девяти лет. Кирилл сразу стал подрабатывать, помогая нашей дворничихе Вере Семеновне вывозить с улицы во двор снег. Дима вскоре перешел на полное государственное обеспечение, поступив в ремесленное училище. Павел Фердинандовичя реабилитирован в 1957 г.

Сегодня я сомневаюсь в полной невиновности Павла Фердинандовича. Уж больно хорошо ему платили его немецкие хозяева. На зарплату простого шофера он не только кормил семью из пяти человек, но сумел в то полуголодное время купить дачу в Верее. Конечно, секретной информацией он не владел, но в такой закрытой стране как СССР, немцев интересовало все.

С точки зрения тогдашней морали он должен был доложиться в НКВД и получить указания по дальнейшей деятельности. Я вспоминаю, как в США в 1942 г. казнили германского разведчика, «всего-навсего» анализировавшего газеты, пересылая результат анализа в Германию.

На первом этаже нашего дома, в квартире №11 жили дочери известного до революции дирижера и композитора В.И. Сафонова. Одна из них, – Елена Васильевна, художник, умерла в 80-х годах. У нее был ряд персональных выставок.

Имя другой сестры, Анны Васильевны Тимиревой связано с именем адмирала Колчака. Восемнадцатилетней девушкой Анна Васильевна вышла замуж за морского офицера Сергея Николаевича Тимирева. Семья жила в Гельсингфорсе (Хельсинки) - тогдашней главной морской базе Балтийского флота.

Семья дружила с семьей Колчака, другого такого же морского офицера. Между Анной Васильевной и Александром Колчаком возникла любовь. Эту любовь осуждали тогда («она изменила мужу и бросила сына ради мужчины»), ею восхищаются сегодня («вот она, настоящая жертвенная, непобедимая как смерть, взаимная любовь»).

Брак Анны Васильевны с Сергеем Тимиревым «рухнул» в 1918 г., когда она уже не в силах была скрывать свои чувства к Колчаку. Анна Васильевна становится гражданской женой Колчака и в январе 1920 г., после ареста адмирала, сама добивается своего ареста.

У Анны Васильевны был сын от Тимирева – Володя (Одя) Тимирев 1914 г.р. До 1922 г. он жил с дедушкой и бабушкой в провинции. Мать Оди была почти все время под арестом и лишь в 1922 г. перевезла сына от дедушки в Москву.

В предвоенные годы ее арестовывали и давали сроки несколько раз. (Она провела в тюрьмах, лагерях и ссылках в общей сложности около 30 лет). Весной 1938 г. ее арестовали в очередной раз.

Арестовали также ее сына Володю. Отец Володи контр-адмирал Тимирев к тому времени эмигрировал в Китай и жил в

Шанхае. Володя переписывался с отцом, что считалось тогда подозрительным.

После школы Владимир окончил строительно-конструкторский техникум при Высшем инженерно-строительном училище. Одновременно занимался в студии известного художника Алексея Кравченко (1889-1940). Володя влюбился в его дочь Наташу, она ответила ему взаимностью. Вспоминая то время, сама Наталья Кравченко отмечала, что, уступив настойчивости Володи, в марте 1938 г. дала обещание, что выйдет за него замуж 22 марта 1938 г.

Однако мать Наташи, Ксения Степановна Кравченко была категорически против романа своей дочери, и в 1937 г. Володя Тимирев был арестован по ее доносу.

Рис. 2.24. Портрет Оди Тимирева

Тимирев обвинялся, как пасынок Колчака и как немецкий шпион (завербован вышеназванным П.Ф. Линк). Сломленный Тимирев признал, что в 1934 г. «был завербован немецким разведчиком Линк Павлом Фердинандовичем для контрреволюцион-

ной шпионской деятельности». 17 мая 1938 г. решением Комиссии НКВД и Прокуратуры СССР Владимир Тимирев был приговорен по ст.58 п.6 УК РСФСР к высшей мере наказания. 28 мая 1938 г. художник был расстрелян на Бутовском полигоне.

Анна Васильевна добилась реабилитации сына в 1957-58 г.г. Сегодня Владимира Сергеевича Тимирева оценивают как одного из талантливейших художников 30-х годов XX века.

Из квартиры четыре взяли Лазаря Иосифовича Кана, мужа моей дальней родственницы Елизаветы Ивановны Плетниковой, машинистки. Осталась годовалая дочь Ксеня. Но в той же квартире жили сестры Елизаветы Ивановны, они стали помогать.

В ночь с 8 на 9 марта 1938 г. пришли и за моей мамой. Женский день, для мамочки - главный праздник. Ушла на вечер, меня уложила спать. Проснулся уже после ее прихода от стука: мама уже дома, в комнату вошли двое с дворником. Один в форме, кажется с винтовкой, встал у двери, чтобы не убежали. Другой небрежно, поверхностно, стал рыться в вещах, в диване.

Я сижу на кровати и твержу: "Мамочка (наверное "Мурик", так я ее звал), они тебя не возьмут, они тебя не возьмут". Взяли. Увезли на черной М-1 (легковая машина). Я остался один. Утром и весь день кормили соседи по квартире, в частности те, с которыми мама ссорилась. Никто не боялся сочувствовать мне, жалеть меня.

Через день явились за мной, опечатали комнату, меня увезли в детский приемник (Даниловский монастырь. Теперешняя резиденция патриарха).

Монастырь был разбит на две части: в одной - дети политических, в другой - шпана, уголовники. У нас было много детей ответственных работников. Кормили хорошо, на третье - апельсин, тогда это была большая редкость, привозили из Испании

(там еще шла гражданская война). Помню, когда меня привезли, я все показывал какому-то начальнику свой пугач, хвастался. Через день нас всех водили в кино. Это был огромное помещение в церкви, большую часть которого занимала шпана. Она хулиганила, а мы смотрели на нее с опаской.

Теткин муж забрал меня из детприемника через пять - шесть дней. Я жил у тетки в Загорске (Сергиевом Посаде), учился там же.

Мама отсутствовала месяц. По рассказам родственников мама пришла ободранная, в лохмотьях, вместо пуговиц - веревки. Этого я не видел. Через много лет мама рассказывала, что сидела в общей камере в Бутырках. Всего народу в камере человек 20, в том числе жена и дочь Тухачевского. Каждую ночь брали на допрос, обратно приносили в крови. За что сажали (с маминых слов)? Две девушки, видимо, не очень строгого поведения, были в ресторане, там танцевали с иностранцами. Через несколько дней девочек взяли: "Во время танцев вам были даны шпионские задания. Что, не давали? Докажите и мы вас отпустим".

Маме достался, как она говорила, добрый следователь. Устроил ей очную ставку с обвинителем - Павлом Фердинандовичем Линк. Его привели всего избитого, и он подтвердил, что мама выполняла его шпионские задания. Мама работала в ЭПРОН'е (Экспедиции подводных работ особого назначения), прокладывавшей кабели и дюкера по дну Москва-реки. Все эти работы были засекречены.

Через год после освобождения профсоюз предложил маме бесплатную путевку в Сочи (кажется, это было типичным для освобожденных). Мама сказала, что ей не с кем оставить сына. Дали две бесплатные путевки в санаторий в Хосте (Большой Со-

чи). В 11 лет я впервые увидел море, купался в нем. Тогда это было большой редкостью.

На рис. 2.25 приведен состав отдыхающих в санатории: рядом и офицеры, и рядовые (краснофлотцы). Значительная часть - бедно одетые женщины типа машинисток и делопроизводителей.

Рис. 2.25. Контингент санатория. Демократизм

.

ГЛАВА 3. Война

3.1. Последние месяцы перед войной

Первого сентября 1939 г. я пошел в пятый класс. В этот день Германия напала на Польшу. Началась вторая мировая война.

Незадолго до этого, 24 августа 1939 г. во всех советских газетах появилось сообщение, что накануне в Москве подписан

договор о ненападении между СССР и Гитлеровской Германией. Это известие было равносильно взорвавшейся бомбе. Много лет до этого нам говорили, что противником в приближающейся войне будет именно Гитлеровская Германия. А тут такой договор. Но наша классная руководительница географичка на каждом уроке говорила нам: «Гитлер в любой момент может разорвать этот пакт и напасть на нас». Она была членом ВКП (б) и от себя такие вещи говорить не могла. При этом в газетах и официальных выступлениях приветствовалась дружба с Германией.

В ноябре 1939 началась война с Финляндией. Война показала плохую боеготовность Красной Армии. После нее был проведен ряд мероприятий, которые я и тогда связывал с подготовкой к войне.

Стала производиться новая техника, демонстрировшаяся на парадах: самолеты Ил-2, МИГ и СУ, танки Т-34, КВ и т.п.

Была введена семидневная рабочая неделя и восьмичасовой рабочий день. До этого, как я уже писал, выходными днями были 6, 12, 18, 24 и 30 числа каждого месяца. На некоторых предприятиях был семичасовой рабочий день.

Все работники были прикреплены к своим предприятиям. Увольнение стало возможным только при согласии начальства.

Было введено наказание за прогул. Прогульщик по суду приговаривался к вычету из зарплаты 25-50% в течение определенного времени. А прогулом считалось опоздание больше, чем на 20 минут.

В армии были введены звания для младшего комсостава: ефрейтор, сержант и т.п., а также генеральские и адмиральские звания. Был уничтожен институт военных комиссаров и введено единоначалие.

Существенно изменилась пропаганда. После победы над Троцким, Зиновьевым и Бухариным Сталин, видимо, достаточно быстро понял отечественный, а не классовый характер следующей войны. Отсюда - известные письма лета 1934 года за подписью Сталина, Кирова, Жданова о преподавании истории в школе.

Если в Малой Советской энциклопедии было написано, что Александр Невский – прислужник новгородской буржуазии, а царскую Россию представляли страной, которую все и всегда побеждали, то в 1936-ом я уже учил, что Александр Невский - великий полководец и государственный деятель. В это же время появились фильмы «Суворов», «Кутузов», «Александр Невский», «Петр Первый», романы типа «Порт-Артур». (Сравните с романом «Цусима»).

За неделю до начала войны, 14 июня 1941 г. в "Правде" было напечатано заявление ТАСС. В нем утверждалось, что отношения между СССР и Германией являются нормальными и дружественными. Сегодня говорят, что этим заявлением Сталин прощупывал настроение Гитлера.

Настроен я был критически. Я убеждал маму: если в "Правде" что-то напечатано, то понимать надо наоборот. После этого сообщения я тут же сказал маме, что здесь нечисто, и забыл об этом.

Я кончил шестой класс на «отлично», получил очередную похвальную грамоту, и с 22-го июня у меня начинались каникулы.

3.2. Первые дни войны

Всю войну от 22.06.41 до 09.05.45 г. я провел в Москве, на ул. Плющиха. Когда война началась, мне не исполнилось еще и четырнадцати лет.

22.06.41 мать с утра пошла в другую квартиру к родственникам и застряла там. Не помню, чем я занимался, на стене висело радио - "тарелка". Вдруг по ней передают, что с важным сообщением выступит Заместитель Председателя Совнаркома В. М. Молотов. В комнату набились соседи по квартире, молча прослушали сообщение. Я побежал в квартиру родственников, где была мама. «Мама, война!» «Вова, не говори глупостей. Знаешь Лена, если положить еще немного перца…» «Мама! Война!»…

Так для меня началась Великая Отечественная война.

Через полчаса у магазинов через дорогу выстроились огромные очереди. Брали сахар, крупу, соль, керосин, спички. Народ тертый, битый, знал, что покупать.

Рис. 3.1. Рабочие завода "Серп и Молот" слушают заявление советского правительства о начале войны

Через два часа выстроилась очередь мальчишек и девчонок 16-17-ти лет перед райкомами Коммунистической партии. Фрунзенский райком – Пречистенка (ул. Кропоткина), дом Дениса Давыдова, Киевский райком – старинный особняк на Смоленском Бульваре, напротив Ружейного переулка. (Теперь там какой-то банк). Рвались на фронт. Брали не всех.

Один из моих товарищей, мальчик 16-ти лет, только через три месяца добился отправки в партизанский отряд под Москвой. На побывку пришел в феврале 1942 года и рассказывал мне и своей маме, как он подбирался к немецким часовым и убивал их ножом. Мама – актриса. Представляете себе ее ужас. Один из моих одноклассников, сын военного врача, Владик Левин, погиб на фронте.

Рис. 3.2. Кремль замаскировали под жилые дома

В целом ребята моего возраста на фронт не попали, но многие после мобилизации в 1944 году прослужили в армии по 7 - 8 лет.

С началом войны жизнь изменилась сразу. Уже в первые дни мы, мальчишки и девчонки 13 –14 лет, стали помогать взрослым. Во дворах мы выкопали щели. Щель – это окоп примерно 1,2 м глубины и 0,8 м ширины. Она копается зигзагом и служит бомбоубежищем.

Подвалы больших домов типа моего также были очищены от мусора, там уложили лежаки типа пляжных. Подвалы служили бомбоубежищами, хотя ни они, ни щели от прямого попадания бомбы, конечно, не спасали. Все чердаки были очищены от хлама, туда подняли бочки с водой и ящики с песком, занесли багры, большие клещи, топоры.

Рис. 3.3. Замаскированный мавзолей

Весь центр Москвы был замаскирован. Замаскировали мавзолей, Большой театр, Манежная площадь была раскрашена под застройку. С первых дней ввели светомаскировку. Улицы не освещались. Продавались шторы из плотной бумаги, которыми занавешивали все окна. Специальные бригады из местных жителей ходили по улицам и следили за светомаскировкой. Мне не раз попадало за то, что я выходил вечером на балкон, оставляя балконную дверь не замаскированной. Доходило до анекдотов. Одна из таких бригад задержала вечером на улице курящего мужчину. Он шел, куря, по Плющихе и во время каждой затяжки огонек от сигареты вспыхивал. Решили, что так он подает сигналы немцам. (Шпионы были. И они подавали сигналы).

На крыше дома архитектора был пост МПВО – местной противовоздушной обороны. Оттуда же запускали ракеты во время победных салютов, которые начались после Курской битвы.

Стекла стали оклеивать бумажными или матерчатыми полосами крест – накрест. Предполагалось, что это предохранит стекла от разлета при попадании бомбы. После первой же бомбежки стекла вылетели, вместо них мы вставили фанеру и на всю войну вопрос светомаскировки был решен.

В 22 часа объявлялся комендантский час. При нахождении на улице без пропуска, патрули отводили в милицию.

В армию стали мобилизовывать незамужних девушек. Их использовали, как правило, в тылу. Хотя моя двоюродная сестра, на год старше меня, была шофером на фронте. В качестве санитаров на фронте также использовали женщин. Они выносили раненых с поля боя.

Каждый вечер женщины – красноармейцы вели по улицам продолговатые воздушные шары (в просторечии – колбасу). Их поднимали в определенном порядке на тросах на определенную

высоту. Самолеты противника должны были врезаться в тросы. Иногда это действительно происходило.

С первых дней войны в Москве исчезли автобусы. Их переоборудовали для перевозки раненых. Довоенный автобус имел большую дверь в задней стенке, вызывавшую вопросы мальчишек. Оказалось, что она необходима для вноса носилок с ранеными.

Рис. 3.4. Аэростаты над Москвой

Метро работало всю войну, в том числе и в страшные октябрьские дни 41-го года, когда немцы были под Москвой. Во

время бомбежек метро служило убежищем. Туда пускали только женщин с детьми. Я сам ни разу там от бомбежек не спасался.

Из Москвы выслали всех немцев, в том числе одну из моих учительниц немецкого языка Марию Ивановну. Позднее узнал, что со всей не оккупированной Германией части страны, включая ликвидированную АССР немцев Поволжья, всех этнических немцев выслали в Казахстан. Мария Ивановна после войны вернулась в Москву, но многие высланные были оставлены в ссылке на всю жизнь.

Сегодня многие говорят о жестокости этой меры. Не спорю. Но летом 1945 года я разговаривал с тремя пленными немцами – уроженцами Одесской области, которых не успели выслать и они оказались в Вермахте. Так что высылка была обоснованной.

Была введена цензура писем. Конвертов не было, письма сворачивали в виде треугольника и на каждом стоял штамп «Проверено военной цензурой». Тот самый мальчик - партизан, про которого я рассказывал выше, уже будучи мобилизованным в армию, написал маме в 1943 г. письмо с такой фразой: «Я смотрю в окно, а передо мной корова с кривыми рогами». Так он хотел сообщить, что находится в районе Кривого Рога (Украина). Эта фраза была так тщательно вычеркнута, что мы с большим трудом смогли восстановить ее.

В стране был введен двенадцатичасовой рабочий день. Все отпуска отменили, их денежную компенсацию зачисляли на счет, который оплатили после победы. Со своего счета в сберкассе можно было снимать не более 200 рублей в месяц. Но в нашей семье накоплений не было.

В первые день-два официальных сообщений о положении на фронте не было и по Москве поползли слухи, что наши взяли

Кенигсберг (Калининград) и подходят к Варшаве. Через день-два стали печатать сводки Главного Командования Красной Армии, из которых узнать было ничего невозможно. Совинформбюро (Советское Информационное бюро, которое давало сообщения о войне все четыре года) было образовано дня через два.

В дальнейшем слушали два раза в день сводки Совинформбюро. Первые два три месяца они были беспомощными. Сообщения были непонятны, по крайней мере, для меня. Только позднее мы научились понимать: если сообщалось, что наши войска на Минском направлении отразили все атаки противника, то значит, Минск уже сдан. Направления считались с нашей стороны, а не со стороны наступавших немцев.

30 июня 1941 года был образован Госуда́рственный комите́т оборо́ны СССР (*ГКО СССР*) чрезвычайный орган управления, обладавший всей полнотой военной, политической и хозяйственной власти. Возглавлял ГКО СССР И. В. Сталин.

Появились окна РОСТА (Российского телеграфного агентства, существовавшего в гражданскую войну), в которых Гитлер высмеивался, по-моему, довольно неуклюже.

В газетах и на плакатах, а их было множество, учили как спасаться от отравляющих веществ: нужно было намочить платок в собственной моче и дышать через него. Конечно, я каждый вечер клал около своей и маминой кроватей носовой платок.

Примерно через два-три дня после начала войны часов в 10 вечера вдруг объявили воздушную тревогу. Впервые мы услышали голос Левитана: «Граждане, воздушная тревога, граждане воздушная тревога!» Не помню, через сколько времени дали отбой, а утром сообщили, что тревога была учебной.

С 22-го июля 1941 г. Москву стали регулярно бомбить. Правда, из многих самолетов долетали немногие, но они бросали

много зажигательных бомб. Зажигательная бомба – это цилиндр 30-40 сантиметров в диаметре и длиной до одного метра. После объявления воздушной тревоги мы поднимались на чердаки и при попадании зажигательной бомбы в дом брали ее клещами и опускали в воду или в песок.

В первую бомбежку мы с мамой спустились в подвал, где у всех были свои персональные лежанки. Через некоторое время услышали разрывы бомб. Взрывы постепенно приближались к нам, становясь все сильнее и сильнее. Бомбоубежище сотрясалось, с потолка сыпалась труха, мама посадила меня на колени, чтобы уж если помереть, то вместе. Огромный взрыв потряс весь дом, он зашатался, казалось, он вот-вот рассыплется. Впечатление было, что дом обрушился на наши головы. Но пронесло. Ранним утром объявили отбой фразой, которую я потом слышал каждый день и неоднократно: «Угроза воздушного нападения миновала, отбой».

Поднявшись к себе мы увидели вылетевшие стекла, и людей, выносивших из дома напротив (в начале 6-го Ростовского переулка) носилки с трупами.

3.3. Первые полгода войны

03.07.41 по "тарелке" выступил Сталин. Впечатление было тяжелейшее: говорил медленно, с длинными паузами, было слышно хриплое дыхание и бульканье наливаемой воды.

Кажется в июле, было объявлено о формировании добровольного народного ополчения. На самом деле формирование было добровольно-принудительным. Человека вызывали и перед лицом сослуживцев и начальства предлагали вступить в ополчение. Отказ, как минимум, мог привести к увольнению. Основа ополченцев – интеллигенция, никогда не державшая в руках ору-

жия. Их бросали в бой в июле – августе после минимальной подготовки. Очень большая часть их погибла, остальные были демобилизованы осенью 1941г. постановлением Государственного Комитета Обороны.

В августе 1941 г. на Площади Революции, где тогда была заасфальтированная площадь, свезли сбитые немецкие бомбардировщики. Мы бегали смотреть.

Весь август и сентябрь 41-го каждый вечер около десяти часов по радио звучало сообщение: «Граждане! Воздушная тревога! Граждане! Воздушная тревога». И начинала завывать сирена.

Разбомбили Театр Вахтангова. Бомба попала в портал Большого театра. Но до Москвы долетало мало немецких самолетов, их сбивали на подступах, поэтому и разрушений было мало.

Рис. 3.5. Сбитые немецкие самолеты на пл. Революции

Рис. 3.6. Разрушенный театр Вахтангова

В октябре 41 г. в день объявляли до 15 тревог, затем тревоги объявлять перестали. Бывало и так: я стою в очереди за хлебом, а над очередью идет воздушный бой нашего ястребка с немецким мессершмидтом.

По мере продвижения немцев к Москве, она стала готовиться к обороне. Ее улицы перерезали баррикады и противотанковые «ежи».

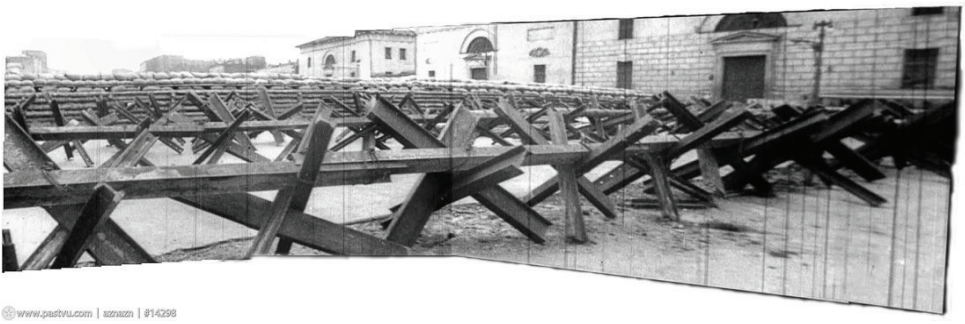

Рис. 3.7. «Ежи» около станции метро «Парк культуры»

Одна баррикада перегораживала Плющиху в районе четвертого Ростовского переулка. Она состояла из мешков с песком и в ней были предусмотрены амбразуры для винтовок (автоматов в 1941 г. практически не было).

Другая баррикада с амбразурами для двух орудий пересекала Смоленскую улицу на выезде с Бородинского моста. Еще в 60-х г.г. в Нескучном саду на высоких берегах стояли бетонные ДОТы с амбразурами. Они должны были защищать Москву с запада.

Немцы бросали на Москву листовки. Тех, кто их читал, арестовывали и ссылали на пять лет в Среднюю Азию (Казахстан, Узбекистан и т.п.).

Рис. 3.8. Баррикады у Бородинского моста

Все очень тяжело переживали наше отступление. Шла тяжелейшая война. В среднем каждый день погибало около 15000 красноармейцев. По данным Министерства обороны РФ во время Великой Отечественной войны в плен попали 4.559 млн советских военнослужащих. В такое время необходима была жесткость, доходящая до жестокости.

Впервые немцев задержали на месяц под Смоленском. И, несмотря на то, что оттуда шли эшелоны раненых, мы все радовались, что отступление прекратилось. Это была преждевременная радость.

Широко известна и описана в литературе эвакуация предприятий и работников из областей, занимаемых немцами.

1 июля исполком Моссовета принял постановление "О порядке эвакуации детей из Москвы".

С 29 июня по 29 июля из Москвы было эвакуировано почти 950 тыс. человек, в основном женщин и детей. К декабрю 41-го население столицы уменьшилось с 4,5 до 2,5 млн. человек.

Эвакуировали не только людей, но и промышленность: в сентябре - октябре из Москвы и Московской области в тыл были переведены около 500 промышленных предприятий.

Я лично столкнулся с эвакуацией в августе 1941. Первой из нашей коммуналки эвакуировалась семья Исакович, следующей – семья Лукьяновых. У Лукьяновых старшая дочь работала машинисткой в НКВД, а Исаковичи, как евреи, боялись попасть в оккупацию.

В начале октября он – Ихиль Абрамович Исакович, вернулся в Москву стеречь квартиру и застрял. К середине октября вероятность падения Москвы была достаточно велика. Я, как дурак, тренировался в немецком (до войны я свободно говорил и

писал по-немецки), а Ихиль Абрамович ходил бледный, с трясущимися руками, и умолял маму не сообщать немцам, что он еврей. А чего сообщать, внешность не изменишь. Мама и я сами имели еврейскую внешность (мама на 1/4 еврейка, а я на 1/8), так что, скорее всего, немцы ликвидировали бы и его и нас.

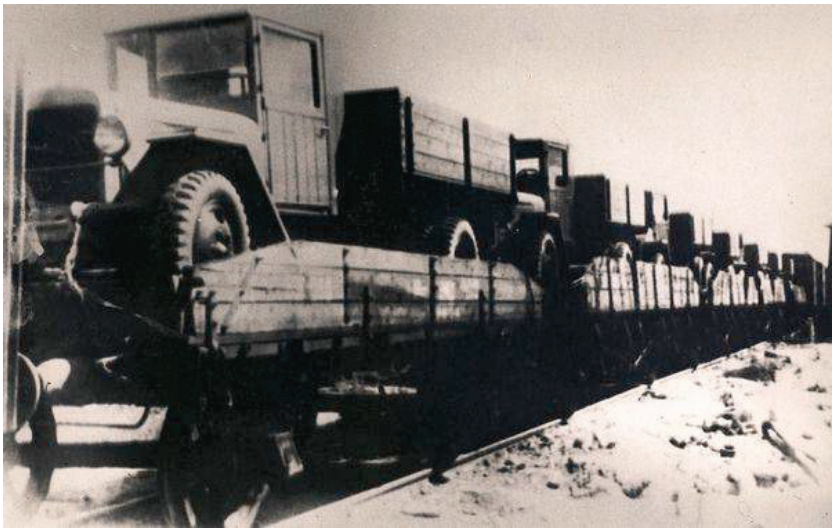

Рис. 3.9. Эвакуация

В 1941 не было ничего известно об Освенциме и Майданеке, но до войны в газетах писали о преследовании гитлеровцами евреев. Были фильмы «Семья Оппенгейм» и «Профессор Мамлок». Однако пожилые евреи не верили Советской власти, считали немцев культурным народом, часто оставались в оккупации, и попадали в Бабьи Яры.

8-11 сентября немцы окружили группу наших армий под Вязьмой. Официального сообщения не было, но слухи поползли, и в Москве началась паника. Огромное число москвичей стало

любым способом выбираться из Москвы. 16.10.41 был "Великий исход" из Москвы. Я его не наблюдал: мы сидели на вещах и ждали автомашину из маминого учреждения, чтобы эвакуироваться. Машина не пришла. Оказалось, что начальник учреждения удрал один, захватив зарплату всех сотрудников (всем выдавали зарплату за два месяца вперед). Где-то на востоке его поймали, судили и расстреляли.

В октябре 1941 г. вся черная лестница была завалена осколками бюстов Ленина и Сталина, разодранными томами их сочинений (похвастаюсь: подаренный мне в 1936 г. за хорошую пионерскую работу бюст Сталина я сохранил до 1989 г., когда его разбила жена).

Октябрь 1941. Иду по Волхонке. Из окон института филологии дым. Жгут бумаги.

Было много героического, но много и мелкого и глупого.

18-ти летний сосед по квартире Кирилл, сын репрессированного П. Ф. Линк, о котором я писал выше, уходя на фронт, обещал убить командира и перебежать к немцам. Прекрасно воевал всю войну подо Ржевом и в Прибалтике, имел ранения и награды.

20 октября было опубликовано постановление ГКО о введении в Москве осадного положения. Сразу почувствовался порядок. Сейчас пишут, что НКВД боролся с грабителями и паникерами, расстреливая их на месте. Я этого не видел. Но, если так было, то это хорошо. На войне как на войне.

Тем более что фронт замер, движение немцев практически прекратилось. Весь ноябрь фронт был неподвижен, но чувствовалось, что обе стороны напряжены до предела, что мы их практически остановили, они не могут двигаться дальше, еще немного и они задохнутся. И вот вдруг, совершенно неожиданно, 13-го де-

кабря по “тарелке” передали сообщение “В последний час”. Началось контрнаступление под Москвой. Какая была радость! Такое было только два раза: под Москвой и под Сталинградом

Рис. 3.9. «Великий исход» из Москвы

3.4. Быт в первый год войны

Для нашей семьи (я и мама), где никто не воевал, добыча пищи в войну была главной заботой. Примерно с декабря 1941 и по 1943 год меня не покидало чувство голода, хотя мама отдавала мне большую часть своего пайка, сдавала кровь, чтобы получить доппаек донора, который также отдавала мне.

15.07.41 в Москве ввели продуктовые карточки. Примерные первоначальные нормы отпуска в граммах приведены в таблице.

продукты	рабочим	служащим	иждивенцам	детям
Хлеб (в день)	800 г	600 г	400 г	400 г
Мясо (в месяц)	2200 г	1200 г	600 г	
Жиры (в месяц)	1200 г	600 г	200 г	
Сахар (в месяц)	2000 г	800 г	400 г	
Картофель (в месяц)	5,5 кг	4,5 кг		

Рабочие – то есть те, кто на производстве. Служащие - бухгалтеры, машинистки. Иждивенцы – те, кто не работает. У рабочих паёк был больше, чем у служащих и иждивенцев (не работающих по какой-либо причине людей), так как они тратят больше физических сил.

По глупости я смеялся над нормами и предлагал маме продавать лишний хлеб: до войны мы вдвоем с мамой съедали 400 г хлеба в день.

Позднее нормы неоднократно уменьшались. В конце войны хлеба давали: рабочим 550 г, служащим 450 г, иждивенцам 300 г.

Рис. 3.10. Служащая хлебная карточка

Всем по одному куску хозяйственного мыла (400 г) в месяц, по одной пачке соли, по одной пачке (50 г?) чая, по одной пачке табака (200 г) и одной бутылке водки. Последнее два - кроме детей. Молоко только детям до 12 лет по стакану в день.

Позже были введены дополнительные пайки для инженерно–технического состава, научных работников, ответственных работников: литеры А и Б, Р1 и т.п.

В столовых первое время отрезали только талоны на мясо (котлета рубленая обходилась в 50 г), затем стали отрезать крупу: суп - 10-15 г, каша - 20 г. Продуктовые карточки делали с мелкой фасовкой, они были большими, как простыни.

Даже в те периоды, когда карточки в Москве отоваривались полностью, очень часто были замены: вместо мяса - рыба или яичный порошок и т.п.

Процесс покупки продуктов по карточкам был довольно сложным. Карточки выдавали на работе, как на самих работников, так и на неработающих членов их семьи (иждивенцев). Но сначала надо было получить в домоуправлении «стандартную справку» на количество этих иждивенцев и принести ее на работу. Полученную карточку надо было на месяц «прикрепить» к какому-либо магазину и целый месяц покупать продукты только в нем. Считалось, что в некоторых магазинах снабжение лучше и люди метались по Москве, стараясь зацепиться за "хороший" магазин.

Хлеб можно было выкупать частично или полностью за сегодняшнее и завтрашнее число. Невыкупленный хлеб пропадал.

По оторванным талонам продукты не отпускались. Продавцу подавалась вся карточка, он вырезал талоны и взвешивал хлеб, который практически весь был весовым.

В Москве выдавалось половина черного и половина белого хлеба. Часто торговля проводилась при выключенном электричестве, при свете коптилки, так что возможностей для обвеса было много. Женщины – продавцы булочных были раскормленными и дебелыми, и я, пацан четырнадцати лет, мечтал устроиться работать в булочную.

Как я пишу ниже, карточки были отменены, начиная с 16 декабря 1947 г. На рис. 3.10 приведена такая декабрьская карточка. Владелец выкупил хлеб за 15 и вперед за 16 числа.

В октябре 41-го, когда была вероятность сдачи Москвы, продуктов отпускали больше: на хлебный талон 25.10.41 рабочим дали пуд пшеничной, а служащим - пуд ржаной муки. 25 октября 1941 маме выдали пуд ржаной муки, а дядя Андрей (муж моей тетки Раи) подарил нам еще пуд пшеничной муки (у него были какие-то связи). На корешки карточек отпускали дополнительно мясо, постное масло и т.п.

На каждой карточке было напечатано: «При утере не возобновляется». Потеря карточки грозила голодом или даже голодной смертью, потому что на рынке покупать продукты практически никто не мог. Особенно трагической была потеря хлебной карточки. С 1942 года ее стали печатать по трем декадам, чтобы люди носили при себе только пайку на 10 дней. Если потеряешь – не так страшно. Я однажды потерял такую карточку. Ее нашла какая-то гражданка и вернула мне. Она сама не доедала, у нее были дети, которые также не доедали. Но она знала, какой трагедией является потеря карточки для потерявшего.

Булочные работали с семи утра и до десяти вечера.

Летом 1941 г. открылись «коммерческие» магазины, где можно было купить продукты без карточек, но в два-три раза до-

роже, чем по карточкам. Таким магазином был гастроном на Смоленской площади. Они были закрыты в конце 1941 г.

Как я уже писал, начальник маминого учреждения удрал на восток вместе со всей учрежденческой зарплатой, и мы остались в Москве. Осенью 1941 г. мама осталась без работы. Пару месяцев мы перебились, а потом она пошла искать работу. Было много предложений по работе на оборону, она выбрала надомную работу по шитью маскхалатов для армии.

Казалось бы, все устроилось, но из-за того, что мама ноябрь – декабрь считалась безработной, ей не была положена медаль «За оборону Москвы», о чем она всю жизнь сокрушалась.

Шитьем она занималась до весны 1942 г., когда вернулся из эвакуации ЭПРОН, где она работала раньше. Так как в ЭПРОНе (он стал называться МОПТР ГВРУ ВМФ СССР – Московский отряд подводно-технических работ Главного Военно-Речного управления ВМФ СССР) свободных технических должностей не было, ее временно взяли сторожем на баржу.

Наступила очень морозная зима 1941 – 42 г. Большинство улиц Москвы не очищали от снега. На Плющихе все завалено снегом, узкие тропинки в сугробах, как в деревне. Мама сшила мне из старого одеяла бурки.

Той зимой не топили совсем, свет есть, газ - еле-еле (чайник закипает через час), вода только там, где трубы не лопнули. Носил воду бабушке моих друзей через квартал. Сами они эвакуировались. Спал в шубе, под одеялом, вода в чашке к утру замерзала. Трамваи, троллейбусы не ходили (на Плющихе и по Арбату, во всяком случае). Бани не работают, ванна отключена, к весне у меня появились вши.

Довольно приличные нормы в начале войны, запасливость матери - хорошей хозяйки - спасало нас в первые месяцы. Но к

середине декабря 1941 года эти запасы кончились, и постепенно стало нарастать чувство голода. Мама отдавала мне почти весь свой паек, но мне все равно не хватало.

Праздничный стол на новый, 1942 год состоял из лепешек, в которых кроме небольшого количества муки, были картофельные очистки и спитой кофе (ячменный). В феврале-марте наступило что-то вроде настоящего голода: по карточкам ничего, кроме хлеба, не выдавали и я ложился спать и просыпался с одной мыслью - о еде. Самым большим наслаждением было идти в булочную за хлебом, чтобы съесть довесок по дороге домой.

Весной 1942 г. Усачевский рынок был пустым (только-только отогнали немцев из-под Москвы). Продавалось молоко по бешеным ценам и редька. Колхозники серьезные продукты за деньги не продают, все только на обмен. Мы могли себе позволить раза два в месяц купить по полкило редьки.

Я жрал свой паек, две трети маминого пайка и все еще хотел жрать. И мама стала донором.

В феврале 1942 г. мать впервые сдала кровь. За сдачу 450 гр. крови (а в войну это было очень нужно) давали дополнительный паек в виде 500 г мяса, 500 г сливочного масла и 500 г сахара. Платили 225 руб. деньгами. Мама сдавала кровь с 1942 по 1951 г. Во время войны главным был паек, после войны - деньги.

Кроме того для доноров выделили магазин в начале Якиманки (ул. Дмитрова), за кинотеатром "Ударник". Им давали только сливочное масло (в пределах той же нормы) и другие продукты несколько лучшего качества.

Рис. 3.11. Мамин знак
Почетного донора СССР

Весной 1942 г. матери выделили пару соток земли в районе теперешнего метро «Царицыно». Как я теперь понимаю, земля была некондиционной, ее нужно было удобрять, нужно было удалять с участка камни. Не сделав ничего из этого, мы посадили картофель по методу Лысенко, глазками, и осенью ничего не сняли. Летом 1942, когда я уже работал, мама, работая там же, ежедневно собирала на пустыре листья лебеды, варила ее и мы с удовольствием ели.

Но культурная жизнь в Москве и во время войны не прекращалась. Люди ходили в кино и в театры, покупали книги. На хороший спектакль в академические театры (Большой, Художественный и т.п.) билеты достать было трудно, очереди стояли на улице. Это, конечно, объяснялось и тем, что билеты были очень

дешевы, доступны любому москвичу - и студенту, и пенсионеру. Лично я был в Большом в октябре 1941-го.

Рис. 3.12. Очередь в филиал Большого в декабре 1941. Помещался в здании современного театра оперетты

Всю войну работали книжные магазины и люди покупали книги. Новых книг практически не издавали, хотя я купил «Тихий Дон» Шолохова 24 июня 1941 г. Но интенсивно работали букинистические магазины, часто в виде книжных развалов.

Книги были сравнительно дешевы. Так 98-томное собрание сочинений Л.Н.Толстого, правда, в плохом состоянии, стоило 800 рублей (кило картофеля на рынке - 100 руб.). Мне страшно хотелось этого Толстого, но, увы и ах.

Рис. 3.13. Книжный развал в 1941 г.

3.5. Первая работа

Весной 1942 г. я случайно встретил на улице маму своей знакомой девочки, предложившую мне поработать бесплатно, "на общественных началах" в госпитале санитаром. Я согласился и в течение четырех месяцев делал эту работу.

Госпиталь организовали в здании академии им. Фрунзе, которая в начале войны эвакуировалась. Здесь зимой 1941 г. был организован один из эвакогоспиталей Красной Армии. Насколько

я понимаю, в войну существовала следующая система госпитализации: была сеть госпиталей в прифронтовой полосе, где лечили легкораненых, сеть промежуточных ("эвако") госпиталей для раненых средней тяжести и сеть госпиталей в глубоком тылу для тяжелораненых. Госпиталь в Академии относился ко второй группе.

Моя работа заключалась в том, что я подавал утки, судна раненым, ходячих водил в туалет, раздавал еду, стелил постель и т.п. Здесь я насмотрелся на страдания людей. Приведу только несколько запавших в память случаев.

Молодой врач ехал с эшелоном на фронт, попали под бомбежку, его ранило в ноги, из-за антисанитарных условий началась гангрена. В нашем госпитале ему методично многократно отрезали ногу по кускам.

Я, мальчик любознательный, упросил врачей взять меня на одну из ампутаций. Но как только хирург сделал первый надрез, и я увидел белое, почему-то без крови, мясо, упал в обморок.

Пожилой красноармеец (тогда еще рядовых не было) с четырехклассным образованием, сапер, подорвался на мине. Ему оторвало кисти рук и выбило глаза. Даже в туалете он не мог действовать самостоятельно, без моей помощи. Что с ним стало потом, не знаю.

Молодой красноармеец был ранен, несколько часов пролежал раненый в конюшне заразился столбняком. Умирал у меня на глазах, а парню всего 18.

За мою работу меня в день дежурства кормили из котла военнослужащих. Могу засвидетельствовать: кормили раненых во время войны очень хорошо. Причем для офицеров и красноармейцев питание было одинаковым.

На завтрак им полагалась молочная каша, масло, какао. Обед из трех блюд, полдник, горячий ужин и чай. Все, что они не доедали, доставалось нам – «общественникам». В апреле меня посылали на ВДНХ, в теплицы, за редиской для раненых. Появилась возможность забирать себе ботву от редиски. Мать ее парила, варила, и мы пытались ее есть. Из-за колючек она была совершенно несъедобной. Позднее пытались есть морковную ботву.

Поскольку кормили меня только в дни дежурств, т. е. не чаще двух раз в неделю, а чаще дежурить не разрешали из-за конкуренции, я стал проситься у мамы на работу, чтобы получать рабочую продовольственную карточку.

После долгих пререканий (мать больше всего боялась, что я брошу учебу), она устроила меня к себе в ЭПРОН. И я пошел работать учеником на водолазный катер.

На работу я вышел 25 июля 1942 г., за восемь дней до того, как мне исполнилось 15 лет. Я проработал там более года, и в 1945 г. мог получить медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной Войне». Однако по-щенячьи пренебрег этим. В результате пришлось через 70 лет доставать справку о работе.

Первое место работы - пустырь на берегу Москва-реки около клуба ткацкой фабрики им. Свердлова. Теперь там проезжая улица и набережная. На пустыре стоял на козлах вытащенный из воды водолазный катер, куда меня зачислили учеником моториста.

Моя работа заключалась в "принести - убрать", но и в этом качестве я наломал дров. Для начала я сверзился с козел, на которых помещался катер, и три недели бюллетенил. Затем я утопил головку цилиндра двигателя (часть работ производилась на плотах, я перетаскивал головку с одного плота на другой). Хорошо, что утопил на мелком месте!

Через некоторое время катер спустили на воду, и мы стали совершать на нем рейсы в пределах Москвы.

Конечно, работа для 15-летнего паренька была романтической, тем более что старшие меня жалели и не перегружали. Придя на работу, я должен был, прежде всего, прошвабрить палубу. Я в первый раз увидел швабру, а затем делал их из кусков каната. Когда водолаза спускали под воду, я иногда работал на помпе, подающей ему воздух, но обычно для этого были специальные женщины-рабочие.

На этом, собственно, и кончалась работа, и я мог бездельничать до двух часов (у подростков был шестичасовой рабочий день). Единственно, чего не терпел мой начальник, - это если я в рабочее время читал художественную литературу.

Моими непосредственными начальниками были старшина первой статьи Иван Осипович (тогда лет сорока) и старшина второй статьи Ваня Быльков (тогда 28 лет).

Иван Осипович - прекрасный мужик - плотник, столяр и вообще золотые руки, был старшиной (командиром) катера, Ваня Быльков - мотористом. Иван Осипович умер в 70-х годах. Ваню Былькова в последний раз я видел в 1994 г., когда мне нужны были свидетели моей работы в войну. Это был больной 80-летний мужчина, едва волочивший ноги. А в 1942-ом он был орел, все женщины были его! (Sic transit gloria mundi).

Вообще, работа эта была для меня, маменькиного сынка, очень полезна. Я познакомился с тракторным двигателем, стоявшем на катере, немного научился обращаться со слесарным инструментом. За нее я получал 300 сталинских руб. в месяц, которых мне вполне хватало для выкупа пайка по карточкам.

Задержка зарплаты на три дня считалась уголовным преступлением.

Главное в работе, конечно, была не зарплата, а рабочая карточка. Я получил рабочую карточку первой категории - 700 г хлеба!, но и этого моему растущему организму не хватало. В октябре 1942 г. ходили на катере в Яхрому (километров 60 от Москвы) по каналу Москва-Волга за овощами для офицеров. Обратно везли тонн 5 картофеля. Я голодал, у других членов команды были голодающие семьи. Но никто даже подумать не мог взять себе домой хоть килограмм казенной картошки. Правда, на обратном пути (дня 2) мы ее ели. Втроем (старшина катера, моторист и я) съедали по ведру картошки в день каждый. Без масла, естественно. Чистил и варил я.

Я в Яхроме поменял последний мамин отрез на мешок картофеля и привез его в Москву.

Конечно, в работе были и неприятные моменты. В ноябре, еще до окончания навигации, приходилось вычерпывать воду из трюма барж. Стоишь по голени в холоднющей воде, зачерпываешь ведро на веревке, а напарник наверху вытаскивает его. Все бы ничего, но резиновых сапог у меня нет (и купить их нельзя – снабжение по ордерам), а на ногах – ватные бурки, сшитые мамой, и заправленные в галоши. Т.е. ноги в холодной (градусов пять) воде.

Осенью 1942 г., когда навигация закончилась, меня перевели работать на «базу», находившуюся недалеко от теперешнего музея Победы.

Добираться на работу приходилось трамваем, а как видно из рис. 3.14, это не всегда было легким занятием.

Для начала мне поручили чистить напильники. Осенью 1941 г. баржа с инструментами, принадлежавшая ЭПРОНУ, затонула на Волге около города Васильсурска. Летом 1942 ее подняли (водолазы свои) и инструмент привезли в Москву. Часть ин-

струмента – ржавые напильники, пролежавшие на дне целый год, поручили чистить металлическими щетками мне.

Рис. 3.14. Езда на работу во время войны

Работа была ужасной: шесть часов каждый день на меня летела ржавчина. Придя домой, я не мог отмыться, так как не только ванная, но и умывальник не работал. Воду носили ведрами, а в квартире был собачий холод: не топили.

Естественно, моя мама не могла стерпеть такого, и меня перевели работать помощником прораба (все-таки семь классов, образованный человек) на один из объектов на Москве–реке, невдалеке от теперешней гостиницы «Украина».

Я должен был замерять объемы работ (прокладывали дюкер по дну реки Москвы), вести какие-то расчеты.

Когда весной 1943 г. начался ледоход, мы ловили бревна и продавали их населению на дрова. В это время выловили какую–то дырявую шлюпку, и наш столяр починил ее и отдал в мое распоряжение. Лодочка была очень легкой и ходкой. Сидя на корме, и огребаясь одним веслом, я раскатывал по реке, возбуждая восторг девчонок.

Летом 1943 г. я поступил на подготовительное отделение Московского Авиационного Института и уволился с работы.

3.6. Быт в 1942-45 гг.

В 1942 г. и позже Москву практически не бомбили. Но Москва оставалась прифронтовым городом. Типичны следующие сценки.

Лето 1942 года. Я иду утром пешком на работу. Надо мной какой-то самолет, на который я не обращаю внимания. Вдруг начинается обстрел зениток, около меня падают осколки снарядов. Оказывается самолет – немецкий.

С едой было плохо. Ел все, что можно было. Зимой 1942 - 1943 гг. брандвахта, где я работал, стояла недалеко от современной гостиницы «Украина», рядом с пивным заводом. Завод гнал пиво из ячменя. Отработанный ячмень спускали в Москва – реку. Я доставал этот ячмень со дна, дома мы сушили его на печке "буржуйке", затем рушили руками (он был нерушеный), и мать варила кашу.

Весной 1943 г. мама, как тогда говорили, "на общественных началах", организовала для сотрудников своего учреждения получение бульона с мясокомбината. Мясокомбинат изготавливал тушенку для фронта, бульон оставался, его по дешевой цене продавали коллективам (отдельным лицам не продавали. Социализм = коллективизм.).

Конечно, в течение всей войны работали рынки, но цены там были такими, что рядовой человек ничего купить не мог, не продав чего-либо своего.

Наиболее обеспеченным классом во время ВОВ были колхозники. Им на трудодни практически не платили, но у всех у них было приусадебное хозяйство. Рабочий, инженер, иждивенец - все недоедали или голодали. Колхозник имел практически вволю картошки с приусадебного участка. Да, одной картошки, без масла, с солью, но тогда и это было величайшим благом. Горожане не имели и этого. На рынке 1 кг картошки доходил до 100 руб (в Москве). И колхозник, продавший 1 тонну картофеля (реально 20 мешков), зарабатывал 100 тыс. рублей. За два-три года можно было скопить на самолет. И были колхозники, даривше фронту самолет. Первым таким колхозником был Ферапонт Головатый. Он занимался еще и пчеловодством. Я не помню, сколько он дал.

В 1943-44 г.г. наиболее популярным был Бутырский рынок. К тому времени и я, и мама получали по пол-литра водки и по пачке табака в месяц. Эти продукты я продавал, и покупал себе что-нибудь из еды или шмоток. Я уже говорил, что мама в это время зарабатывала около 800 рублей в месяц. Это "грязными". Налоги составляли: заем - 10%, подоходный - 10% , военный налог и профсоюзные взносы - 1%. Всего около 30%, т.е. на руки - около 600 руб.

На рынке в 1943-44 гг. буханка белого хлеба (1 кг) стоила 350-400 руб., бутылка водки - 500-600 руб., брюки мужские, полушерстяные можно было купить за 600-650 руб., американские солдатские ботинки из желтой кожи - за 1000 руб.

Картошку по 100 руб. покупал сам на Тишинском рынке Москвы, предварительно продав за 500 руб. полагавшуюся мне в месяц 1 бутылку водки.

По месту работы или учебы выдавались ордера на одежду. Мне и маме ордеров не давали, приходилось выкручиваться.

Зима 1942-43 гг.: не топят, но мама купила "буржуйку", я как-то вывел трубу в форточку, но так как над нами балкон, то тяги не было, и весь дым шел в комнату. Топили заборами, книгами. Света нет, купили коптилку – пузырек из-под чернил, в который заправлен фитиль (продавали в магазинах). Газ - когда как, вода - где есть, где нет. Работают бани (в предыдущем году не работали), в них дают без карточек крошечный, грамм 15-20 кусочек мыла хозяйственного, но стирать негде, я на грязной работе, в баню хожу раз в неделю.

В 1942 г. я носил матерчатые туфли на деревянной подошве. Чтобы подошва могла сгибаться, она посредине была разрезана на две части, соединявшиеся обычной мебельной петлей.

В 1943 г. я уже работал и в обмен на бутылку водки я покупал шмотки, в частности, американские армейские ботинки. Таких ботинок мне хватало на год ежедневной всесезонной носки.

Но денег на одежду не хватало, и мама чинила и перелицовывала старье. Под брюки с внутренней стороны подкладывались одна заплата за другой, и все они строчились на машинке частыми швами. Брюки сзади походили на бронежилет.

С 1943 г. многие предприятия организовали подсобные подразделения для снабжения своих сотрудников (ОРСы - отделы рабочего снабжения). Во-первых, ОРСы старались добыть для своих сотрудников нормированные продукты лучшего качества. К этому времени при каждом учреждении были организованы свои продуктовые магазины, или какие-то магазины были закреплены за определенными учреждениями. Сотрудники прикрепляли карточки своей семьи именно к этим магазинам и ОРСы стара-

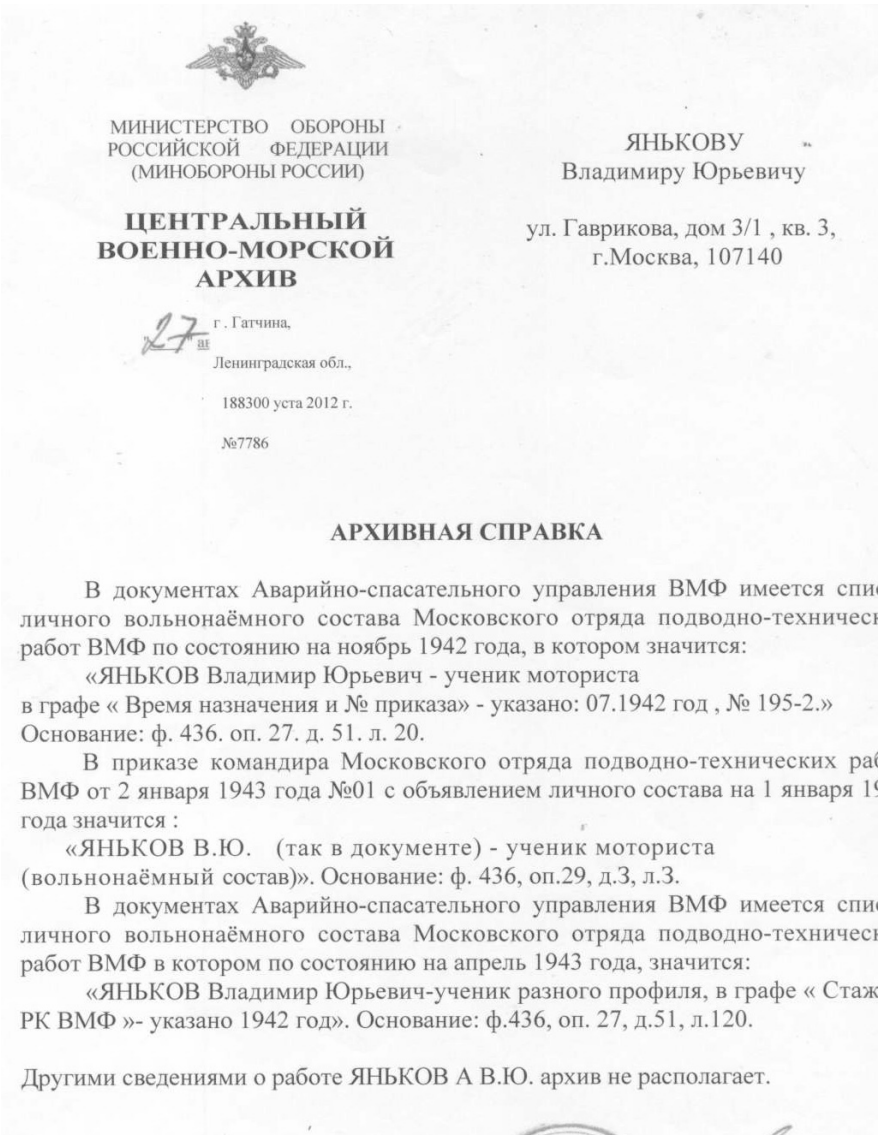
лись их обеспечить. Во-вторых, ОРСы старались добыть ненормированные овощи опять для "своих". Обычно овощи (картофель, морковь, свекла) закупались у крестьян осенью и осенью же раздавались сотрудникам в более или менее приемлемом количестве: несколько мешков картофеля, полмешка моркови и т.п.

С осени 1942 г. я перешел на трехразовое питание в столовой. Для этого надо было сдать свои карточки, кроме хлебных, в столовую. Предполагалось, что для такого питания продуктов отпускается больше, чем по номиналу карточек.

В столовых, как правило, не раздевались, ели в верхней одежде, даже зимой. Но шапку надо было обязательно сдавать при входе. Взамен выдавали алюминиевую ложку, которую после обеда надо было возвращать в обмен на шапку.

Зима 1943-44 гг.: немного топят, есть свет, введен лимит, за перерасход электроэнергии - штраф. Позднее поставили ограничители мощности - "собаку", свет автоматически отключался при повышении потребляемой мощности. Но и этот свет часто отключали. Помню, сидели с ребятами и девчонками в общем зале политехнической библиотеки (своих учебников не было), света нет, на столах - коптилки. Жульничали: включали один конец на землю, почему-то собака не срабатывала. Вода на кухне есть, в ванной нет. Ванная не работала до 1947 г. Газ - еле-еле. То же - в зиму 1944-45 гг.

В общем, самым голодным временем для меня была весна 1942 г., затем все становилось лучше и лучше, правда, очень медленно. Показателем могут служить встречи нового года. Каков был стол на встрече 1942 г. я уже писал. Встречая 1943 г., мы с мамой купили на рынке и сразу съели буханку черного и буханку белого хлеба (всего около 2,5 кг) и в 10 часов легли спать, тем более что электричества не было, и не топили. На встрече 1944

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНОБОРОНЫ РОССИИ)

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ АРХИВ

г . Гатчина,
Ленинградская обл.,
188300 уста 2012 г.
№7786

ЯНЬКОВУ
Владимиру Юрьевичу

ул. Гаврикова, дом 3/1 , кв. 3,
г.Москва, 107140

АРХИВНАЯ СПРАВКА

В документах Аварийно-спасательного управления ВМФ имеется спи
личного вольнонаёмного состава Московского отряда подводно-техническ
работ ВМФ по состоянию на ноябрь 1942 года, в котором значится:

«ЯНЬКОВ Владимир Юрьевич - ученик моториста
в графе « Время назначения и № приказа» - указано: 07.1942 год , № 195-2.»
Основание: ф. 436. оп. 27. д. 51. л. 20.

В приказе командира Московского отряда подводно-технических ра
ВМФ от 2 января 1943 года №01 с объявлением личного состава на 1 января 19
года значится :

«ЯНЬКОВ В.Ю. (так в документе) - ученик моториста
(вольнонаёмный состав)». Основание: ф. 436, оп.29, д.3, л.3.

В документах Аварийно-спасательного управления ВМФ имеется спи
личного вольнонаёмного состава Московского отряда подводно-техническ
работ ВМФ в котором по состоянию на апрель 1943 года, значится:

«ЯНЬКОВ Владимир Юрьевич-ученик разного профиля, в графе « Стаж
РК ВМФ »- указано 1942 год». Основание: ф.436, оп. 27, д.51, л.120.

Другими сведениями о работе ЯНЬКОВ А В.Ю. архив не располагает.

Рис. 3.15. Архивная справка о моей работе в ВОВ

года, впервые я встречал его в компании, был уже вполне приличный стол.

В 1944 г. вновь открылись коммерческие магазины, но наша семья еще не могла себе позволить что-либо покупать в них. Только в 1945 г., когда я уже получал стипендию (210 сталинских рублей), мы изредка что-нибудь покупали в коммерческом. Цены в коммерческих постепенно снижались и в1947 г. мы могли покупать каждую неделю по 100 г сахара в дополнение к пайку.

В 1945 г. в Москве возобновилась продажа мороженого с лотков. Это был символ нормализации. Стограммовая пачка сначала стоила до 230 руб. (цена менялась быстро). Люди покупали полпачки, четверть пачки.

Леди Черчилль, приехав в Москву, удивлялась, что москвичи на морозе в -20 градусов едят мороженое.

3.7. Учеба в войну

2-го августа 1941 г. мне исполнилось 14 лет, и с 1-го сентября я должен был пойти учиться в 7-ой класс. Однако из-за приближения фронта к Москве учебный год в положенное время не начался. Ни одна школа в Москве не работала. Мама больше всего боялась, что я не получу образования и вот я начал учиться самостоятельно. По три-четыре часа в день я вслух, громко (а голосок у меня уже тогда был приличный) занимался зубрежкой. Мама в это время бешено собирала информацию о работающих учебных заведениях в Москве. И нашла.

При Советской власти были организованы многочисленные "школы взрослых" для людей, не получивших вовремя образования. Одна из таких школ работала в 1941-42 учебном году. Она помещалась в начале ул. Огарева (Газетный переулок), во

дворе дома моих предков (но тогда я этого не знал). Туда-то и устроила меня мама.

В этой школе были очные обычные занятия, но при желании можно было учиться заочно, сдавая зачеты по каждому предмету по темам, например, по литературе: Пушкин, Лермонтов и т.д. Здесь я окончил седьмой и почти окончил восьмой классы. Но о восьмом классе позже. Всю осень и зиму 1941 г. я ходил в школу каждый день, а с февраля 1942 г. перешел на заочную форму обучения.

Так как осенью 1941 г. наземный транспорт работал плохо, да и метро ходило редко (поезда были вывезены при эвакуации), то каждое утро я шел с Плющихи пешком по Арбату до Арбатской площади, далее переулками до своей школы. И каждое утро на Арбате меня обгонял черный "Паккард", ехавший довольно быстро, но не на бешеной скорости посередине пустого (машин было мало, народу еще меньше) Арбата. Боковые стекла Паккарда были темно-зеленого цвета, на переднем сиденье сидел шофер, на заднем не было никого, на промежуточном, раскладном был виден только профиль (из-за зеленого стекла) усатого мужчины: товарищ Сталин ехал на работу с ближней дачи (охрану не помню).

После успешного наступления наших войск под Москвой с января 1942 г. в Москве начали работать выпускные седьмой и десятый классы.

Занимались мы в шубах и зимних шапках, так как в помещении не топили. Учебников не было, и мы учили уроки в библиотеках, про которые я уже рассказывал. Всю войну все библиотеки в Москве работали по 10-12 часов. Света чаще всего не было. На столах всех библиотек, в том числе таких, как имени Ле-

нина (Российская Государственная библиотека) и Политехническая стояли коптилки.

С осени 1942 года все школы в Москве работали уже нормально, но я в обычную школу больше не ходил.

Весной 1943 г. я должен был кончить восьмой класс, но я был лентяем, и затянул занятия до осени. А тут появилась возможность поступить на подготовительное отделение МАИ.

К лету 1943 года, когда половина Европейской части страны еще была оккупирована, стало ясно, что победа будет за нами и руководство СССР (Сталин) стало задумываться о послевоенном восстановлении народного хозяйства. Было понятно, что потребуется большое количество инженеров, и их нужно готовить заранее. Поэтому в технических и математических ВУЗах студентам стали предоставлять отсрочку от призыва (бронь). Кроме того при технических ВУЗах были организованы подготовительные отделения, где ученики проходили программу 9-х и 10-х классов (была десятилетка) за один год, чтобы успеть поступить в ВУЗ до призыва. Инженерами эти мальчишки стали только через семь лет. Так готовили инженеров для мирного времени.

На такое подготовительное отделение Московского Авиационного института я и решил поступить.

Я отправился к директору школы, получил справку о том, что учусь в восьмом классе, и этого оказалось достаточно, чтобы меня приняли на П.О.

Я поступил в девятый класс, так и не окончив восьмого. После этого я много учился в институте, в аспирантуре, работал профессором в институте, но восьмого класса я так и не окончил. Мне сначала было стыдно скрываться от фронта на подготовительном отделении, но потом посмотрел, кто там учится (дети элиты) и успокоился. Учились (по памяти): племянник В. М. Мо-

лотова - Вячеслав Скрябин, сын С. В. Ильюшина Володя (будущий шеф-пилот у Сухого, генерал, герой Советского Союза. А ведь это легче, чем пойти на фронт серой скотинкой и пропасть без вести или быть убитым под Ржевом), сын Наркомтяжпрома Кузнецова и многие другие, помельче (все так, но у Сталина воевали три сына, один попал в плен. У Микояна воевали два сына. Старший сын Хрущева погиб. У Ворошилова воевал и погиб приемный сын Тимур Фрунзе).

Как проходила мобилизация в армию: мальчиков 1924 г.р. призывали в начале 1942 г., мальчиков 1925 г.р. – в начале 1943 г. Мой, 1927 г.р. призывался осенью 1944 г. Я проходил медкомиссию в начале сентября 1944 г., через месяц после того, как мне исполнилось 17 лет.

3.8. Учеба в МАИ

По качеству подготовки инженеров МАИ считался тогда в Москве вторым после МВТУ им. Баумана ВУЗом. Более поздние лидеры МФТИ и МИФИ еще не существовали.

МАИ и был выделен из МВТУ в 1930 г. В мое время в нем существовали факультеты: №1 - Самолетостроительный, №2 - Моторный, №3 - Вооружения самолетов (организован в 1937 г.), №4 - Экономический, №5 - Приборостроения и оборудования самолетов.

3.8.1. Учеба на подготовительном отделении

Начав в октябре 1943, мы учились год без каникул в девятом и десятом классах, окончив школу в сентябре 1944.

Занимались по 7-8 уроков в день. Занятия не отличались от обычной школы, но после девятого класса экзаменов не было. После подготовительного отделения мы сдавали выпускные экза-

мены за девятый и десятый классы экстерном в одной из школ. Они же были засчитаны как вступительные в МАИ.

Во время сдачи я каждый день проходил мимо здания, которое строили пленные немцы. Любопытство и знание языка заставило меня несколько раз пообщаться с ними. Я узнал, что их пайка хлеба 600 г больше моей. Они делали игрушки на продажу и просили меня быть посредником. Но я отказался. Примерно в это же время, шастая по Москве и пропуская занятия, я в сквере между метро Аэропорт и Сокол набрел на группу пленных немцев. Поговорил с ребятами – конвоирами и получил разрешение пообщаться. Один из пленных – пожилой человек, по сообщению конвоиров, был гестаповцем. Естественно я пообщался с ним. Он прекрасно говорил по-русски и выпотрошил из меня сведения о комсомоле, о жизни в СССР.

Осенью 1944 года я стал студентом факультета вооружения самолетов Московского ордена Ленина Авиационного Института им. Серго Орджоникидзе.

3.8.2. Друзья юности

Первое собрание учащихся П.О. состоялось на пустыре за МАИ, на месте будущего стадиона. Здесь я увидел длинного, сутулого мальчика в лыжном костюме брусничного цвета. Как я подошел к нему, не помню. Это был Володя Вол (1928-2015).

Несколько позже, возвращаясь из института, на переходе через речушку (Таракановку) в районе теперешнего пересечения ул. Алабяна с Волоколамским шоссе я нагнал и разговорился с красивым парнем в оранжевой куртке и в высоких черных сапогах. Проговорив с ним до метро Сокол, я сразу в него влюбился и эта любовь продолжалась до его смерти.

Это был Никита Позин (1928-1977), в дальнейшем видный ученый в области бионики. Так сложилась наша троица.

Володя был из преуспевающей советской еврейской семьи. В то время его папа (шла ВОВ) был интендантом высокого класса, снабжавшим фронт продовольствием.

В момент нашего знакомства семья из пяти человек жила в отдельной трехкомнатной квартире на ул. Энгельса, рядом со станцией метро Бауманская, открытой как раз в 1943 году. Мне и моим товарищам, жившим в коммуналке, такое жилье казалось роскошным.

Володя

Никита

Рис. 3.16. Друзья юности

Но, будучи в эвакуации в 1941-43 г.г., Володя с мамой и трехлетней сестрой жили бедно, плохо питались. Поэтому Володя был очень слаб физически. Эта физическая слабость осталась на всю жизнь. Позднее, на первом курсе, когда по физкультуре проводились лыжные прогулки, Володя проходил не более полукилометра, а затем, обессиленный, ложился на снег.

Будучи слабым физически, Володя интеллектуально был существенно выше среднего школьника того времени.

Я бывал в семье Володи, его мама одно время рассматривала меня кандидатом на мужа Володиной сестры, а бабушка, вскоре умершая, угощала меня рыбой фиш - фаршированной щукой.

Никита, как и я, был безотцовщиной, и жил с мамой в подмосковной Салтыковке, занимая часть большого деревянного дома без удобств. Он был красавцем, девчонки млели, глядя на него. Бывало, шляемся по Москве с кучей девчонок, они глаз с него не сводят, уделяя мне незначительное внимание, пока я треплюсь. Я очень ему завидовал.

Мы учились в 1943-45 годах в одной группе сначала на П.О., затем на факультете вооружения самолетов МАИ. Учились одинаково плохо. Затем Никита по-тихому, что меня обидело, перешел в МЭИ, а Володя на самолетный факультет того же МАИ. Мы стали встречаться реже, но продолжали дружить до середины шестидесятых годов, когда дружба окончательно преобразовалась в приятельство.

В чем выражалась наша дружба? Мы много шлялись по Москве и Подмосковью, конечно, посещали кино и театры. Очень много рассуждали и спорили. В основном, о политике и истории.

Конечно, мы критиковали Сталина. Часто достаточно громко. Критика происходила, в частности, так. После занятий мы с Никитой располагались на двух диванах и в полный голос хаяли вождя народов.

О том, что за критику Сталина меня хотели посадить, я узнал гораздо позднее.

В 50-х годах в подъезде нашего дома сидели лифтерши (московская власть считала, что москвичи сами лифт открыть не

сумеют). И периодически они сообщали моей маме: «Снова приходили, спрашивали о Володе». Я относил это к тому, что у меня допуск к секретной работе по форме №1. Но старшие товарищи разубеждали меня.

Одной из причин слежки могла быть та, что с 35 лет я полюбил кабаки и кафе "Националь". Совсем недавно узнал, что там у каждого столика было подслушивающее устройство, и некоторые засекреченные люди пострадали. Я не пострадал, но проверять могли. Уже в 80-х годах, когда я работал доцентом в Московском Институте Инженеров Гражданской Авиации, завкафедрой (мой друг) сообщил мне, что его вызвали к ректору, где сидел неприметный мужчина в сером, сообщивший в процессе разговора, что «Янькова мы думали брать, когда он еще в институте учился». Так что НКВД не дремал!

Но и в самых фантастических спорах мы не могли предположить, что СССР разрушится.

В 1947, 19-ти лет Никита женился на совершенно некрасивой с моей точки зрения девчонке Ире Куликовой, студентке истфака МГУ. Родился сын Алексей (1948-2008). Пришлось искать заработка, он обратился в институт, называвшийся тогда институтом автоматики, устроился сначала на полставки, а потом и в штат.

У нас с Володей знакомства с противоположным полом протекало не так благополучно. Не обладая Никитиной внешностью, мы еще и не умели подойти к девушке. Задачу мы решали по-разному. Володя вскоре после окончания ВУЗа женился на толстой еврейской девушке Лиде, я, как всегда, пошел своим путем. После многолетних упражнений я выработал свой подход, в результате с небольшими промежутками прокобелировал до пя-

тидесяти трех лет, после чего окончательно (в третий раз) женился и родил дочку.

3.8.3. Учеба на факультете вооружения самолетов

Обучение в ВУЗах до 1956 г. было платным: 400 сталинских рублей в год. Но одновременно платили стипендию. Платили ее в разное время по-разному. То платят всем, то только успевающим, то только хорошистам и отличникам

В мое время стипендия на первом курсе составляла 297 руб. (в сталинском масштабе, т.е. 29 руб. в хрущевском). От курса к курсу она увеличивалась, и на старших курсах платили уже 350-400 руб. Отличники получали в следующем семестре 25-процентную надбавку.

Конечно, на эти деньги существовать было трудно.

Поток набора 1944 года в основном состоял из поступивших после школы и живших с родителями. Здесь стипендия была помощью семье. Для моей мамы стипендия была существенной помощью.

После окончания института специалист должен был отработать три года по распределению инженером, куда пошлют, но обязательно по специальности.

В 1944-45 учебном году условия жизни и учебы были еще очень трудными. Опять не топят, свет выключают, учебников нет. Но мы уже привыкли ко всему этому, привыкли к войне.

Учился я плохо, хотя на старших курсах получал даже повышенную стипендию. Причины:

1) Не мой профиль. По всей своей доинститутской подготовке я должен был стать гуманитарием. В детстве я захлебывался чтением худ. литературы, читал сравнительно много по истории. Вместе с тем в естественных науках я успевал плохо, в

старших классах имел тройки по физике и математике, не понимал их. Любовь пришла позднее.

Но... судьба была такова (см. другие разделы), что я попал в МАИ.

2) Вторая причина - слабость преподавательского состава факультета. Именно факультета, а не МАИ в целом.

3) Главная причина - моя лень и зазнайство. С одной стороны я ленился учить то, что нам читали, с другой - все пытался заниматься гуманитарными вещами, поступал на исторический факультет МГУ, желая одновременно кончить и его и МАИ.

Одним из предметов, которые я посещал на старших курсах (а посещал я далеко не все), были «Основы автоматики». Я влюбился в эту дисциплину и в дальнейшем все время пытался работать в этой области. В конце концов, мне это удалось.

Уже на третьем курсе института нас «засекретили» - оформили допуск к секретным материалам по форме №3 – самой слабой. Насколько я знаю, в СССР были: форма №3 – допуск к секретным материалам, форма №2 – допуск к совершенно секретному материалу и форма №1 - допуск к совершенно секретным материалам особой важности.

Не то, чтобы нам читали на лекциях что-нибудь очень секретное, просто нас готовили к будущей работе с секретными и совершенно секретными материалами.

При засекречивании, а в дальнейшем - периодически, раз в три – четыре года заполнялись 8-страничные анкеты, о которых я писал выше.

Для большей секретности название учреждения также периодически менялось. Так, согласно моей трудовой книжке, я принят 25 ноября 1960 на работу на предприятие почтовый ящик 3657. Первого февраля 1967 г. я переведен в институт теоретиче-

ской кибернетики, а 15 июля 1970 г. переведен в Научно-исследовательский институт автоматических систем. Соответственно, менялся штамп в паспорте. В то время в паспорте ставился штамп с указанием места работы.

При всех этих переводах я даже стула не менял, происходило переименование учреждения.

3.8.4. Педагоги МАИ

В мое время в МАИ преподавали такие выдающиеся ученые и педагоги, как специалисты по аэродинамике И.В. Остославский и Г.В. Каменков, двигателист Н.В. Иноземцев, специалист по автоматике Б.Н. Петров и многие другие.

К сожалению, на факультете №3 занятия вели более серые преподаватели. Но несколько человек заслуживают упоминания. Я хочу здесь рассказать о них.

3.8.4.1. Евгений Викторович Агокас (1881—1960)

Был организатором факультета вооружения самолетов и его первым деканом. Он читал нам теорию вероятностей и баллистику. Среди студентов ходили слухи, что он полковник царской армии. Так оно и оказалось.

По происхождению из дворян. Образование получил в одном из Московских кадетских корпусов. Окончил Михайловское артиллерийское училище в 1901 году. Окончил Михайловскую артиллерийскую академию (1906). К 1917 году – полковник, кавалер орденов Св. Станислава 2-й ст. и Святого Владимира 4-й степени. После революции на стороне красных. Работал на различных должностях военспецом в Красной Армии.

Три раза арестовывался. Во время первого ареста в 1919 г. по письму Главного Артиллерийского управления в Оперативный отдел еженедельно участвовал в заседаниях Комитета ГАУ. Освобожден на поруки.

Второй арест. 08.01.1930, уволен из РККА 15.03.1930. 13.01.1931 приговорен по ст. 58-7 к Высшей мере наказания с заменой на 10 лет ИТЛ. В феврале отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. Освобожден досрочно 14.08.1932.

Последний арест 03.09.1938. Освобожден 29.09.1938 в связи с прекращением дела.

В Советское время награжден серебряными часами с надписью "Стойкому защитнику Пролетарской Революции от РевВоенСовета СССР», орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 г.г.», и медалью «В память 800-летия Москвы» (18.02.1948). Профессор (1940). Работал в МАИ по 1951 г.

В мое время Евгению Викторовичу было уже под 70.Читал он прекрасно, спокойно. Очень хорошо относился к студентам. Охотно работал с факультетским комитетом комсомола, которым руководил в то время прекрасный парень, сталинский стипендиат Саша Штейншнейдер.

На лабораторных занятиях по баллистике мы измеряли скорость пули.

3.8.4.2. Георгий Николаевич Свешников (1889-1970)

Ученый в области механики, кандидат физико-математических наук (1937), профессор (1937), заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1956). Заведующий кафедрой теоретической механики

МАИ (1930-1963), профессор-консультант кафедры (1963-1970). Окончил МГУ в 1911 году и был одним из первых преподавателей МАИ после создания института в 1930 году. Читал нам Теоретическую механику.

Про него тоже ходило много баек. Причем отличить правду от вымысла в этих байках было невозможно. Так, например, говорили, что до революции он был профессором в духовной академии, причем не теоретической механики, а теологии. В это верилось с трудом, ибо в 1917 году ему было всего 28 лет. Часть легенд была связана с его знанием множества европейских языков. Например, якобы посетила наш ВУЗ делегация иностранцев, французов, а все француженки с кафедры иностранных языков со страху попрятались. Вспомнили тогда о Георгии Николаевиче, и он блестяще провел экскурсию на французском языке. В другой легенде рассказывалось, что однажды Свешников обнаружил на своей лекции студента, который не слушал лекцию, а читал какую-то книгу. Свешников подошел, взял книгу в руки - оказалось, книга на немецком языке - студент собирался сдавать "тысячи" (тысячи знаков немецкого текста) преподавателю иностранного языка. - Ах, - сказал Свешников, - вас интересует немецкий язык. Пожалуйста! И продолжил лекцию на немецком языке. Лекции читал прекрасно, громовым голосом, четко излагая мысли. Экзамены мы ему сдавали так: вытянув билет, садились за подготовку, в процессе которой он разрешал пользоваться любой литературой. Но когда садишься ему отвечать, он отбирал все записи, давал чистый лист бумаги и требовал вывода по памяти. Я консультировался у него, уже будучи к.т.н.

3.8.4.3. Лев Владимирович Рабинович (1916-2012)

Заслуженный деятель науки и техники РФ, Почётный работник высшего профессионального образования РФ, ветеран Великой Отечественной войны. Лев Владимирович работал в Московском авиационном институте с 1933 года: токарем, старшим лаборантом, ассистентом, старшим преподавателем, доцентом, профессором, заведующим кафедрой.

Он читал нам на пятом курсе два семестра «Электроавтоматику вооружения самолетов», будучи еще очень молодым. По-видимому, это был его первый лекционный курс. На фоне других преподавателей нашего факультета его лекции, более интеллектуальные, были лучом света в темном царстве.

Значительную часть своего курса он посвятил следящей системе стрелково-пушечного вооружения самолетов американского Б-29 и советского ТУ-4.

Американцы создали во время войны тяжелый бомбардировщик Б-29 «летающую сверхкрепость» с большой бомбовой нагрузкой и мощным стрелково-пушечным вооружением. Несколько таких машин, подбитых японцами, дотянули до нашего Дальнего Востока и попали к нам в руки. Сталин приказал Туполеву сделать точную копию этого самолета. Сделали. Но поставили свои движки и вместо пулеметов пушки калибром 23 мм. Так появился Ту-4. Стрелково-пушечное вооружение у него состояло из десяти огневых точек, дистанционно управляемых следящей сельсинно - амплидинной системой.

Лев Владимирович очень подробно объяснил нам физику работы сельсина и амплидина. Кстати, в это время началась «борьба с космополитизмом» и все иностранные наименования были переведены на русский язык. Сельсин стал трехфазным вращающимся трансформатором (ТВТ), а амплидин – электромашинным усилителем (ЭМУ).

Лев Владимирович дал нам уравнение следящей системы, но не исследовал его. В остальной части курса он очень подробно рассказал о различных типах реле. На лабораторных также изучали реле. Я влюбился в автоматику, посмотрев реле, и потом всю жизнь стремился к ней.

Сегодня мне кажется, что лучше он дал бы нам основы теории автоматического управления, которую нам не читали. Тем более, что в дальнейшем у него были работы в этой области.

3.8.5. Комсомольская организация в МАИ

Комсомол играл большую роль в МАИ. На каждом курсе было курсовое комсомольское бюро. На факультете было факультетское бюро. Во все эти бюро выбирались простые ребята – студенты. Комсомольские бюро пользовались большим авторитетом, к ним прислушивался деканат при назначении стипендий, при вопросе об отчислении или зачислении студента. На комсомольское бюро вызывали лентяев и студентов, отлынивавших от общественных работ, а их было много.

В бюро можно было и пожаловаться на преподавателя, если с точки зрения студентов он преподавал плохо.

Силами студентов-комсомольцев в 1944 году в МАИ был построен стадион, студенты занимались с учениками ближайшего производственно-технического училища, в МАИ была прекрасная спортивная организация, было множество, конечно бесплатных,

спортивных секций (и все это в страшную войну!). Женская волейбольная команда МАИ была перед войной чемпионом Европы. Был прекрасный самодеятельный театральный коллектив. Ставились пьесы, но больше капустники, где высмеивались недостатки в учебе и жизни института.

Такая общественная работа была поставлена настолько хорошо, что МАИ в шутку называли МСТИСЛАУ – Московский Спортивно-Театральный Институт С Легким Авиационным Уклоном.

Всем этим руководила комсомольская организация института.

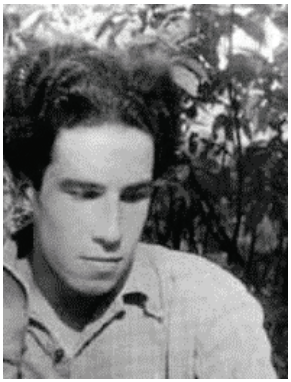

Рис. 3.17. Студент Владимир Яньков

Я вступал в комсомол в 1944 году, на первом курсе и меня не приняли. В то время в газетах много писали о подвиге комсомольцев Краснодона. Роман Фадеева «Молодая гвардия» еще не был написан. А я в то время газеты читал редко. И о «Молодой гвардии» не знал. Хотя все газеты, конечно, были в прекрасной институтской библиотеке, газеты висели на каждом перекрестке улиц Москвы. А в институтском комсомольском бюро у нас рабо-

тала одна из героинь Краснодона – Валя Борц. Так и не приняли, пришлось вступать вторично.

Повторяю: комсомол играл очень большую положительную роль в жизни молодежи.

3.9. Победа

Весной 1945 года я кончал первый курс. Как я уже писал, студентом я был неважным, часто прогуливал. Правда, во время прогулов я много времени проводил в библиотеках, где читал художественную литературу.

Все мы этой весной жадно следили за событиями на фронте. С конца апреля в Москве царила эйфория: ждали, вот - вот кончится война. 25-го апреля наши встретились с американцами на Эльбе. 2-го мая был окончательно взят Берлин и рейхстаг.

Все ждали: вот-вот она – Победа!

9-го мая я еще не проснулся, когда услышал Левитана. Быстренько оделся и пошел на Арбат. И здесь я увидел стихийную демонстрацию: толпа людей стала стихийно организовываться в колонны и направляться на Красную площадь. Я пошел в колонне. Красная площадь была заполнена народом. Люди смеялись, кричали от радости, танцевали.

Здесь же крутились мальчишки и девчонки. Я был студентом и не мог себя унизить общением с пацанами. В то время, как я уже писал, можно было купить по дорогой цене мороженое. И вот пацаны на площади верещали: какой-то полковник (военные получали приличный денежный оклад) купил целый ящик мороженого и раздает его бесплатно детям. Пацаны сверлили Красную площадь вдоль и поперек, но, по-моему, так этого полковника и не нашли.

Народ ликовал. Кончились муки, кончилась кровь, теперь заживем. И действительно, мы восстановили все разрушения (а они были страшными) за пять лет, а в 1948 году я уже мог себе позволить пить молока «от пуза».

Вечером 9-го мая народу на Красной площади еще прибавилось. Играет музыка. В 10 часов прогремел орудийный салют в сто залпов из 1024-х орудий, был большой фейерверк. Вечером над Москвой впервые подняли портрет Сталина. Потом это стало традицией.

Так закончилась для меня Великая Отечественная Война Советского Народа против немецко-фашистских захватчиков.

Рис. 3.18. Красная площадь днем 9 мая 1945

Рис. 3.19. Красная площадь вечером 9 мая 1945 г

ГЛАВА 4. Первые послевоенные годы

4.1. Учеба после войны

После весенней сессии 1945 г. у меня было несколько хвостов и грозило исключение из института. Меня вызвал тогдашний декан факультета Елисеев.

«Ты хочешь вылететь из института?»

«Нет, не хочу»

«Тогда будешь участвовать в физкультурном параде»

И я начал участвовать. При этом спортом я никогда до этого не занимался, как не занимался никогда и впоследствии. Вспоминаю теперь анекдот: Уинстона Черчилля в старости спросили, как ему удалось дожить до такого преклонного возраста? «Все очень просто, ответил Черчилль: ежедневно пять – шесть

сигар, пару стаканчиков виски, и никакой физкультуры». Я практически не пью, а курил по две пачки сигарет в день и никакой физкультуры.

Нас перевели на казарменное положение, поселив в новом, только что отстроенном пятом корпусе МАИ. Поставили на трехразовое питание, причем свои продовольственные карточки мы не сдавали! Кормили по тем временам прекрасно, по утрам давали сгущенку!

В то время вся территория института была разбита на участки 100-200 кв. метров под огороды для преподавателей. Еще два-три года после войны территория охранялась не только, как в мирное время, снаружи, но и изнутри. Изнутри охраняли сами студенты, вооружавшиеся для этого французскими винтовками калибра 20 мм.

А я был безответно влюблен в одну девочку. И вот как-то ночью ползком, по-пластунски я пробрался на один огород и стащил несколько морковин. Утром они были преподнесены избраннице и приняты с благодарностью. («Не к себе, не домой, а к любимой в гости три морковинки несу за зеленый хвостик» Маяковский). Впрочем, шансов мне это не прибавило.

А тем временем нас по 4 -5 часов в день тренировали в шагистике. Настоящих спортсменов среди нас не было, они готовились по специальной программе, а мы служили фоном.

Как говорили наши командиры, мы должны были продемонстрировать, что после тягчайшей войны в СССР осталось еще много мужиков. Командовали нами наши же преподаватели физкультуры, с которой у меня отношения были даже хуже, чем с математикой. (Мне вообще проще всего давались «Основы Марксизма – Ленинизма». Уж здесь я мог трепаться часами).

Парад был в августе, но точно дату я не помню. Кажется 18 августа. Нас пригнали на Манежную площадь. Тогда это была действительно огромная площадь. На нее выходило тогдашнее здание посольства США. На его крыше и балконах полуголые американцы (жара!) фотографировали нас.

На площади скопилось несколько тысяч студентов из различных московских ВУЗов. Рядом с нами стояли плотненькие студентки расположенного рядом с МАИ Пищевого института. Завязывались знакомства, игры, лапанье. Стоим час, два, три. Людям захотелось пи-пи, а туалетов, вроде, нет. Нашли один в подворотне ресторана «Националь». И вскоре оттуда потекла река. Отнюдь не нарзана.

Наконец, пустили нас на Красную площадь. На трибуне стояли вожди во главе со Сталиным, по правую руку которого расположился гостивший тогда в СССР генерал (не президент еще!) Дуайт Д. Эйзенхауэр, а по левую – посол Гарриман.

А жизнь и учеба в МАИ продолжались. В 1945-46 учебном году я снова на первом курсе. И еще стипендию получаю! Но время уже другое (время тогда менялось очень быстро). Если в прошлом наборе было большинство десятиклассников с подготовительного отделения, то теперь половина курса демобилизованные фронтовики.

Во время войны в армию мобилизовали мужчин от 18 до 55 лет. Теперь объявили поэтапную демобилизацию, начиная со старших возрастов.

Однако, если военнослужащий подавал заявление в ВУЗ, тем более сдал вступительные экзамены, его демобилизовывали досрочно.

Рис. 4.1. Сталин, Эйзенхауэр, Гарриман
на физкультурном параде 1945 г.

Это были взрослые люди, часто без родителей. Вот им приходилось изворачиваться. Им было труднее уже потому, что на фронте они растеряли свои знания, а тут еще ищи подработку. Как они вгрызались в учебу, не пропуская ни одной лекции!

Но и среди них выделялся Витя Осягин. Парню было уже двадцать шесть, провоевал всю войну, безотцовщина из беднейшей семьи. Одно время мы с ним дружили. Он бывал у меня в гостях, мы пили от пуза молоко с сахаром, и он говорил, что дома себе такого блюда позволить не может.

Он писал все лекции, а я их прогуливал, а перед экзаменом использовал его записи, и сдавал часто лучше, чем он.

Будучи добрым человеком, он на это не обижался, но я еще и издевался над ним. Этого он стерпеть не мог и мы поссорились. Но позднее нас распределили на один и тот же завод, и мы еще несколько лет варились вместе.

В студенческие времена мне всегда не хватало денег, и я решил сдавать кровь тайком от мамы (225 сталинских рублей за 450 гр. крови). Нужна была справка из поликлиники. Пришел, в

регистратуре сидит какая-то старая грымза, которая, выдавая справку, стала возмущаться, как это ЯНЬКОВ и вдруг сдает кровь. Потом узнал, что это какая-то княжна древнего рода. Недавно, читая Улицкую, наткнулся на эпизод, где две сестры княжеского рода работают медсестрами, а живут на Староконюшенном (я жил на Плющихе). Думаю, не моя ли грымза была для Улицкой прототипом.

4.2. Быт в первые послевоенные годы

Этот период можно разделить на несколько частей.

4.2.1. До отмены карточек

Первые месяцы после победы – сплошная эйфория.

Хотя все понимают, что предстоит еще война с Японией. Договор о ненападении уже денонсирован.

24 июня Парад Победы с бросанием германских знамен к мавзолею. Предполагалась первая послевоенная демонстрация, отмененная из-за дождя. На август назначен физкультурный парад, в котором неожиданно для меня принял участие и я.

Но жизнь, трудная повседневная жизнь берет свое.

Я по-прежнему живу с мамой в коммуналке, но состав квартиры существенно увеличился.

Младшее поколение, повзрослев, поженилось, нарожало детей, а новое жилищное строительство только разворачивалось (сначала – предприятия, жилье – во вторую очередь). В квартире жилой площадью 75 кв.м. проживало теперь 23 человека, т.е. 3,28 кв.м на человека! Примерно так жили по всей стране.

В 1946 г. в стране голод, но москвичи об этом ничего не знают. В газетах не пишут. В Москве устойчивое снабжение по карточкам, нормы я уже описывал, открыты «коммерческие» магазины, в которых на мои и мамины (зарплата 700-800 руб.) до-

ходы мы можем себе позволить покупать 100-150 г сахарного песка в неделю сверх карточек.

Двухмесячные каникулы 1946 года я провел в ремонте своей комнаты. Это была та еще эпопея. За войну комната приобрела ужасный вид: обои висели клочьями, потолок был совершенно черный, т.к. в комнате стояла буржуйка, дым от которой шел не в трубу, а внутрь.

Я, маменькин сынок, не имел ни малейшего представления, как делать ремонт. Был дальний родственник – профессиональный маляр из интеллигентов. Он снабдил меня литературой и советами.

Материал купил легко. Сначала несколько раз купоросил потолок медным купоросом. Прокупоросил до того, что на полу был слой из 5-8 миллиметров жидкости, нарушилась изоляция проводов, и ходить по комнате стало опасно. Следующий шаг – побелка. Никаких водоэмульсионных красок еще не придумали. Белят раствором мела, в который добавляется столярный (малярный) клей. Белить надо один раз поперек света, второй раз – вдоль света. При этом каждый следующий замах необходимо делать до того, как высохнет предыдущий, иначе будут полосы. На десятый раз добился успеха.

Дальше надо загнать наружную электропроводку в стену. Стены кирпичные, межкомнатные перегородки деревянные. И те, и другие оштукатурены. Делаешь штроб, загоняешь провод, крепишь гвоздями, и заделываешь раствором. Ничего, сделал. Проводка стояла еще 50 лет, замыканий не было. Наконец, оклейка обоями и окраска дверей. Все ОК, но обои поклеил вверх ногами.

Лето 1947 года. Всячески агитируют студентов ехать на лето в колхоз. Собралась небольшая группка, поехали в «подшефный» колхоз в Ефремовский район Тульской области. Ника-

ких электричек или пассажирских поездов. Добирались с приключениями на попутных товарняках. И не только в классических товарных вагонах «40 человек или 8 лошадей», а в угольных полувагонах, на площадках цистерн. Приехали. Нас поместили жить в одной колхозной семье. Кормили по тем временам прекрасно (было постановление правительства): 100 г мяса в день, 0.5 литра молока и т.п. Сами колхозники ели только картошку. Утром хозяйка вываливает на чисто выскобленный стол гору картошки и горку соли. То же в обед и в ужин. Надо сказать, что меня это не удивляло. Еще за год до этого я ходил вечно голодный, и поесть картошки «от пуза» было моей мечтой.

Начали работать. Технология уборочных работ была такой: трактор тянет комбайн, который косит и молотит. Женщины на лошадях, запряженных в горизонтальные слеги, отвозят солому к стогам. Наша задача – подать на вилах эту солому наверх мужчине, который формирует стог.

Работали мы плохо, неприспособленные к физическому труду, быстро уставали. На наше счастье комбайн все время ломался. Насколько помню, наша работа продолжалась дней десять, и мы возвратились домой, не заработав ни грамма зерна.

4.2.2. Отмена карточек

15 декабря 1947 года отменили снабжение продовольствием по карточкам, а промтоварами по ордерам, введенным 15 июля 1941 года. Надо отметить, что отмена карточек в СССР произошла раньше, чем в Британии.

Ввели новые цены на продукты, несколько выше пайковых довоенных.

Одновременно провели денежную реформу, ввели новые деньги, и были несколько повышены оклады и стипендии (так

называемая «хлебная» надбавка). Моя стипендия на втором курсе увеличилась на 70 руб. и стала составлять 297 сталинских рублей. Обмен старых денег на новые проводился по сложной схеме, в зависимости от суммы и местонахождения денег: в сберкассе или на руках.

Целью реформы было сжатие денежной массы, разбухшей во время войны. Поэтому она носила конфискационный характер. Однако проведена она была так, что страдали зажиточные люди. Богатые люди здорово пострадали, даже, если они хранили деньги в сберкассе. Часть их денег конфисковывалась.

Так как мы с мамой жили от получки до получки, и денег у нас, как и у большинства народа, не было, мы от этой реформы только выиграли. На следующий день во всех продуктовых магазинах Москвы, практически без очереди, свободно, продавали хлеб и основные продукты. В провинции было хуже. Тетка из Сызрани писала о больших очередях за хлебом. В Москве были очереди за мукой. Стоял часа два, давали по два кг.

Сценка: я с мамой в Смоленском гастрономе. Продаются бутерброды с колбасой ценой один сталинский рубль. Мне страшно хочется колбасы, которой я не ел с начала войны. Мама говорит: нельзя, дорого. Питаемся дома. В институт мне дают бутерброд с маслом и 30 сталинских (3 коп. хрущевских) копеек на стакан чая в буфете. И другим студентам так же.

Дома мама готовит и первое и второе. На первое мясной или куриный суп. Мясо или курица из супа идут на второе с гарниром. На третье стакан молока.

Сливочное масло, сметану, покупаем по 100 – 150 гр.

С одеждой и обувью и в Москве было не очень хорошо. Промышленность перестраивалась на мирные рельсы и еще не могла обеспечить всех, хоть какой–нибудь одеждой и обувью.

Каждый год в СМИ публиковались планы на следующий год. И вот я прочел, как большое достижение, что будет выпущено аж по одному ботинку на человека в год. Ботинки по 75-80 сталинских рублей: верх из кожзаменителя, подошва резиновая.

Ежегодно проводится снижение цен на основные продукты, но цены еще выше довоенных.

В колхозах на трудодень дают больше, чем три – четыре года перед этим (тогда давали 150 г зерна), но основной источник существования для колхозников по-прежнему приусадебный участок.

И номенклатура жила достаточно скромно.

Н.С.Хрущев в своих воспоминаниях пишет, что в бытность первым секретарем Московского горкома Партии он был обеспечен хуже, чем до Революции, работая слесарем. Все члены Политбюро ЦК ВКП(б) жили в обычных квартирах обычных домов. Еще лет 15 тому назад на одном из домов на ул. Грановского (Романов переулок) висели таблички: «Здесь жил Ворошилов», «Здесь жил Шверник» и т.п.

Мой двоюродный брат дружил в то время с сыном ответственного работника ЦК ВКП(б) (кажется управляющего делами ЦК) Крупина, и я пару раз бывал у них дома. Шестиэтажный дом 30-х годов в переулке Сивцев Вражек. Никакой охраны. Трехкомнатная квартира общей площадью 60 - 70 кв.м. Примерно в такой я живу сейчас. Кухня метров 8 - 9. Кабинет 18 – 20 кв.м. В кабинете кожаный черный диван и такие же кресла. Абсолютно пустой письменный стол. Ответственный работник! Насколько мне помнится, управделами ЦК ведал всеми деньгами партии. И не имел яхты Абрамовича! Нонсенс.

Летом 1949 снова колхоз. Но время уже другое, продовольственные карточки отменены, мы сытые (т.е. хлеба вволю, а

разносолов нет). И колхозники живут получше. Ехали целым курсом, работали весело. Но крестьяне возмущались, что хлопцы работают в трусах, а девчонки в купальниках. Это считалось неприличным. Привез пуда полтора зерна, помолол, мама пекла пироги.

Постепенно стали менять мебель в комнате. Появился шкаф, который сейчас стоит на даче. Куплен круглый (модно!) обеденный стол. Сменен диван. Несколько позднее появился телевизор «Темп 1».

Чем дальше, тем менее хотелось учиться на инженера. А тут еще очередные «хвосты». Вспоминаю, как на втором курсе зам. декана Роман Иванович Когутов привел меня за руку на экзамен по математике со словами: «Вот самый ленивый студент нашего факультета. Примите у него экзамен». Вы понимаете, как после этого у меня принимали экзамен. Тем более что сел я готовиться накануне в восемь вечера.

И весной 1948 г. я бросил МАИ и стал готовиться к поступлению на истфак МГУ.

4.3. Последние годы правления Сталина

Я жил при Сталине 25 лет. Я получал в школе похвальные грамоты с портретом Сталина. Учил труды Сталина в институте и на работе на политзанятиях. Поэтому я не могу обойти в этих записках жизнь при Сталине. Я напишу только то, что видел сам, т.е. жизнь в Москве в послевоенное время. Следует помнить, что все рассматриваемое время – первые восемь лет после окончания тяжелейшей войны.

Мне последние годы жизни Сталина запомнились как противоречивые. Сначала эйфория в связи с победой над Германией и Японией. Два праздничных дня. Девятое мая и второе сентября. Оба праздника вскоре убрали (работать надо, а не праздновать).

Оставили пять праздничных дней в году: 1-2 мая, 7-8 ноября и день Сталинской конституции 5 декабря. Даже 1 января рабочий день. Если праздник приходился на воскресенье, он пропадал.

Народное хозяйство в основном восстановлено за четыре года. В газетах каждый день сообщения о трудовых успехах коллективов и отдельных тружеников, о восстановлении или постройке новых предприятий. И они действительно восстанавливались и строились. Это не была туфта, как сейчас: декларируют успехи, а предприятия закрываются (ЗИЛ, «Москвич», «Серп и молот» и др.). Против любых нарушителей производственной дисциплины действовали жесткие законы, вплоть до тюремного заключения. Культ Сталина возрос до гигантских размеров. Он уже был маршалом, и мы гадали, какой чин ему дадут в связи с Победой. По аналогии с маршалом предполагали «коннетабль Советского Союза». Дали генералиссимуса.

Каждый праздник в небо поднимались портреты Сталина. Он существенно потеснил Ленина в ареопаге вождей.

В декабре 1949 г. началось празднование 70-тилетия вождя Советского народа и всего прогрессивного человечества. С этого момента в течение года все музеи Москвы были превращены в выставки огромного количества подарков вождю. Это возмущало, хотя подарки (ни одного из них он не взял себе) были поразительные:

Из Индии: большая надпись на рисовом зерне (что именно, не помню);

Из Франции: мать погибшего партизана из Маки прислала детскую шапочку сына.

Из Китая: четыре ажурных шарика из слоновой кости, один в другом, как матрешки. Их не собирали, а вырезали сразу один в другом.

Так как я любил вместо занятий посещать музеи, меня выставка подарков страшно злила, и я названивал по телефону дирекциям музеев, задавая ехидные вопросы. В отличие от героя солженицынского «Круга первого», меня тогда не арестовали.

В 1952 г. прошел XIX съезд партии, на котором ее переименовали из ВКП(б) в КПСС, и вместо Политбюро сформировали многочисленный Президиум ЦК. Отчетный доклад делал не Сталин, а Маленков.

И на этом фоне очень бедная жизнь народа.

После отмены карточной системы в декабре 1947 г. голодающих в Москве не было. Но несмотря на ежегодное снижение цен, жизнь даже в Москве была тяжелой. Цены еще были выше довоенных. Питались в основном хлебом, крупами, постным маслом. Народ ходил в ватниках, сапогах или в ботинках из кожезаменителя, на резиновой подошве.

Хуже всего обстояло дело с жильем. В городах – страшная скученность в коммунальных квартирах. В очередь на получение жилья ставят только в случае наличия менее 3 кв. м на человека. Я провожу в такой семье агитацию по выборам. Люди спят на столе, под столом. Брат и сестра 12-14 лет спят в одной кровати. В Москве строились качественные жилые «сталинские» дома, но строилось их мало. Все силы страна отдавала восстановлению промышленности и сельского хозяйства.

Но жили более или менее дружно. Ссорились, мирились, сор в суп соседям не сыпали.

В духовной жизни – застой. Любая критика расценивалась как клевета на Советскую власть. Из библиотек было изъято множество советских книг, в том числе: Пильняк «Повесть непогашенной луны» (о том, как зарезали Фрунзе. Автор репрессирован), все произведения Бабеля (автор репрессирован), произведе-

ния Л. Сейфулиной, «12 стульев» и «Золотой теленок» Ильфа и Петрова, вообще почти все произведения 20-30-х г.г. Рекламировались: «Кавалер золотой звезды» Бабаевского, «Белая береза» Бубеннова, стихи К.Симонова (его романов еще не было). Издавались Шолохов и А.Н. Толстой, а также переделанная по указанию Сталина «Молодая гвардия» Фадеева. Еще в 1938 году был издан «Краткий курс истории ВКП(б)», на многие годы определивший что и как нужно писать.

Чтобы получить в библиотеке газеты трехлетней и большей давности необходимо было отношение с работы. Жена моего товарища Никиты, студентка истфака МГУ, получила такое отношение, и мы с удивлением читали о дискуссиях троцкистов со сталинистами.

Снова начались процессы. Но проходили они по-будничному, спокойно, без объявлений. Прошли процессы по «Ленинградскому делу», по делу Еврейского антифашистского комитета. Больше шума было от дела врачей.

«Ленингра́дское де́ло» - процессы против партийных и государственных руководителей, выдвиженцев из Ленинграда умершего к тому времени Жданова. Жертвами репрессий стали Председатель Госплана член Политбюро Н.А.Вознесенский, Секретарь ЦК Кузнецов, рассматривавшийся одно время преемником Сталина.

Никаких объявлений в печати не было, хотя по Москве ходили слухи. Я узнал об этом деле случайно, когда пошел в букинистический магазин продавать имевшуюся у меня книгу Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны».

Еврейский антифашистский комитет был создан в 1942 году. Его основная задача была - влиять на международное обще-

ственное мнение и организовывать политическую и материальную поддержку борьбы СССР против Германии.

Во главе ЕАК были поставлены народный артист СССР Михоэлс и поэт, агент НКВД Фефер. В него вошли видные еврейские писатели, поэты, научные работники. ЕАК пользовался огромным авторитетом среди советских евреев

Михоэлс и Фефер съездили в США, агитируя американских евреев жертвовать деньги на помощь СССР для борьбы с Германией. Привезли значительные суммы.

Во время Великой Отечественной войны правительство СССР ради получения денег на восстановление народного хозяйства намекало американским евреям о возможности создания автономной еврейской республики в Крыму. ЕАК поддержал эту идею. К тому же Михоэлс стал выступать защитником и представителем всех евреев СССР. Это не понравилось Сталину и МГБ организовал убийство Михоэлса. Позднее был арестован весь ЕАК. Арестованные были обвинены в связях с еврейскими националистическими организациями Америки, в том, что по заданию еврейских националистов Америки поставили вопрос о создании в Крыму еврейской республики. Все члены ЕАК, кроме престарелой Лины Штерн, были расстреляны.

По делу ЕАК я тоже не помню официальных сообщений. Просто народный артист Михоэлс, «жертва бандитского нападения», вдруг через пару лет оказался «буржуазным националистом».

В 1948 году началась борьба с «космополитизмом и преклонением перед иностранщиной».

Борьба началась с того, что 2 января 1946 года академик П. Л. Капица направил Сталину письмо, опубликованное лишь в 1989 году, но про которое я слышал еще в то время. Вместе с

письмом Капица направил Сталину и рукопись книги писателя Гумилевского «Русские инженеры». Книга была очень быстро издана, и я ее прочел. Из нее, а не из школы, я узнал имена Яблочкова, Лодыгина, Можайского, Попова и многих других русских ученых и изобретателей. В тогдашней школьной программе этих имен не было.

П.Л. Капица писал о том, что многие серьезные открытия были сделаны у нас в стране, но реализованы за границей. Одной из основных причин этого явления Капица считал недооценку своих и переоценку заграничных сил. Именно это письмо Капицы и стало непосредственным толчком к началу борьбы с низкопоклонством перед Западом.

Борьба велась со сталинским размахом. В институтах были организованы кафедры истории науки и техники, сотрудники которых доказывали, что все изобрели русские, что все нации, кроме русских, дураки. Было страшно много лжи, и после смерти Сталина кафедры были расформированы.

Второй стороной борьбы с космополитизмом был антисемитизм, от которого пострадал и я.

Я еврей на 1/8, но внешне очень похож на еврея. Уже в 2000-е г.г. мои однокурсники – евреи говорили мне, что всегда считали меня евреем, скрывающим свою национальность, и осуждали меня за это. Но я-то чувствовал себя всегда русским.

Одной из причин государственного ограничения евреев была восторженная встреча в синагоге московскими евреями первого посла государства Израиль в СССР Голды Меир. Она прибыла в Москву 3 сентября 1948 года. При посещении ею Московской синагоги в Спасо-Глинищевском переулке ей была устроена восторженной встреча огромной толпой евреев. Это событие даже отображено на старых израильских банкнотах до-

стоинством в 10 000 и новых в 10 шекелей. На приёме в Кремле супруга В. М. Молотова, Полина Жемчужина, обратилась к ней на идиш со словами: «Я дочь еврейского народа!». Из этого и некоторых других фактов Сталин сделал вывод, что евреи не являются патриотами СССР.

Были введены ограничения по национальному признаку: евреев увольняли с ответственных постов, не принимали на работу в режимные учреждения, не повышали на работе. По Москве ходили безосновательные слухи, что всех евреев собираются выселить в Еврейскую автономную область.

В январе 1953 г. в газетах появилось сообщение об аресте врачей. Было арестовано девять человек, шесть евреев и трое русских – все сотрудники Лечебно-Санаторного Управления Минздрава, лечившие высших руководителей СССР. Врачей обвиняли в заговоре и убийстве ряда советских лидеров. Кампания приняла общесоюзный характер, но закончилась после смерти Сталина в начале марта того же года. 3 апреля все арестованные по «делу врачей» были освобождены, восстановлены на работе и полностью реабилитированы.

С одним из фигурантов по «делу врачей» академиком Василенко мне пришлось столкнуться лично в 70-х гг. Меня по блату положили в институт гастроэнтерологии, руководимый Василенко. У одного из больных моей палаты зав. отделением не смог поставить диагноз. Пригласили Василенко. Он сел на кровать больного, поговорил с ним, прощупал живот и играючи поставил диагноз. А мой сосед по палате шепнул мне: «А я его допрашивал».

5 марта 1953 г. И.В. Сталин умер. Большинство моих знакомых было в растерянности: что будет дальше? Был быстро организован новый Президиум ЦК из старых членов политбюро,

похороны организовали бездарно, много народа погибло. На похоронах с речами выступили Маленков, Берия и Молотов. Первые двое формально, Молотов со слезами в голосе. Тело Сталина внесли в мавзолей, откуда он был вынесен в 1961 г.

С именем Сталина связывают множество преступлений. Я не судья ему. Но я знаю, что правителю приходится иногда жертвовать меньшинством для спасения большинства. Пример из ВОВ: 1941год. Командующий Ленинградским фронтом К.Е. Ворошилов (маршал Советского Союза, лично очень храбрый человек, но негодный комфронта) звонит Сталину: немцы пошли в наступление на Ленинград, а впереди себя пустили наших стариков, женщин и детей. Что делать?

Ответ Сталина: бить немецких захватчиков вместе с их вольными и невольными помощниками.

А как решили бы Вы?

4.4. Неудачный прыжок в МГУ

Как я уже писал, весной 1948 г. я бросил МАИ и стал готовиться к поступлению на истфак МГУ. Историей я интересовался с детства. Я уже писал, что все дети моего поколения, и я в том числе, много читали. К моменту поступлении в МГУ я прочел ряд исторических сочинений Тарле, прочел «Историю XIX века» Лависса и Рамбо и еще некоторые исторические источники.

Готовился месяца три бешено. Мать и тетка проводили со мной диктант, я читал ВУЗовские учебники по литературе и истории. При подаче заявления я написал, что обучался в МАИ.

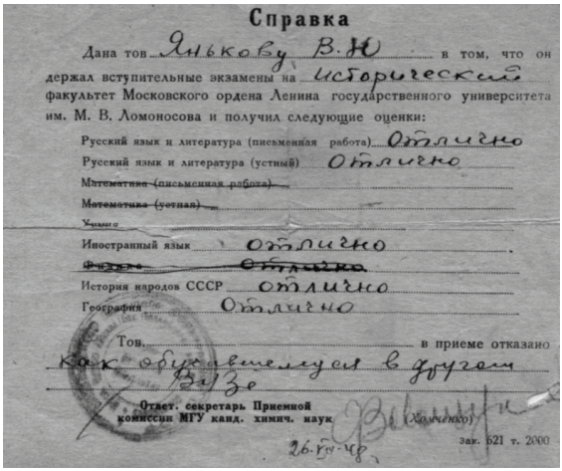
И вот экзамены.

Письменную литературу сдал на пять, по устной получил пятерку, произнеся только одну фразу: «Гамлет – это раздвоенность». На консультации по немецкому очаровал преподаватель-

ницу (по-немецки я говорил свободно). Одним словом, сдал все на пять, удостоился комплиментов экзаменаторов, но принят не был! Официальная причина – как обучавшийся в другом ВУЗе, хотя приемную комиссию я об этом уведомил при подаче документов.

Естественно, я стал писать всюду жалобы. Но пока жалоба дойдет, пока получишь ответ, время течет, скоро начало учебного года.

Мне было 21, я был по жизни теленком, но тут начал бешено сопротивляться. Я писал жалобы в министерство высшего образования, Президиум Верховного Совета СССР, подчеркивая, что МГУ знал о моей учебе в МАИ. Ни в какую. Наконец они согласились принять меня на заочное отделение. Но я бы загремел в армию. Этого я не хотел. И я сдался. Вернулся в МАИ.

Справка

Дана тов. Янькову В.Ю. в том, что он держал вступительные экзамены на исторический факультет Московского ордена Ленина государственного университета им. М. В. Ломоносова и получил следующие оценки:

Русский язык и литература (письменная работа) отлично
Русский язык и литература (устный) отлично
Математика (письменная работа) ~~...~~
Математика (устная) ~~...~~
Физика ~~...~~
Иностранный язык отлично
~~Физика~~ ~~отлично~~
История народов СССР отлично
География отлично

Тов. ... в приеме отказано
Как обучающемуся в другом ВУЗе

Ответ. секретарь Приемной комиссии МГУ канд. химич. наук (Хохлова)

26/VII-48

зак. 621 т. 2000

Рис. 4.2. Справка о сдаче экзаменов в МГУ

А сейчас, наблюдая клеветническое вранье современных историков, я радуюсь, что стал инженером.

Я всю жизнь так и не понимал причину отказа в приеме. Но лет десять тому назад у меня в гостях был мой сослуживец, профессор Александр Исаакович (еврей). Я показал ему справку о сдаче экзаменов и свое фото того времени. Посмотрев, он сказал: а я бы Вас тоже не принял. Вы – внешне вылитый еврей. И я с ним согласился. Ведь это происходило в 1948 – во время «борьбы с космополитизмом».

4.5. Окончание МАИ

Летом 1950 у нас месячные лагерные сборы по военной кафедре (нас выпускали инженер-лейтенантами по вооружению самолетов). Первые две недели мы на Украине, в район Шепетовки, в пехотной части. Нас муштруют сержанты, ненавидящие нас, как москвичей. Но никакой дедовщины в современном смысле. Просто придираются, заставляют петь в строю, ехидничают. Среди нас около 50% фронтовиков, а сержанты - послевоенного призыва. Поэтому особенно издеваться им не дают. Нам строго запрещено покидать расположение части. За неделю до нашего приезда бандеровцы поймали секретаря райкома и посадили его на расщепленный пенек.

В следующие две недели нас перевозят в район Гродно, в авиационную часть штурмовиков Ил-2. Все перевозки в товарных вагонах, где мы сделали двухэтажные нары и навалили на них сено. Здесь интереснее. ИЛы летают на ученья, а наша задача – подвесить на них бомбы калибром 100 кг и набить снарядные ленты для пушек Волкова – Ярцева.

Диплом и преддипломную практику я делал в экспериментально-испытательной лаборатории Конструкторского Бюро, где тогда изготовлялись бомбодержатели и стрелково-пушечные

установки для ТУ-4. Образовательный уровень сотрудников был низок, и они надеялись на меня.

Сначала я оправдал их надежды: испытания бомбодержателей на живучесть заключались в том, что к ним подвешивалась бомба тонны в две и ее поднимали и опускали непрерывно в течение нескольких суток с помощью электролебедки. При этом ведущий инженер с приличным окладом стоял у пульта и непрерывно нажимал кнопки "подъем" и "спуск". Когда я приладил два концевых выключателя и тем самым "автоматизировал" производство, на меня стали смотреть как на выдающегося инженера. Освободив себя «автоматизацией», я начал учиться работать на токарном станке. Начальник лаборатории долго удивлялся потом, кто запорол такое количество резцов. Но после «автоматизации» я тут же разочаровал сотрудников своим дипломом. Большая часть диплома была цельнотянутой, а оригинальная часть состояла в том, что я разработал электровзрыватель замедленного действия на конденсаторе, причем диэлектрик для него выбрал такой, что его удельное сопротивление было больше сопротивления изоляции. Несмотря на это, меня хотели оставить, но вмешалась большая сила: я был «распределен» к С.В. Ильюшину.

ГЛАВА 5. Я – инженер

5.1. Инженер – конструктор

Итак, весной 1952 г. я окончил факультет вооружения самолетов Московского ордена Ленина Авиационного института им. С.Орджоникидзе, получил диплом инженера-электромеханика по вооружению самолетов и по распределению пришел работать инженером–конструктором без категории в бригаду стрелково-пушечного вооружения Опытного Конструктор-

ского Бюро № 240 Министерства авиационной промышленности СССР. Генеральный конструктор – С.В. Ильюшин. Ракетного вооружения еще не было.

Я проработал в ОКБ-240 (таково было тогда официальное название этого заведения) пять лет, и я до сих пор очень благодарен его коллективу: они научили меня, лентяя и разгильдяя, работать.

Судя по тому, что кроме меня к С.В. Ильюшину был направлен В.Г. Осягин, из такой же бедной семьи, безотцовщина, как и я, им нужны были работники, а не блатные.

Мне, как и всем моим однокурсникам, трудоустроенным не так удачно, как я, положили оклад 1100 руб./месяц + премия 15-20%. Напоминаю молодежи, что Хрущев в 1961 г. провел денежную реформу, уменьшив все цены и доходы в десять раз. В этом разделе я использую Сталинский масштаб цен.

Много это или мало? Как известно, всякий человек доволен своим умом и не доволен своими доходами. В следующем параграфе я расскажу об этом подробнее.

Я проработал в этой бригаде до 1956 г. Не следует думать, что мы конструировали авиационные пушки. Этим занимались другие специальные конструкторские бюро. Наша задача была установить пушку на самолет, сконструировать патронные ящики, подводы ленты, вывод гильз.

Но бригада, еще до моего прихода, сконструировала кормовую электрогидравлическую турель дистанционного управления для одного из ИЛовских штурмовиков.

Конструкторы в бригаде были блестящие, хотя, как правило, имели среднее техническое, а некоторые даже начальное образование.

Виктор Александрович Федоров, не имея никакого специального образования, начинал мальчиком на побегушках в одном из существовавших во время НЭПа немецких конструкторских бюро. Без всякого блата он совершенно заслуженно вырос до заместителя Главного конструктора по вооружению. В 1952 г. он вместе с другими руководящими сотрудниками бюро был награжден Сталинской премией.

Рис. 5.1. В.А. Федоров 1948 г.

Сталинская премия - форма поощрения граждан СССР за выдающиеся достижения в области науки, техники, литературы и искусства. Деньги на премии брались из гонораров И.В. Сталина за издания его трудов, в том числе за рубежом.

У В.А Федорова, как и у В.Ф. Сидорова, М. Г. Овчинникова, А.П. Журавленко и других был божий дар и сумасшедшая любовь к своему делу. Отсутствие образования сказывалось в том, что они, опираясь только на свой личный опыт, плохо воспринимали новое. Даже в 60-х г.г. они не воспринимали автоматику и электронику в авиации.

Один конструктор в бригаде, хотя бы и ведущий, делал и узел, и его деталировку, поэтому не было разделения на белую и черную кость, все зависело от твоего умения и работоспособности. Чертежи делались на пергамине, одна девочка на всю бригаду обводила тушью только размерные стрелки и сами размеры, и

без всякой проверки они отправлялись в светокопию и на производство. Контролерами служили рабочие. Они также были первоклассными специалистами, понимавшими конструктора с полуслова, а часто и учившими молодых инженеров.

В то время была 48-часовая рабочая неделя. Но в нашем КБ практиковались еще дополнительно оплачиваемая с коэффициентом 2 сверхурочная работа по два часа три раза в неделю. Один раз в неделю после работы два часа проводилась техучеба, на которой разбирались прежние разработки этого КБ. И, наконец, два часа в неделю после работы проводилась политучеба. Мы изучали решения последнего съезда партии или в очередной раз «Краткий курс истории ВКП(б)». Или последние гениальные труды И. В. Сталина: "Относительно Марксизма в языкознании" и "Экономические проблемы социализма в СССР". Таким образом, фактически мы работали 58 часов в неделю.

Распорядок дня на фирме был достаточно жесткий. За пять минут до начала работы я должен был быть на рабочем месте и ровно в 9.00 начинать работать. До обеда я не имел права разговаривать по телефону даже на рабочие темы, не имел права согласовывать свой узел с конструкторами других узлов. Я должен был конструировать.

После обеда можно было сходить в другие бригады для согласования своего узла с ними или в техническую библиотеку.

В обеденный перерыв запрещалось играть в волейбол, любимую игру многих, так как возбужденные после игры сотрудники не могли сразу включиться в работу.

В КБ было запрещено курить всем, кроме шеф-пилота Владимира Коккинаки. Однако заядлые курильщики курили тайком в расположенной на первом этаже уборной. В случае «опасности» они выпрыгивали в окно.

Уход с работы по личным делам, даже на один час, оформлялся как отпуск за свой счет и, кроме того, начальство читало мне мораль.

Каждый год с 1 июля конструкторское бюро разом уходило в отпуск. Все вместе. Оставляли только дежурных. Сергей Владимирович считал: люди настолько связаны в работе, что, если кто-то отсутствует, это плохо сказывается и на производительности коллектива.

В институте я сачковал и не приучился работать. Распорядок дня в КБ приучил меня к труду. Уже через полгода я начинал ровно в девять автоматически думать о работе.

В конце каждого месяца собиралось производственное совещание бригады. Начальник подводил итоги месяца, давал оценку каждому работнику, разбирал его ошибки и удачи, аргументировано объявлял размер его премии за прошедший месяц и задание на следующий месяц. Совещание было вполне демократичным, каждый мог отстаивать свою точку зрения.

И в такой коллектив попал я, сроду не работавший систематически, не вынесший из института ни малейших знаний по конструированию, не привыкший к дисциплине. Первые полгода - год жизнь моя была сплошным мученьем.

Во-первых, я не мог привыкнуть к дисциплине: я по десять раз подряд бегал то в туалет, то прикладывался к графину с водой. Старшие товарищи наблюдали и посмеивались. Когда я сделал свою первую конструкцию, вся бригада собралась и смеялась полчаса.

Однако постепенно (очень постепенно) моя работа в конструкторском бюро стала налаживаться. Через два года я получил первое повышение - мне присвоили третью категорию (хотя начальство и сомневалось, стоит ли это делать). Я стал проявлять

некоторую инициативу, у меня стали получаться конструкции и я привык к дисциплине. Ровно по второму звонку я автоматически включался в работу.

Вместе со мной в ту же бригаду попал работать упоминавшийся выше Виктор Осягин. Будучи очень исполнительным, он завоевал большее уважение начальства, чем я. Его и повышать стали раньше. Но я этому не завидовал. Я завидовал другому. Пока я рисовал патронные ящики и разные гильзо- и звеньеотводы, он конструировал разъемные колодочки для электрических цепей. По моему тогдашнему мнению он был ближе к автоматике, чем я.

В это же время в соседней бригаде фюзеляжа работал паренек на два года старше меня, конструктор первой категории (оклад 1870 сталинских рублей) Гена Новожилов. Он отличался только тем, что одним из первых купил автомашину Москвич 401, только что поступивший в продажу. Уже после моего ухода с завода кто-то стал тащить Гену вверх. Его избрали сначала секретарем парторганизации конструкторского бюро, потом секретарем парткома завода и так далее, пока он не заменил постаревшего С.В. Ильюшина. Впоследствии, участвуя в разных районных мероприятиях, я встречал в фойе лауреата Ленинской премии дважды Героя Социалистического Труда Генриха Васильевича Новожилова. Мы здоровались, потом он шел в президиум, а я в зал. Лет пять тому назад его показали по телевизору. Это был маразматический старик.

5.1.1. Штурмовик ИЛ-40

Одной из первых моих конструкций были патронные ящики для проектировавшегося тогда штурмовика ИЛ-40.

В конце 1951 г. вышло постановление Совета Министров СССР по созданию двухместного бронированного штурмовика

ИЛ-40 с двумя двигателями, с мощным артиллерийским, ракетным и бомбовым вооружением, и в 1953 г. был создан опытный экземпляр.

Однако на летных испытаниях летчик–испытатель Коккинаки установил, что в некоторых случаях при стрельбе из передней пушечной установки двигатели глохнут.

Поэтому были внесены существенные изменения в конструкцию: пушки отнесены назад, воздухозаборники вынесены вперед. Четыре пушки были расположены на поворачивающемся лафете под фюзеляжем, благодаря чему летчик мог вести продолжительный пушечный огонь по линейным наземным целям.

Обе пушечные установки создавались в моей бригаде. Ответственным за носовую установку был М.Г.Овчинников, за кормовую - А. П. Журавленко.

Рис. 5.2. Штурмовик ИЛ-40п

Вот для носовой пушечной установки этого Ил-40 я и конструировал патронные ящики. Делал я их с привлечением начертательной геометрии и мат. анализа. Они пошли в серию на заводе в Перми (или в Кирове, не помню). Главный инженер этого завода, знакомый по институту Алик Рубинштейн лет десять потом вспоминал это чудо техники.

Кроме того мне были доверены испытания некоторых систем кормовой установки. С этой работой я справился, мне присвоили инженера-конструктора второй категории (оклад 1500 руб.).

Однако, в связи с отказом правительства от штурмовиков, ИЛ-40 в серию не пошел**.** Опытный экземпляр ИЛ-40 стоит сегодня в музее авиации в Москве

5.1.2. Самолет Ил-18

К середине 1950-х г.г. появилась потребность в пассажирских самолетах с большей вместимостью и с большей скоростью полета, чем располагали поршневые самолеты. До этого народ летал на ИЛ-12 и лицензионных американских Дугласах.

Несколько ответственных работников основных КБ (Туполева, Ильюшина, Антонова, Яковлева и др.) были командированы в Европу и летали там на пассажирских самолетах в качестве рядовых пассажиров. От нашего КБ летал Главный конструктор В.Ф. Бугайский, который после командировки проинформировал коллектив о западной гражданской авиации.

Нашему КБ было поручено сконструировать самолет, который известен как ИЛ-18.

Самолет ИЛ-18 с турбовинтовым двигателем стал основным массовым и экономичным самолетом Аэрофлота. Бригада стрелково-пушечного вооружения должна была сделать интерьер

пассажирского салона и кресла для экипажа (дизайнеров в Союзе не было).

В помещение бригады были доставлены пассажирские кресла с нескольких западных самолетов и конструкторы (некоторым больше 40 лет) стали их осваивать, прыгая на них, рассматривая и изучая.

Рис. 5.3. Первый самолет ИЛ-18 «Москва». Группа на переднем плане – сотрудники моей лаборатории

В результате был сделан ОРИГИНАЛЬНЫЙ интерьер и кресла легче западных (авиация, вес важен). Лично я, насколько помню, сделал кресло штурмана. Я подчеркиваю увлеченность, даже пожилых, любой порученной работой.

5.2. Компьютеры!

Шел 1956 г., год не только XX съезда партии, на котором был разгромлен «культ личности» Сталина, но и год научно-технической революции. На завод Ильюшина под заказ на изготовление самолетов-снарядов пришел первый «аналоговый» компьютер. Услышав об этом, я загорелся, решил этим заниматься. Я был в КБ уже своим человеком и мне удалось перейти в соответствующее подразделение.

Пока суть да дело, меня направили в отдел общих видов, в бригаду аэродинамического расчета. Я в этом ничего не понимал и начальник бригады, Николай Петрович Столбовой, усадил меня проводить численный расчет траектории самолета-снаряда на логарифмической линейке.

Десять часов в сутки (как я писал, в КБ практиковались ежедневные сверхурочные работы) я двигал движком логарифмической линейки, считая методом Штермера систему уравнений движения. При этом ни Штермера, ни аэродинамики самолета я не знал, так что это был труд мартышки, но полезный для общества. Все время чувствовал себя дураком, хотелось узнать, что я делаю, но в КБ в рабочее время это было невозможно, а дома не было возможности из-за сверхурочных и из-за усталости.

Бригада была привилегированной, каждый день в первой половине в нее приходил сам Сергей Владимирович Ильюшин. В своем генерал-полковничьем мундире он здоровался за руку со всеми сотрудниками, зорко наблюдая, чем они занимаются.

В бригаде работала женщина, ведущий конструктор (оклад 3500 руб.), специалист по аэродинамическому расчету. В один из приходов С.В. увидел, что она в рабочее время читает только что вышедшую тогда книгу И.В. Остославского "Аэродинамика са-

молета". Ни слова не сказав ей, С. В. вызвал начальника бригады в коридор и там сделал ему взбучку: что вашим людям делать нечего, почему они в рабочее время читают.

Наконец пришла вычислительная машина и её доверили мне и М.И. Ионову, единственному в КБ, кто понимал в тогдашней электронике и автоматике. Это была МН-7 - аналоговая машина для моделирования систем дифференциальных уравнений до 6-го порядка.

Установив машину, мы перекрестились и включили питание. Взрыва не было, но густой дым пошел, машина сгорела. Целый месяц разбирались мы в поломке, паяли (схемы были ламповые), и наконец, машина заработала. После этого ремонта я электрически знал ее назубок, мог собрать и разобрать с закрытыми глазами, но что такое дифференциальное уравнение, я не знал и это давило на мою психику. (Кстати, в 90-х гг. я увидел эту машину. Смотрел на неё, как на совершенно незнакомую вещь!).

Организовалась вычислительная лаборатория, пришли другие машины: ИПТ-5, МПТ-9, и т.д.

Я быстро освоил их эксплуатацию, научился составлять необходимые для работы на них схемы. Но машины были предназначены для решения дифференциальных уравнений, а я, сачок, в институте решать их не научился. Приходили математики из других подразделений и работали, а я не понимал их работу. Этого я стерпеть не мог. Понимая, что в КБ я систематических знаний получить не смогу, решил поступать в аспирантуру. И хотя за освоение новой техники мне полагалось повышение оклада, я ушел в очную аспирантуру. Я ценил себя не высоко, считал, что в 30 лет идти в науку поздно и хотел использовать время только для бесплатной учебы.

Все-таки при советской власти, начиная с 50-х гг., жизнь была очень хороша! И не только потому, что мы были молоды.

Каждый мог выбирать работу по вкусу, зная, что безработным не будет. Каждый мог учиться, сколько хочет, не думая об оплате учебы.

Пишу и вспоминаю: ни я, ни мои товарищи особенно не думали об окладе, о деньгах. Думали об интересной работе.

Насчет блата в КБ. Пока я сидел за доской, я не был знаком с молодежью других подразделений. Но ЭВМ! Пожилые конструкторы подсматривали в окно, что это мы там делаем. И я познакомился с молодежью. Блатных среди них НЕ БЫЛО (дело надо было делать).

С этого момента вся моя жизнь связана с компьютерами. Работал на аналоговых машинах МН-7, ИПТ-5, МПТ-9 и цифровых БЭСМ-2, БЭСМ-4, М-20, М-220, М-222, ЭВМ ЕС, всяческих персоналках.

Аналоговые ЭВМ, предназначенные для решения обыкновенных дифференциальных и алгебраических уравнений, сегодня не используются. (Для гуманитарев: «обыкновенные» - это в полных производных. Есть еще в частных производных). Их принцип действия состоял в том, что по заданному уравнению с помощью специальных правил собиралась электрическая схема. Решение измерялось путем подключения вольтметра или лучевого осциллографа.

БЭСМ (сокращение «Большая электронно-счётная машина») - серия советских цифровых электронных вычислительных машин общего назначения, предназначенных для решения широкого круга задач. Разработка Института точной механики и вычислительной техники АН СССР.

БЭСМ занимала площадь 70-80 кв.м. Ламповая оперативная память 2048 48-ми-разрядных ячеек (байты еще не придуманы). Каждая ячейка имеет объем 15х15х25 см (примерно). Внешняя память даже не на магнитных лентах, а на ртутных линиях задержки (что это такое, не знаю до сих пор). Ввод – перфоленты, вывод - быстрая печать. Это набор чисел без расшифровки.

Если считать, что 48 разрядов = шесть байт, то общая память оперативки 6х2048 = 12288 байт. А сейчас передо мной лежит подаренный дочкой флеш. Размер 5х1х0,5 см. Емкость 8 Гига!

ЕС ЭВМ (Единая система электронных вычислительных машин) - советская серия компьютеров. Аналоги серий System/360 и System/370 фирмы IBM, выпускавшихся в США с 1964 года.

В 1955 г. я вступил в КПСС, искренне веря в ее стратегическую правоту, и честно исполнял все обязанности члена партии до ее развала. Неоднократно избирался секретарем и членом партбюро подразделения, мне предлагалась партийная карьера, но я хотел заниматься наукой.

В 1994 г. я вступил в КПРФ, причем мне восстановили стаж, и я являюсь ветераном партии. Я состоял в КПРФ до 2015 г., активно участвовал в ее работе, у меня имеется несколько благодарственных грамот от Зюганова.

Но постепенно накапливалось недовольство. Я не переваривaю лично Зюганова. Он голосовал за развал Союза, побоялся взять власть в 1996, сегодня присосался к Думе. КПРФ не занимается внепарламентской деятельностью. Придя в Партию, я предложил идти к людям. Секретарь партбюро (полковник в отставке) ответил мне, что мы не народники. А член партбюро добавил:

с ними говоришь, а они считают тебя сумасшедшим. Т.е. у КПРФ слаба связь с народом.

Поэтому в 2015 я вышел из партии и сегодня являюсь беспартийным коммунистом.

5.3. Быт в 1952-64 годах

Итак, мой первый оклад был 1100 сталинских рублей + 15-20% премии.

Нельзя не сказать о налогах в то время.

Подоходный налог с заработка более 1001 руб. составлял 82 руб. + 13% с суммы, превышающей 1000 руб. Таким образом, я платил примерно 120 руб., т.е. около 9%.

Налог на бездетность. Граждане старше 25 и моложе 50 лет, могущие иметь и не имеющие детей, платили налог 6%.

Ежегодно состоялась добровольно–принудительная подписка на заём (позднее эти деньги были возвращены). Моя категория граждан подписывалась на оклад - 1100 руб. Эти деньги выплачивались нами в течение 10-ти месяцев.

Комсомольские взносы – 3%, профвзносы – 1%.

Таким образом, общие вычеты достигали 30%.

После отмены карточной системы и ряда снижений государственные цены на тот период составляли:

Хлеб черный - 1.60 руб.

Хлеб белый - 2.8 руб.

Мясо - 12 руб.

Масло сливочное - 22-23 руб.

Молоко 3 руб/литр.

Костюм самый дорогой из отечественных материалов «метро», «ударник» - 1500 руб.

Костюмы были двубортные, ширина брюк 32 см, что возмущало "стиляг".

Туфли импортные, самые дорогие - 500 руб.

Приличных дешевых мужских костюмов не было. Появились через несколько лет венгерские, из шерсти с синтетикой по 700-800 руб.

При Сталине проводилось ежегодное снижение цен на основные продукты питания. Оно достигало 10-15 % в год.

Хрущев заявил, что это несправедливо, и вместо снижения цен стал поднимать минимальные зарплаты. Они увеличились от 30 до 70 рублей (хрущевских. Напоминаю, что в 1961 г. масштаб денег был изменен в 10 раз). При этом зарплата среднего слоя - инженеров, врачей, учителей не поднималась и практически стала соизмеримой с зарплатой уборщицы.

Хрущев, как всякий новый руководитель, для приобретения авторитета несколько улучшил быт людей.

Году в 1956 перешли на 44-часовую рабочую неделю (в субботу работали до обеда). Мама влюбилась в Хрущева, когда в 1955 он дал горожанам приличные пенсии (при Сталине максимальная пенсия составляла 300 сталинских рублей). Началось строительство хрущоб – отдельных квартир для каждой семьи. Меня это не коснулось, но мой тесть (моложе меня на год), простой рабочий, получал от Советской власти в Калинине (ныне Твери) квартиры два раза. Моя двоюродная сестра (сама библиотекарь, муж - ассистент ВУЗа) тоже получала в Москве квартиры два раза.

14-25 февраля состоялся XX съезд КПСС, на котором Н.С.Хрущев выступил с докладом о культе личности. Доклад произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Сегодня известно, что в нем было очень много вранья. Так, Хрущев сообщил, что в

момент смерти Сталина в СССР было 10.000.000 заключенных. Теперь известно, что ему помощники дали цифру 2.000.000, для такой большой страны, как СССР, совсем не много.

Хрущев сообщил, что Сталин разрабатывал военные операции по глобусу, и что командующие отдельными фронтами вместе с членом военного совета фронта (т.е. самим Хрущевым) разрабатывали войсковые операции самостоятельно, без участия генерального штаба и Сталина.

Людям, жившим при Сталине, знавшим его диктаторский характер, поверить в это было совершенно невозможно. Все еще помнили ВОВ. Но мы не могли себе представить, чтобы глава государства врал.

Каковы были мои жилищные условия?

Я по-прежнему жил в той же коммунальной квартире в шестиэтажном доме на Плющихе.

Квартира стала постепенно расселяться (через 15-20 лет после окончания ВОВ!!). Первыми в 1960 уехали Лукьяновы. Вместо их большой семьи приехала одна женщина – Анаида Павловна Орнштейн. Затем уехали восемь человек Линк. Вместо них въехала семья из бабушки, дочки и шестилетнего внука.

В 1960 г. мама получила от своего предприятия комнату площадью 8 кв.м и поменялась в мою квартиру, чтобы быть поближе к сыну. Теперь я жил один в своей комнате, мама в той же квартире в своей комнате примерно той же площади.

В моей комнате – двустворчатый полированный платяной шкаф за 120 руб. (сейчас стоит на даче в хозблоке), чешская угловая тахта, румынский письменный стол (стоял в моей комнате еще два года тому назад), журнальный столик, радиола на ножках. На стене шесть румынских книжных полок (висят и сегодня в моей комнате).

В комнате мамы: тот же шкаф, сервант, обеденный стол, который сегодня стоит на веранде дачи, диван, на котором я спал еще пять лет тому назад. Ламповый телевизор.

Всего в квартире жилой площадью 75 кв.м теперь жили восемь человек, в среднем 9.4 кв.м на человека.

ГЛАВА 6. Поход в науку

Как я уже говорил, я понимал, что в конструкторском бюро я систематических знаний получить не смогу. К тому же появились красивые слова: кибернетика, «теория автоматического управления», и т.п. Будучи романтиком, я в эти слова влюбился. Я считал, что человек, освоивший ТАУ, сможет рассчитать любую систему.

Сегодня теория автоматического управления, как научное направление, изжила себя. Дело в том, что большинство автоматических систем описываются системами обыкновенных дифференциальных уравнений высокого порядка. Их точное решение невозможно, численное решение в отсутствии вычислительной техники весьма трудоемко. Поэтому были разработаны методы анализа и синтеза таких систем без их решения. С появлением высокопроизводительных компьютеров, эти методы обесценились.

Итак, я решил поступать в аспирантуру. И хотя за освоение новой техники мне полагалось повышение оклада, я ушел в очную аспирантуру. Пошел в МАИ на свой факультет вооружения самолетов, подал заявление, допустили к вступительным экзаменам.

Для аспирантуры я выбрал специальность «Системы автоматического управления», в которых тогда совершенно не разбирался. Готовился у тетки в Тарусе все лето 1957 г. Доходило до

абсурда. Над понятием «динамические системы» сидел неделю. Не понимаю и все! Что-то аналогичное было со мной на первом курсе. Не мог освоить понятие бесконечно малые величины.

Каждое утро после завтрака я залезал на крышу террасы и читал разные умные книжки. Прямо надо мной находилась ветвь яблони – китайки с плодами, я безбожно ел их, и совмещал, таким образом, приятное с полезным. Иногда я притаскивал из речки Таруски пару ведер воды для яблонь. Тогда-то я узнал, что под каждую яблоню нужно вылить за сезон не менее двадцати ведер воды.

Готовлюсь, а в Москве - международный фестиваль молодежи! Первое общение с иностранцами! Незабываемые впечатления. До 57-го года, например, не было такого, чтобы молодой человек и девушка шли по городу, крепко обнявшись. А уж целоваться в людном месте вообще не принято было. Народ был очень целомудренный. Лично я ходил со своей девушкой, обнимая ее за талию, но целоваться публично ни-ни.

Во время фестиваля девчонки отдавались делегатам. Попрежнему в кустиках. Их ловили комсомольские патрули и стригли. Нарушение прав человека, понимаешь.

До Международного молодежного фестиваля 1957 года в Москве существовало три медицинских института и один сифилитик. После фестиваля он размножился.

Больных госпитализировали, могли сделать это принудительно, и, прежде всего, искали месторасположение твердого шанкра. Если в попе – срок за мужеложство.

Под давлением узнавали все контакты больного и всех, названных им, обследовали и профилактически кололи пенициллином. Больного кололи в стационаре месяц - полтора, затем лечили антибиотиками амбулаторно два года.

6.1. Как меня арестовывали в Тарусе

Все шло хорошо, но вдруг в Тарусе пропал хлеб. Тогда такое иногда случалось. Я сел на велосипед и отправился по соседним деревням за хлебом. По дороге меня застал дождь. Увидев ток, чтобы окончательно не промокнуть, я подъехал к нему и попросился у женщин, веявших на току хлеб, под крышу.

Получив разрешение и сидя без дела, я стал задавать женщинам вопросы типа, сколько они получают на трудодень и трудно ли его заработать. Надо сказать, что я был одет в ковбойку, что в то время было редкостью, а в Москве в это время проходил международный фестиваль молодежи и студентов. Видимо, меня приняли за иностранца.

Когда дождь прошел, я, поблагодарив женщин, отправился в деревенскую лавку, где как раз хлеб в продаже был, и встал в очередь.

Вдруг ко мне подходит мужчина и говорит, что он председатель колхоза и у них в колхозе пропала свинья, так они считают, что я ее стащил.

Обвинение было абсурдным: я с велосипедом, свинью спрятать никуда не мог, но тут же стояли еще несколько мужчин, подозрительно глядевших на меня. Ничего не оставалось, как подчиниться.

Меня привели в какую-то контору, допросили, кто я и откуда, и почему у меня нет с собой паспорта, а затем заперли под замок. Я просидел часа два, после чего меня освободили, извинились и я покатил без хлеба домой.

Оказывается, из деревни позвонили в отделение милиции Тарусы, и к тетке пришел милиционер. Как на грех, она подтор-

говывала яблочками из своего сада, что тогда не приветствовалось, поэтому она испугалась.

Однако, узнав, в чем дело, она с гордостью вынесла милиционеру мой паспорт, в котором было записано, что я не иностранец, а, наоборот, работник «почтового ящика», т.е. совершенно благонадежный советский гражданин.

6.2. Вступительные экзамены

Началась сдача экзаменов. Сдавать нужно: марксистско-ленинскую философию, язык и спецпредмет. На философии поспорил с экзаменатором. Дело было после XX съезда, и я не мог поверить Хрущеву, что Сталин руководил военными операциями по глобусу. Но «5» поставили. Язык хорошо знал с детства и сдавал своей вузовской преподавательнице. Прекрасный человек. Погрозила пальчиком, что я забываю язык, и поставила «5». По спецпредмету получил «4». Приняли.

Как человек с производства, получил стипендию 1000 руб., с которой налоги не вычитались. Т.е. в деньгах потерял очень мало.

А вот с диссером не получается. Руководитель предлагает мне: хочешь, возьми тему по ракетам «Земля–Земля», хочешь – возьми по ракетам «Воздух-Воздух». А я смотрю на него как на сумасшедшего. Я с производства. Я знаю, что каждую такую тему разрабатывают десятки предприятий, сотни, а то и тысячи людей. А мне – одному? Сейчас бы взялся и что-нибудь сделал. Тогда не понимал.

Но зато он устроил меня на полставки в один из НИИ министерства авиационной промышленности. Дело пошло лучше. И денег больше (вместе со стипендией 1800 грязными) и около живого дела.

Срок аспирантуры кончается, а нет даже темы. Хоть кандидатский минимум сдал. В 1960 кончилась аспирантура, и меня оставили в НИИ старшим инженером с окладом 1650 сталинских. Явное понижение!

6.3. Начало научной работы

Сначала я попал в лабораторию №6, руководимую К.А. Сарычевым, в сектор Сергея Васильевича Швова. Лаборатория была молодежной. С.В. Швову было тогда 36 лет. Прекрасный человек, фронтовик, он относился ко мне очень хорошо, и через год сделал меня начальником группы из 8-10 человек, подняв оклад до 185 руб. Но мне нужен был не оклад, а помощь в теме. Я считал (ошибочно), что Швов мне в этом помочь не может, и ушел от него ведущим инженером с новым окладом в лабораторию тогдашнего главного интеллектуала НИИ Иосифа Аркадьевича Богуславского.

И.А.Богуславский (24.09.1921-2014) стал позднее ученым с мировым именем. Его имя представлено в сборниках «Кто есть Кто в Америке», «Кто есть Кто в Мире», 2000.

Родился в Полтаве. Поступил на мехмат МГУ, но с началом ВОВ был переведен в Академию имени Н.Е. Жуковского, которую окончил в 1944 г.

После ВОВ поступил в НИИ-2 Министерства авиационной промышленности, (теперь ГосНИИАС), где и проработал до конца жизни.

В 1956 г. был награжден Орденом Трудового Красного знамени. Защитил кандидатскую диссертацию.

По методическим и теоретическим разработкам авиационных систем и комплексов была защищена докторская диссертация (1961 г.), написаны статьи (более 30) и монографии (4).

Первая книга за рубежом была издана по письменной просьбе американского ученого в области автоматики Балакришна.

Результаты исследований по теории управления были доложены на Интернациональной конференции в Бомбее (Индия, 1989 г.), а по нелинейному анализу – на Всемирном конгрессе в Тампа (США, 1992 г.).

Я пришел к нему в 1962 г., вскоре после защиты им докторской диссертации. Он считался тогда крупнейшим теоретиком НИИАС, но кроме института еще известен не был. Молодежь со всего института стремилась работать под руководством «Бога», как его звали. Пришли: Н. Куланов, В. Аноров, К. Обросов, Т. Юргенс, некоторые другие, и не очень молодой (35 лет) я.

Последний раз я говорил с ним по телефону в день его рождения 24.09.2013. Он жаловался, что стареет (это в 92 года). А я убеждал, что такие люди, как он, не стареют. И он верил!

Конечно, он был строгим руководителем, но покорял нас не строгостью, а своим интеллектом. Не давил, предоставляя до 50% времени для реализации собственных идей. «Попробуй, Володя», говорил он мне про мою идею, «но это ерунда. Ничего не получится». Как правило, не получалось.

В лаборатории установилась товарищеская атмосфера. Мы собирались в нерабочее время, иногда у него в двухкомнатной квартире. Здесь умиротворяющую роль играла Галина Гордеевна, в чем-то противоположность «Богу».

Все мы были влюблены в его интеллект. Я даже копировал его привычку чесать свою щеку.

В 1980 году я ушел от него, соблазнившись повышением, за что впоследствии неоднократно себя ругал.

А видел я его в последний раз в сентябре 2001 на праздновании его 80ти-летия в НИИАС. Туда провел меня, отставленного от всех секретов, Коля Куланов. Перед этим мы не встречались с 1980 года. С моей точки зрения он не старел. Его ум был одинаково остер и в 1960, и в 1980, и позднее.

Одним из направлений работ, которое он определил для меня, была статистическая обработка информации. Это направление только начало развиваться в СССР, и И.А. Богуславский был одним (возможно первым) из основателей его.

И.А. Богуславский одним из первых обратил внимание на работы Р. Калмана и Р. Бьюси, которые проблему фильтрации из частотной области переводили во временную область. Ему такой подход был ближе. Он понял большие возможности и перспективы этого направления и оно стало главным научным интересом его будущей деятельности.

6.4. Организация научной работы в 70-х г.г.

В НИИ, начиная с 70-х годов, низшей научной административной единицей был сектор, начальник которого, как правило, имел степень доктора или кандидата наук.

В секторе были один – два старших научных сотрудника (тогда еще не было должностей ведущего и главного научных сотрудников), и человек 5-6 инженеров: программистов, экспериментаторов т.п. Программистами обычно были женщины. Сектору давалась тема на год – полтора. Научные сотрудники должны были разработать идею реализации темы, составить ее математическую модель, алгоритм и организовать компьютерный, полунатурный и (или) натурный эксперимент. Затем они писали отчет по теме. Программисты писали и отлаживали программы, прогоняли их на ЭВМ (персональных компьютеров не было, были вычисли-

тельные центры). Экспериментаторы под руководством научных сотрудников сооружали (или приспосабливали имеющуюся) экспериментальную установку и проводили эксперимент.

НИИ, в котором я работал (современное название ГосНИИАС) в то время занимался математическим и полунатурным моделированием человеко-машинных систем (самолет + летчик). И в этот НИИ прибывает первая цифровая ЭВМ БЭСМ-2. Начинаем работать на ней.

Работа организована следующим образом: я пишу алгоритм. Программистка пишет на бумаге программу в кодах.

Алгоритмические языки появились позже. Это значит: она берет лист миллиметровки и делит его на зоны. Одна зона ячеек – для программы, вторая для промежуточных результатов, третья – для входных данных, четвертая – для выходных результатов.

Программа пишется в десятичной системе счисления и имеет примерный вид:

+ 245 675 340. Это означает: сложить число, расположенное в ячейке 245 с числом, расположенным в ячейке 675. Результат поместить в ячейку 340 (трехадресная команда).

Две девочки независимо одна от другой пробивают перфоленту. Перфоленты сверяются сначала глазом на просвет, потом появились машинки для сравнения.

Программистка несет перфоленту на ЭВМ. Программа не идет. Начинается спор, кто виноват, программа или электроника. Наконец, программа отлажена. С ЭВМ приносят распечатку – ленту чисел, и еще одна девочка рисует мне графики. Я вижу недостатки алгоритма, исправляю его, и все начинается сначала.

Для исправления нужно вырезать и вклеивать куски перфолент, а это сплошное мучение. Они махрятся и не восприни-

маются компьютером. Работаем и днем и ночью, кому как повезет. Ночью провожаем домой своих женщин программисток.

Сейчас сижу за столом, у меня ноутбук, принтер, сканер и интернет, и я в пакете Маткад решаю задачи, непосильные в то время целому коллективу. Я узнаю новости, смотрю фильмы по компу. Такая фантастика и не снилась в те годы.

Потом были ЭВМ М-20, М-220, М-222. Примерно все то же, хотя ввод перфокарточный, что удобнее, появилось АЦПУ – алфавитно-цифровое печатающее устройство. Прогресс шел.

Появились языки программирования Алгол, потом Фортран, программистам стало легче.

Но и в это время каждый вариант считался дважды, так как была большая вероятность сбоев.

Из малых машин приходилось работать на «Промине», «Наири» с операторами «введем», «кончаем» и т.п.

Это все 60-е годы. Серия ЕС ЭВМ – это 80-е, и я их не касаюсь.

6.5. Начало преподавательской работы

Впервые на кафедру ВУЗа я взошел осенью 1961, когда мне было 34 года.

После аспирантуры, не защитившись, я работал ведущим инженером в ГосНИИАС (так этот институт называется сегодня). Подружился со своими товарищами по работе. Все были незащищенные, т.е. зарабатывали сравнительно немного, все считали себя умными. Собралась группа. Решили попытаться подработать в ВУЗе. При Советской власти инженер законно мог подработать только преподавательской работой.

У Гены Федоренко был мопед. Он сел за руль, я разместился сзади, поджал ноги (все-таки рост 188 см) и мы поехали по

всем известным нам ВУЗам. Естественно, всюду отказ. Приезжаем во Всесоюзный Заочный Машиностроительный Институт (ВЗМИ). Стоит декан, он же заведующий кафедрой приборостроения. Сам он полный, стоит, как снежная баба (три шарика), расставил руки, а в одной из рук - программа. Вот, говорит, прислали программу, а читать некому.

Дисциплина называлась «Математические машины». Посмотрели программу. В ней две части: аналоговые компьютеры, мы с ними хорошо знакомы; и цифровые машины. Мы их практически не знаем. В наш НИИ только что поступила БЭСМ-2, и мы только начали на ней работать. Дружно покивали головой, «беремся читать». Нас оформили почасовиками. Стали читать, выпросили на производстве некондиционные аналоговые машины, организовали учебную лабораторию. Прибавка к зарплате! Цифровые ЭВМ, конечно, освоили, но несколько позднее.

Декан изредка спрашивал студентов, что мы читаем. Проверить, по сути, было некому.

Первое время было страшно: достаточно ли я знаю; понятно ли объясняю. Для лектора обратными связями являются вопросы студентов, но главным образом их глаза и выражение лица. Я запоминал блоки фраз, которые студенты поняли, и использовал их для других потоков.

В этом ВУЗе я проработал по совместительству до 1980 г., когда перешел окончательно на преподавательскую работу.

Теперь это Московский Государственный Университет Приборостроения и Информатики.

6.6. Лунник - обработка информации

Несмотря на то, что в НИИ я пришел после аспирантуры, мой теоретический уровень был крайне низким. Это понимали

все и я сам. Я плохо знал аэродинамику самолета, теорию вероятностей, не имел представления о статистической обработке информации и о многом другом. Поэтому одна из первых работ с моим участием – корректировка траектории лунника дала мне очень много.

Лунный аппарат летит на Луну. Он должен лететь по расчетной траектории, однако из–за различных возмущений с этой траектории сошел. Необходимо рассчитать корректирующий импульс двигателя для возврата на расчетную траекторию.

Для расчета импульса, прежде всего, необходимо определить местоположение и скорость (фазовые координаты) аппарата. Для определения фазовых координат нужно:

выбрать измерения;

определить их необходимую точность и частоту;

выбрать метод статистической обработки измерений;

определить необходимый объем аппаратуры.

Работа проводилась под руководством Богуславского. Как раз в это время в одном из американских журналов был опубликован фильтр Калмана – Бьюси. Иосиф Аркадьевич посадил меня и Джемму Чамокову за перевод статьи, и мы корпели над ним месяц. Перевод у меня сохранился. Далее я участвовал в математическом моделировании. Работа заняла около полугода.

6.7. ВКЛА « Спираль»

Однажды (в 1964 г.) вызывает любимый начальник трех человек из нашей лаборатории, в том числе меня, и говорит: "Ребята, Артем Микоян (генеральный конструктор фирмы «МИГ») придумал такую штуку: Туполев делает самолет - разгонщик, который должен разгоняться до шестикратной скорости звука (6М), затем с его «спины» на высоте 28-30 км должен стартовать 10-

тонный пилотируемый аппарат с крылом - орбитальный самолёт длиной 8 м и размахом крыла 7,4 м.

Один пусть посмотрит (промоделирует) подъем этого Воздушно-Космического Летательного Аппарата (ВКЛА), второй – спуск с использованием аэродинамики, а ты, Володя (я), его полет на орбите».

Так началась наша работа над воздушно-космической системой «Спираль». Идея «Спирали» была разработана в НИИ 88 ВВС. Главным конструктором системы назначили Г.Е. Лозино-Лозинского. Готовность системы к эксплуатации предполагалась в середине 1970-х годов.

Получив задание, я начал рыть землю. На орбите на космический летательный аппарат действуют две силы: торможение остатков атмосферы и сила тяжести.

С притяжением Земли все более или менее ясно: академик Красовский создал модель гравитации Земли в виде ряда - геоид Красовского. Непонятно, сколько членов ряда брать, но это пустяк. А вот атмосфера? Она на орбите есть, но мы ее не знаем (тогда не знали).

А военные настаивают на как можно более низкой орбите, где атмосфера плотнее. Нашел докторшу, лауреата Ленинской премии, которая изучала атмосферу, пуская вертикально ракеты. Соблазнил: ведь этот аппарат будет на орбите, за один виток узнаете атмосферу по всей Земле. Уговорил. Взамен она дала мне атмосферу. Работу выполнил. Докладывался и вешал на уши лапшу самому Лозино–Лозинскому.

Рис.6.1. И.А.Богуславский

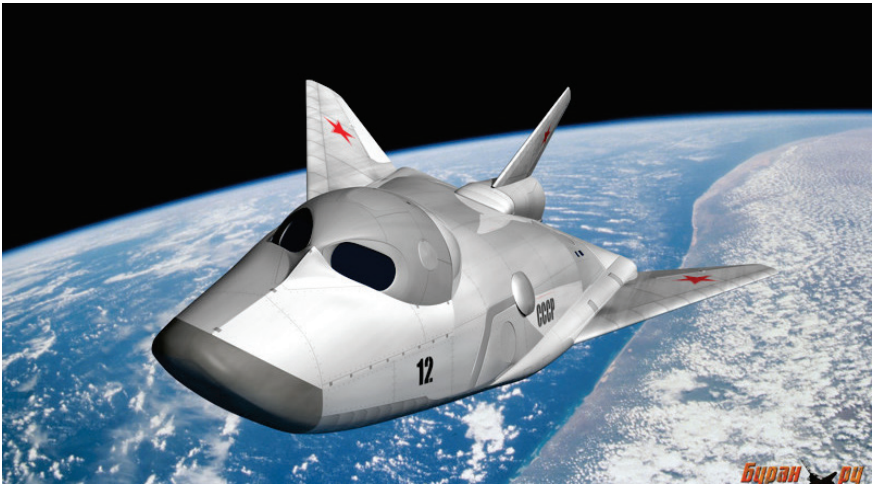

Рис. 6.2. ВКЛА «Спираль»

Но диссера-то нету!

Но появилась идея. Ведь есть крыло. А что, если с его помощью проводить стабилизацию на орбите? Может, будет экономия энергии? Провел исследование. Написал несколько статей. Экономии большой не обнаружил, но для диссертации сошло. Защитился.

Рис. 6.3. Ведущий инженер В.Ю. Яньков. 1962 г.

6.8. Работа научным сотрудником

После зашиты кандидатской Богуславский послал меня работать в сектор Володи Анорова. В процессе работы я сблизился с этим интересным человеком.

Его отец Аноров -Висневский Петр Ильич 1894 г.р. уроженец Терской обл., дореволюционный член РСДРП(б) . Со слов Володи, он

устанавливал Советскую Власть на Тереке так жестоко, что был проклят собственными родителями.

После окончания гражданской войны, он выбыл из Российской компартии, вступил в Германскую и уехал устанавливать Советскую власть в Германии. Нужно заметить, что так поступали тогда многие видные троцкисты, в том числе такие известные, как Карл Радек. Троцкий считал, что без победы революции на Западе русская революция погибнет.

Вернувшись из Германии, Петр Ильич не восстанавливался в партии, а служил беспартийным специалистом на заводе «Каучук». Его арестовали вместе с женой, матерью Володи, 10 ноября 1937 г. 15 декабря отец был расстрелян, а матери дали срок пять лет. В связи с начавшейся Отечественной войной ее после окончания срока не выпустили, и Володя больше ее никогда не видел.

Восьмилетнего Володю отправили сначала в тот же детприемник в Даниловском монастыре, что и меня, а затем в детдом на Украину. После начала Отечественной войны детдом эвакуировали в Казахстан (Интересно, сегодня в подобных обстоятельствах озаботились бы судьбой какого-то детдома?), и Володя прожил там до 1944 года. Он рассказывал, что весной они убегали из детдома и все лето жили в степи, питаясь ворованным у казахов вяленым мясом. А осенью шли в ближайшее отделение милиции, откуда их отправляли в детдом.

В 1944 г. пятнадцатилетний Володя, убежав из детдома, без билета, на собачьем ящике под вагоном, приехал в Москву. Здесь он нашел тетку, сестру отца, усыновившую его.

К моменту окончания средней школы у Володи уже проснулась любовь к математике и он попытался поступить на образовавшийся в то время физико-технический факультет МГУ

– прообраз позднейшего МФТИ. Однако из-за репрессированного отца его туда не пустили, и он окончил МАИ. Распределен он был, как и я, в конструкторское бюро С.В. Ильюшина. Но если я проработал там пять лет, то Володя с самого начала отнесся к этой работе отрицательно. Он хотел заниматься наукой, несмотря на уговоры самого С.В. Ильюшина, уволился из КБ и вскоре поступил в НИИАС, где я с ним позже и познакомился.

Володя быстро защитил кандидатскую, и не на технических, а на физико-математических наук, и печатал свои работы в солидных журналах. Я работал с ним семь лет. Вскоре после моего ухода он защитил докторскую диссертацию. Отец Володи был реабилитирован. Но в начале 80-х г.г. режим стал несколько жестче, и Володю заставили писать в анкетах, что его родители умерли в тюрьме.

6.9. Быт в 1965 - 75 годах

Медленно, но верно быт улучшался. Ниже приведена таблица потребления продуктов в СССР в различные годы.

Шмотки советского производства продавались свободно. Но женщины часто гонялись за импортными сапогами, а мужики за импортными джинсами, переплачивая в несколько раз. Мне, еще недавно ходившему в матерчатых туфлях на деревянной подошве, это казалось, да и сейчас кажется, смешным.

Улучшалось положение с жильем. Я по-прежнему жил в той же коммунальной квартире с мамой. Квартира расселилась, теперь на 75 кв.м. жилой площади жили 5 человек, по 15 кв.м на человека.

Люди стали больше приобретать книг. В конце 1950-х годов вместе с так называемыми подписными изданиями, то есть собраниями сочинений, появились большие библиотеки. Тогда

появились и чешские книжные полки, которые трудно было достать. Они перекашивались, и в них всегда застревало стекло. Но все равно купить такие было большой удачей.

Мясо и мясопродукты в пересчёте на мясо (включая сало и субпродукты в натуре), кг	1950	1965	1970
	26	41	48
Молоко и молочные продукты в пересчёте на молоко, литры	172	251	307
Яйца, шт.	60	124	159
Рыба и рыбопродукты, кг	7,0	12,6	15,4
Сахар, кг	11,6	34,2	38,8
Масло растительное, литры	2,7	7,1	6,8
Картофель, кг	241	142	130
Овощи и бахчевые, кг	51	72	82
Фрукты и ягоды (без переработки на вино), кг	11	28	35
Хлебные продукты (хлеб и макаронные изделия в пересчёте на муку, мука, крупа, бобовые), кг	172	156	149

ГЛАВА 7. Личная жизнь инженера в 50 - 70-е годы

7.1. Интимная жизнь

Жизнь требует свое, и сексуальную жизнь никто не отменял и во время войны. Но одним из самых важных для меня этот вопрос стал уже после победы.

С одной стороны сексуальная революция еще не состоялась, и нравы молодых девушек были очень строгими. С другой - Отечественная война сделала вдовами миллионы молодых женщин, и найти партнершу для секса легко. Но где?

Все живут в коммунальных квартирах, в каждой комнате – несколько человек, и привести партнера к себе домой незаметно практически невозможно. Даже семейные пары живут по несколько в одной комнате. Но и при наличии комнаты оставить ночевать не прописанного человека нельзя: соседи могут возражать. И соседи сразу ославят женщину.

Выше я описал наши жилищные условия в 50-х. Пока я был студентом, иногда можно было привести даму домой, пока мать на работе. Но, поступив на работу, я лишился и этой возможности.

Став инженером, я прибарахлился, имел деньги, чтобы повести девушку в кафе или кабак. Ну, а потом в койку? Но койки не было. Гостиниц мало, туда пускают только приезжих, а пары к тому же - только при наличии штампа в паспорте.

Только в 1962 г. (мне 35) у меня появилась отдельная комната в коммуналке. До этого были скверы летом и теплые парадные зимой.

Иногда бывали анекдотические случаи.

Летом я познакомился с девчонкой. Пошли в кафе, посидели, договорились. Поехали на Воробьевы горы. Начали про-

цесс. Поднимаю голову, над нами стоит милиционер, пожилой, лет сорока. Опускаю голову, думаю "сейчас начнется гевалт". Гевалта нет. Поднимаю голову – милиционера нет. Умный мужик попался.

Но в скверах шастает милиция именно с целью недопущения секса. В Центральном Парке Культуры и Отдыха им. Горького каждый вечер в 22 часа цепочка милиционеров от Ленинского проспекта до Москвы реки движется от Нескучного сада, выгоняя все укрывшиеся парочки.

Все ездили отдыхать в санатории и дома отдыха, ходили в турпоходы, и уж там развлекались по полной программе.

При Советской власти мужеложство было уголовно наказуемо, но существовало. В Москве скверик около Большого театра был местом встречи педерастов. Так как я много шлялся по центру Москвы (кабаки, девушки), то пришлось столкнуться и с ними.

Я познакомился с молодым парнем. Красавец! Улыбка до ушей. Рабочий. Вместе кадрим девчонок, вместе ходим по кафе. Платил я. Однажды сидим на скверике, его отзывает мужик зверского вида, что-то говорит ему. Парень отрицательно качает головой, испуганно смотрит на меня. Мужик уходит, а я пристаю к парню с вопросами.

Рассказывает, что зарабатывает мало, а хочется сводить девушку в кафе или в театр. И для заработка он продается мужикам! Были другие подобные случаи.

Надо сказать, что во время моей молодости не было полового воспитания, литературы, кроме дореволюционного трехтомника «Мужчина и женщина» (незабвенный Васисуалий Лоханкин!). Женившись в 31, я не знал, что женщины могут испытывать оргазм.

7.2. Первая любимая жена

Эта история тянулась со студенческих времен. В 1951 г. я познакомился со своей будущей первой женой. Знакомство произошло так.

Летом у меня была практика, которую я вместе с товарищами проводил на Кунцевском пляже. Сидит красивая блондинка с серо-голубыми глазами и ест вишни из кулька. К ней подходит красавец парень и просит постеречь его фотоаппарат, пока он искупается.

Она: «Нет»

Он: « Вы за себя не ручаетесь?»

Она: «За себя да, за фотоаппарат нет»

Я влюбился сразу, поэтому познакомиться сам с девой не смог. Товарищи познакомились, познакомили меня, всунули в трамвай для провожания. Она жила в одноэтажном деревянном доме на окраине тогдашней Москвы. Я стою у окна, мать ругает ёе за позднее возвращение, и вдруг видит меня. «А это что еще за брюнет в голубой рубашке?».

Так началась моя любовь. Будучи очень стеснительным, я не приходил в гости, а шлялся вокруг ёе дома, часами мечтая о встрече. Но чаще встречал её сестру или родителей, которые подсмеивались надо мной. Я просыпался ночами и молился «Господи, только бы она была моей!».

Мы стали регулярно встречаться, ходили в парки, в кино, она бывала у меня на Плющихе. Роман длился семь лет, и все без интима. Я пытался соблазнить ее, но она сопротивлялась как бешеная кошка.

Хотя я очень любил ее, до поступления в аспирантуру о свадьбе не думал. Меня полностью занимала работа, на которой я

проводил по 11 часов в сутки (а вместе с дорогой 13 часов). Я не понимал, что ей нужен муж, что пора обзаводиться семьей.

Я жил двойной жизнью. Моя будущая жена берегла себя для будущего мужа. Сегодня я считаю такое поведение пошлостью, тогда уважал. Но я сам приобщился к сексу еще в 1942-ом, мне была необходима женщина, и я имел интим на стороне, тайком от любимой.

Все изменилось после моего поступления в аспирантуру. С одной стороны, я сразу оказался свободным и одиноким, без коллектива. С другой, моя невеста стала настаивать на свадьбе. Я, конечно, не мыслил никого своей женой, кроме нее. И в 1959-ом я первый раз женился.

Я жил с мамой в комнате 11,25 кв. м, у жены в двухкомнатной квартире пять человек. Где жить?

Сначала снимали комнату. Но я аспирант, она учитель литературы, для нас это дорого. И через два месяца после свадьбы мы переехали на Плющиху, и стали жить втроем в нашей комнате. Если бы я работал и родил ребенка, глядишь года через два дали бы жилье от работы. Не обязательно квартиру, но жилье. А аспиранту шиш дадут.

Живем втроем. Мама в восемь, как все порядочные люди, идет на работу, жена – преподает в школе, работает по расписанию, я - свободный аспирант. Интим только днем, когда мать на работе. Это длилось около года. Потом матери дали от работы комнату восемь кв.м. в районе Измайловского парка и жить стало лучше (я подчеркиваю: это 1960 г.).

И здесь проявился фактор моей мамы. Моя мать вложила в меня всю жизнь. Оставшись без мужа и без специальности, она пахала до войны день и ночь, чтобы обучить меня немецкому и английскому, музыке и танцам. В голодные военные и послево-

енные годы она сдавала кровь, чтобы накормить сынка. Она отказывалась от неоднократно предлагаемого замужества (а предлагали брак с последующей эмиграцией во Францию). Все только для сынка.

Естественно, что каждую жену своего сына (а их было всего три) она воспринимала, как врага №1. Начались критические замечания о внешности и характере жены, часто в ее присутствии. Жена (в отличие от двух последующих жен) воспринимала эти выпады всерьез. Брак был обречен. В 1962 мы развелись.

7.3. Отдых

1. Многокилометровые прогулки компанией по Москве и пригородам. Летом пешком, зимой на лыжах. Прогулки с таким трепом! Треп обо всем. О Сталине и коммунизме, о сексе и науке. В первую половину моей жизни произошло несколько эпохальных открытий. Реактивный двигатель – 1944 (мне 17), атомная бомба 1945 (мне 18), спутник 1956 (мне 29), Гагарин - 1961 (мне 34). Все эти открытия ожидались, начиная с 30-х годов.
(А вот компьютеры никто не предсказывал!)

2. Собирались небольшой компашкой, сначала с девушками, потом с женами. Пили только сухое и полусухое. В те годы Москва была завалена грузинскими винами, которые стоили недорого (25-28 сталинских). Пили Цинандали, Гурджаани, Тетру, Твиши, Напареули, Мукузани и многое другое. И опять треп! Позже я пристрастился к коньяку. И теперь могу за вечер выпить 0.5 л.

3. Кино.

При Сталине каждую неделю во всех кинотеатрах выпускали один для всех фильм, который и шел всю неделю. Длительность сеанса с киножурналом - 1,5 - 2 часа. Максимальная цена

билета 5 сталинских рублей (50 коп. хрущевских). После войны было много трофейных фильмов. «Девушка моей мечты», Тарзаны, «Индийская гробница» и многое другое. Это не обязательно немецкие фильмы. Американский фильм, захваченный в Германии, считался трофеем.

4. Музеи, выставки. Третьяковка и Музей изобразительных искусств. Долго стояли около Марке, Дега, Пикассо и Модильяни. Выстаивали многочасовые очереди на выставки, например, на Дрезденскую галерею.

5. Литература. Я уже писал, что во времена моих детства и молодости, огромную роль в нашей жизни играла художественная литература.

С конца 50-х г.г. стали стоять в очередях на подписку. Книги стоили дешево, издавались миллионными тиражами, но были страшным дефицитом. (Стоит у меня 12-томник Чехова Тираж -1.000.000, цена тома 1 руб. - хрущевский). Издавалась русская и зарубежная классика. НО! Хемингуэя издали только в 1960, Булгакова еще позже. Из современных иностранцев Говард Фаст и подобные ему.

7.4. Советский общепит

7.4.1. Столовые на предприятиях

Сегодня многие ругают советский общепит. Совершенно не согласен с этим. Я обедал в столовых своего предприятия с 1952 по 1992 г (правда, Москва).

1952 - 1957 годы - столовая завода. Обед из трех блюд 4 - 5 руб. (сталинских). Сытно, вкусно, здание довоенное.

1957 - 1959, Московский Авиационный институт. Здесь похуже, но терпимо.

1959 - 1980, НИИАС. В новом здании под столовую отвели два больших зала. Один для диететического питания, другой - для обычного. Обед из трех блюд 60 - 70 коп. Салат из свежей капусты при входе бесплатно. Хлеб одно время бесплатно, потом 1 коп. кусок. Самообслуживание (раньше не было, были официантки). Много молочных блюд. Пиво не продают.

Конечно, работники столовых воровали, мы из окна видели, как они тащили сумки. Но, видимо, воровали не очень много.

1980 - 1983, Московский институт инженеров гражданской авиации. Зал для преподавателей и студентов общий, но преподов пускают без очереди. Цена та же. Много выпечки.

1983 - 1991. Московский Государственный Университет Технологий и Управления. Зал общий, преподы без очереди.

7.4.2. Кафе и рестораны

В России не было обычая зайти с другом в кафе, заказать чашечку кофе и пирожное, или рюмочку ликера и беседовать часок (В Прибалтике такое было). Кафе в Москве существовали преимущественно при ресторанах и служили для того же: вкусно, сытно поесть и крепко выпить.

Студентом, конечно, по кабакам я ходить не мог. Но раза два после стипендии вырывался. В частности, посещал коктейль-холл на Тверской, где даже забыл однажды секретную пояснительную записку к диплому. На следующее утро забрал.

При Сталине это было единственное заведение в Москве, где продавались коктейли. Меню коктейлей было не велико: Маяк – желток плавает в бенедиктине (считался крепким, стоил 8 руб.), Шампань–коблер – легкий, и еще один – два коктейля.

Позднее в этом помещении открыли кафе-мороженое. Мы с удовольствием поедали в нем мороженое с черносмородинным вареньем, и пили кофе-гляссе.

Зато при Сталине было очень много забегаловок, где можно было выпить любое количество водки и пива. При лучших ресторанах были буфеты, в которых продавали в розлив водку, коньяк. В моем микрорайоне было три забегаловки в радиусе 500 м от моего дома. Около забегаловок валялись пьяные.

Все резко изменилось с приходом Хрущева. Открыли рюмочные, где 50 г водки продавались только вместе с бутербродом, а коньяк, грамм 25 давали только к кофе. Впрочем, все это продержалось недолго, и ограничения в рюмочных сняли.

Начав прилично зарабатывать, полюбил кафе и рестораны. В 50-х - 60-х цены в ресторанах были невысокие, подорожание началось в 70-х.

В лучших кабаках Москвы не было блюда дороже 10 сталинских рублей (1 руб. хрущевский). Примерные цены в хрущевских рублях:

Котлета по-киевски 0,78 руб.

Порция черной икры (в магазинах нет), примерно со спичечный коробок - 1 руб. Выше я писал, что икра стояла свободно в магазинах. Это было в конце сороковых. Позже исчезла.

Порция осетрины по-монастырски (тогда называлось по-Московски) -1 руб.

Водка – 28 коп. - 100 г. Коньяк 1,20 руб. - 100 г.

В кафе водку не подавали, только вино и коньяк.

В каждом районе Москвы была шашлычная. Ближайшая ко мне располагалась на старом Арбате. В начале 50-х гг. там всегда можно было заказать лобио, суп пити или харчо, шашлык по-карски (на ребрышках). Все это вместе с бутылкой боржоми и 100

граммами коньяка стоило 25-30 сталинских рублей (2,5-3 руб. хрущевских). Я себе такое удовольствие позволить мог, хотя для простых работяг это было дорого.

Еще до защиты я зарабатывал, с учетом приработка в ВУЗе, больше 250 руб. грязными. А после защиты – 400-500. Детей не было, с первой женой развелся в 1962.

В конце концов полюбил кафе «Националь» при соответствующем ресторане, в самом центре Москвы. Кафе недорогое, но престижное. Рядом старое здание МГУ. Студенты забирались туда с утра, брали кофейник кофе и фирменное блюдо – пирог пай (цены не помню, но все очень дешево), и сидели часами.

К вечеру собирались фарцовщики со всей Москвы и известные интеллигенты. Пил там с композитором Тухмановым (для него не нашлось столика, сел с дамой ко мне). Одно время в 18 часов приходил рассекреченный разведчик Рудольф Иванович Абель, заказывал ужин, читал газету на заграничном языке, всегда один.

Среди фарцовщиков были очень образованные, поговорить с ними было интересно. Сам фарцовкой никогда не занимался.

7.5. Отпуска

Первые годы после войны было не до отпусков. Впервые после войны я отдохнул в каникулы летом 1951 г. С тех пор отдыхал регулярно.

7.5.1. Москва-Пермь-Москва

Мама, как работник речного флота, имела право на два бесплатных билета в год на рейсовые речные пароходы. Туристические теплоходы еще не придуманы. Летом 1951 года мы едем

колесным пароходом «Роза Люксембург» по маршруту Москва – Молотов (Пермь) - Москва в каюте второго класса.

Довольно большая каюта с умывальником и двумя нижними спальными местами. Для пассажиров первого и второго классов имеется душ. Пароход – товарно-пассажирский. На каждой пристани выгружают и загружают грузы, появляются новые пассажиры, преимущественно третьего и четвертого классов, расположенных в трюме. Пассажиры первого и второго классов, расположенных на верхних палубах, - баре. К ним из трюма не пускают. Опять же, для них имеется ресторан. Но для нас с мамой он слишком дорог. Мы питаемся тем, что купим на пристанях. А народ беден, на пристани почти ничего не приносят. Иногда мама все-таки ведет меня в ресторан и заказывает один обед на двоих. Как презрительно смотрят на нас официанты!

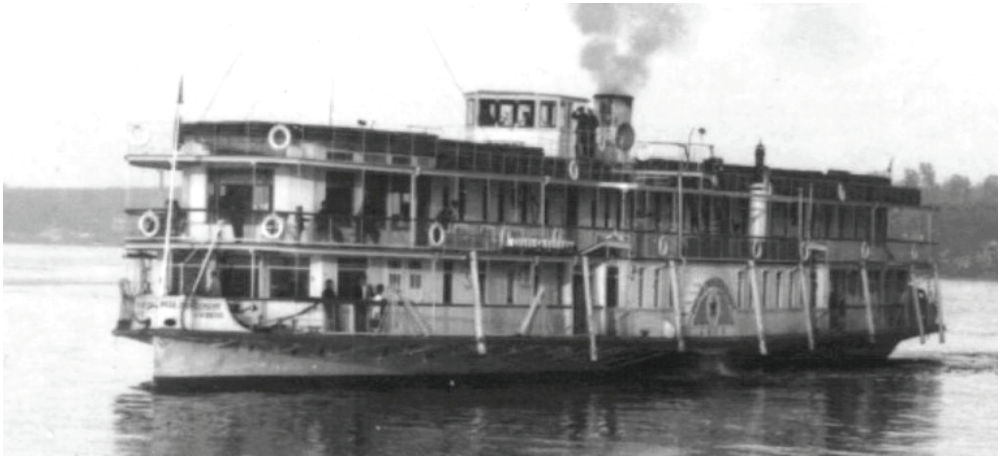

Рис.7.1 Пароход «Роза Люксембург»

Интересен состав пассажиров двух первых классов. Каждое утро на носовой палубе собирается кружок вокруг Героя Со-

циалистического Труда, лауреата Сталинских премий актера МХАТ В.Я. Станицына, едущего с дочерью лет 18-ти. Виталий Яковлевич рассказывает байки, подхалимы слушают и восхищаются. Пара сорокалетних мужчин (старики с моей тогдашней точки зрения) каждое утро ходят в течение часа от кормы к носу и от носа к корме для пищеварения. Прошли Казань, повернули на Каму. Появились отроги Урала, покрытые лесом. Я молодой, мне хочется бродить по этим горам, а не смотреть на них.

Дошли до Перми, простояли два дня и обратно. Мое сердце не выдержало, и я сбежал на поезде домой.

7.5.2. Впервые в Прибалтике

В 1953 г. мамочка, не доверяя мне, сама купила для меня путевку в санаторий ВМФ на Рижском взморье (теперь - Юрмала), в Булдури.

Впервые на Балтике! Сплошное купанье. Нас возили на экскурсии в Домский собор Риги, тогда там был музей, в старинные замки и т.п. И я сам использовал время между кормежкой для индивидуальных путешествий. Побывал в местечках Майори, Лиелупе, Кемери и Дзинтари, самостоятельно побродил по Риге. Если спросишь путь у латыша, как правило, дает ложную справку. Две вещи поразили меня в Латвии: прежде всего продавщицы газированной воды. В то время в городах продавали газированную воду со специальных тележек. В Москве продавщицами были неухоженные женщины. В Риге – наманикюренные дамы с укладкой волос, модно одетые.

Второе – врачиха санатория. Я уже писал, что на моем тогдашнем месте работы была строжайшая дисциплина, даже недолгое отсутствие на работе оформлялось увольнительной запиской за свой счет. А врачиха целыми днями играла в волейбол с

отдыхающими. Это меня так возмутило, что больше я в санаторий не ездил (за что плачу ей деньги?).

Впоследствии ездил дикарем в Прибалтику. Знаю ее вдоль и поперек, бывал более десяти раз.

7.5.3. Путешествие на Алтай

Лето 1962 года. Мне 34. Недавно я снова стал холостым. Я еще не защитился и работаю ведущим инженером в НИИ. Одновременно уже год читаю информатику в одном из заочных ВУЗов Москвы.

На отпуск я купил туристическую путевку в Горный Алтай. Стоимость путевки – грошовая, около 50-ти рублей (мой суммарный заработок – больше 250 руб.). Правда, еще дорога туда – обратно около 60-ти. Кроме меня, путевку купила молодая к.т.н. Валя Савельева. Мы с ней товарищи, не больше. Но все-таки не один.

Ехать нам до города Бийск. Так как купейные вагоны до него не ходят, то трое суток мы едем в плацкартном. Бийск расположен на слиянии двух рек – Бии и Катуни. Соединившись, они образуют Обь. Приехали, дошли до туристической базы. Здесь из приехавших сформировали группу в 20 человек, выдали рюкзаки, спальники, палатки и продукты на 15 дней. Всего пришлось 28 кг на мужчину и 25 – на женщину. Нас успокоили, что у группы будут две вьючные лошади, которые понесут часть груза.

На следующее утро всех посадили в открытый, со скамейками, кузов грузовика и повезли вверх по берегу Катуни. Катунь – горная река, текущая в ущелье, вода – бирюзового цвета. Красота неописуемая.

Через два часа приехали на очередную турбазу, у входа нас встречают два медвежонка. Здесь нас покормили, дали двух ло-

шадей, двух проводников и руководителя группы. Дальше – десять дней пешком.

Пред выходом я спросил директора турбазы о медвежатах. Видишь ли, сказал он, я обязан давать вам 200 г. мяса в день, а говядину иногда не доставляют. Вот я и договорился с охотниками. В случае чего, скормлю туристам медвежатину.

Как только мы вышли из базы, проводники объявили, что здесь закон – тайга, а прокурор – медведь, и сели на лошадей. Так все десять дней они ехали верхом, а мы тащили рюкзаки сами. Среди нас было несколько женатиков, они тащили за спиной свой, а на груди – женин рюкзак.

После первого дня стали выбрасывать все «лишнее»: смену белья, лишнюю обувь и т.п. Проводники, конечно, всё подбирали

Обычно мы ночевали в долине, где росли огромные кедрачи. Под ними была мягкая подушка из прошлогодних иголок, а крона их такова, что ее не пробивает даже самый сильный дождь. Мы даже палаток не ставили.

Утром, после завтрака начинался подъем в горы. Все как в учебнике по географии. Сначала лесная зона, потом альпийские луга, затем камни без растительности. При спуске все в обратном порядке.

За десять дней встретили двух человек. Сначала попался паренек лет 20, с трехлинейной винтовкой и собакой.

- Да вот, вышел медведей пострелять - сообщил он.

Рис. 7.2. Река Катунь

Рис. 7.3 Телецкое озеро

Медвежья шкура, правда, плохо выделанная, стоила на Алтае 40 - 50 руб. Но мы с Валей оставили все деньги на базе в Бийске и шкур не купили.

Второй раз встретили ойротку (жители Горного Алтая – ойроты) со стадом. Как водится, мы подарили ей пару банок тушенки, а она нам - ведро молока. Молоко было светло-коричневого цвета не из-за жирности, а из-за грязи. В тот вечер дежурной была моя к.т.н., дитя науки. Пока она что-то соображала, подошла одна из коров, сунула морду в ведро, потянула в себя – молока как не бывало.

По пути нам встретились 227 водопадов. При виде водопада мы скидывали рюкзаки и, как были, в одежде, в кедах (кроссовок тогда еще не было), становились под него. Освеженные, шли дальше.

Через десять дней вышли к южному концу Телецкого озера, к месту впадения в него реки Чулышман.

Длина Телецкого озера – 350 – 400 км, ширина 4 - 5 км, глубина – до нескольких сотен метров. Со всех сторон оно окружено 2000-метровыми и более хребтами. Вода холоднющая, в июле около 13° С. Зато она чистейшая, видно дно на глубине трех – четырех метров. Название Телецкое закрепилось за ним после русских первопроходцев, назвавших его в честь народа Телесов, обитающих в то время на его берегах.

Здесь нас ждали лодки, каждая на десять - двенадцать человек. Мы сели и поплыли на север. 5 - 6 человек на веслах, остальные отдыхают под банками (под скамейками). Прошли мимо мощного водопада.

Когда после первого дня мы выбрасывали всё «лишнее», нашлись скопидомы, не выбросившие леску с блесной. И теперь

дежурным, поэтому остался на берегу, а ребята, высадив девчонок и груз, вышли на озеро. Вечер, полный штиль, красотища, а они вместо отдыха они садились на корму, накручивали леску на палец, спускали блесну и ждали улова, а мы над ними издевались.

Одна из блесен зацепилась за большое бревно длиной метра полтора. Рыбак подтянул его, вдруг «бревно» открыло красную пасть, а в ней острые зубы. Таймень. Блесна зацепилась за его верхнюю губу. Все мы имели высшее образование, поэтому сразу развернулась бурная дискуссия – как втащить рыбину в

лодку. Таймень послушал – послушал, вильнул хвостом и только мы его и видели. Ребята разозлились страшно. Я в тот день был ходят кругами по середине озера. Через полчаса поймали. Теперь мы выкопали на берегу яму, проложили к ней канавку и провели туда тайменя. А затем уж убили его.

Сварили два ведра рыбы (мясо тайменя похоже на семгу, это тоже лосось), нажрались, и залегли пузом кверху до утра.

Через четыре дня плавания мы вышли к селению Артыбаш на северном конце Телецкого озера, откуда вытекает Бия. Здесь очередная турбаза, и нас, наконец, загнали в баню. Перед этим мы пятнадцать дней не мылись и практически не умывались.

Так вот, после нашей помывки вода в озере стала светло-коричневой, как то молоко.

Рис. 7.4. Водопад на Телецком озере

Рис. 7.5. Таймень

СПРАВКА

Дана Янькову В. Ю.

в том, что им в период с "1" июля 1962 г.,
по "22" июля 1962 г. совершен пешеводный туристский поход второй категории
трудности в качестве участника
по маршруту № 77

Протяженность похода 821 км, в том числе: с преодолением естественных препятствий 576 км. с 19 ночлегами в полевых условиях.

Председатель маршрутно-квалификационной комиссии

М. П.

г. Барнаул, тип. ТУ-1, 1962 г. 1016 1000

Рис. 7.6. Справка о походе

Нас посадили в другие лодки, собранные на живую нитку, и дали рулевых. Мы не сразу поняли, почему. Оказывается, нам надо спускаться по Бие через пороги, и хороших лодок жалко (а нас – нет). А рулевые нужны для того, чтобы мы не врезались в порог. Я сидел на весле, мы шли со скоростью 25 - 30 км/час, и мимо меня проносились пороги. Фантастическое ощущение!

Через два дня пороги прошли, мне стало скучно, и я удрал с лодки, дождался автобуса, т.к. это было уже культурное место (автобусы ходили!), и вернулся в Бийск самостоятельно.

Все. Через неделю мы были в Москве.

Это было давно. Еще в 70-х годах я прочел, что пороги на Бие взорвали, на Телецкое озеро провели теплоход, и туристы не гребут на лодках, а плывут пассажирами на теплоходе.

Сибиряки прочтут этот опус с усмешкой. Но для меня, коренного москвича, этот отпуск был незабываемым.

7.5.4. Как я научился качаться на волнах

Лето 1965. Решил отдохнуть на Кавказе. Купил билет на самолет, через два часа вылез в Адлере. По пути познакомился с парнем, который тоже отдыхает один. Решили отдыхать вместе. (Благое время! Сегодня я побоялся бы довериться незнакомому человеку).

Приехали в Гантиади. Пожили там два дня. Не понравилось. И хотя хозяйка соблазняла нас двумя девочками, жившими у нее на втором этаже, решили поехать на автобусе в Пицунду.

В Пицунде сняли у грузина большой летний павильон. Каждый платит 1 рубль в сутки.

С питанием не очень хорошо. Столовая, где есть суп, второе и компот, находится в километре от павильона, ходить туда лень. Но рядом есть кафешка с кофе, коньяком и жареным мясом. Обосновался там. За соседними столиками - будущий народный артист СССР Михаил Козаков и будущий народный артист СССР Василий Лановой со второй женой. Общаемся, обсуждаем и сравниваем специальности.

На побережье Пицунды реликтовые сосны - национальное достояние. На каждой – инвентарный номер (так было!). Под каждой сосной расположились две семьи: с одной стороны еврейская, с другой – грузинская.

Выбрал свободную половину. Рядом грузины, отец - военврач и дочь, девушка лет 16-ти. Общаемся.

Раз прихожу под свою сосну, а море разволновалось: волны метра три. Но я же солидный человек, мне уже 38. Я твердо решаю, что не полезу в воду. Разговариваю с военврачом. Вдруг к нему подходит дочка и говорит: «Ну, я пошла», и лезет в море. Этого я стерпеть не мог и тоже полез в воду. Войти легко, качаться приятно. Но как выйти? Наблюдаю за ней. Оказывается, надо обогнать волну, выбежать на берег до ее отката. Освоил. Отдыхал, как всегда, 28 дней.

С тех пор качание на волнах являлось моим огромным удовольствием.

7.5.5. Отдых в Средней Азии

Лето 1973 года. Я снова холост, я защитился и зарабатываю около 400 руб. в месяц. И отпуск у меня 1,5 месяца.

Как-то надоело ездить каждый раз на Юг или в Прибалтику. Захотелось экстрима. И я решаю провести отпуск на озере Иссык-Куль!

В то время в Москве была масса контор, продававших туристические путевки на все направления (путевки в санатории и дома отдыха распределялись профсоюзами и в открытую продажу не поступали). Потом я узнал, что путевок на Иссык-Куль в этих конторах было навалом. Но, не зная этого, я решил пойти своим путем.

У нас были дальние родственники Венедиктовы, убежавшие в свое время от ЧК из Сызрани в город Верный, переименованный в Алма-Ату. В послереволюционное время так поступали часто. Им-то и написала письмо мама с просьбой купить путевку. Семья состояла в то время из Милы (отчество не помню), женщины лет пятидесяти, преподавателя английского языка в ВУЗе, и ее сына и дочери с семействами.

Оказалось, что в Алма-Ате путевки на Иссык-Куль, курорт под боком, как раз дефицит. Мила зачла аспирантский экзамен одному летчику, а уж он по блату достал ей путевку.

И вот, просидев пять часов в самолете ИЛ-62, я приземлился в Алма-Ате. Приняли меня очень тепло. Но все взрослые работали, поэтому в рабочие дни я был предоставлен сам себе. Бродил по городу. Съездил на автобусе на высокогорный каток Медео.

Ледовый каток Медео расположен в 25 км от Алма-Аты на высоте 170 м над уровнем моря. Площадь искусственного ледового поля составляет 10,5 тысяч кв. м. Он был возведен в 1972 году. Горная долина была названа именем Медео, кочевника проживавшего в прошлом веке и разбившего свой аул в этих местах. Толщина ледового покрытия на катке составляет 2,3 метра.

Рис. 7.8. Вид катка Медео

В настоящее время выше Медео построена противоселевая плотина, предохраняющая каток и город от селя, формирующегося на вершинах Западного Тянь-Шаня. В 1973 г. ее еще не было. И ровно через неделю после моего посещения катка прошел страшный сель, затопивший Медео. Погибло много народа.

В вечерней Алма-Ате произвели впечатление летающие вокруг тебя летучие мыши.

В выходные хозяева повезли меня на дачу, расположенную в предгорьях Ала–Тау. Здесь меня, москвича, поразили валяющиеся на земле в огромном количестве никому не нужные абрикосы – урюк. В Москве он стоил 2 руб. за килограмм.

Время шло, и надо было перебираться на Иссык-Куль. Для этого надо было перелететь с севера на юг через хребты Заилийского Ала-Тау (каз. *Іле Алатауы*, кирг. *Иле Ала-Тоосу*) - горный хребет на северо-западе Тянь-Шаня (на границе Казахстана и Киргизии (см. рис.7.9). Из Алма-Аты туда до аэропорта Чолпон – Ата в то время летали самолеты Ил-14 с поршневыми двигателями.

Высота гор 5000-6000 м, а мы летим на высоте 2000 м по ущельям. Я сижу у правого иллюминатора и вижу, как на нас надвигается гора. Сейчас мы в нее врежемся! Легкий крен и мы ее обходим. Но надвигается следующая! И так далее.

Прилетели. Из аэропорта привезли на турбазу. Начал жить там. Обычный дом отдыха. Большинство мужиков ловят рыбу в озере. Мне это скучно. Купаюсь до одурения. Но это не море. Волна очень мелкая. Мало удовольствия. Посещаю чайхану. В ней половина столов обычная, половина низенькие, за которыми сидят, скрестив ноги. Шашлык на саксауловых углях вкусен. Местные спрашивают: «Ты сюда приехал потому, что здесь дешево?».

Организуется несколько экскурсий. Одна из них – вокруг озера с заездом в город на восточном побережье, тогда называвшийся Пржевальском. Никола́й Миха́йлович Пржева́льский русский путешественник, географ и исследователь Средней Азии похоронен в этом городе.

Город расположен в восточной части области, у подножья хребта Терскей-Ала-Тоо, в нижнем течении реки Каракол, в 12 км от побережья озера Иссык-Куль, на высоте 1690—1850 метров над уровнем моря. Название Пржевальск. Город носил это имя в 1889—1922 (Высочайшее повеление Государя императора от 11 марта: Правительственный вестник, 1889, № 5) и в 1939—1992 гг. Сегодня это Карако́л - административный центр Иссык-Кульской области.

Организуется еще несколько экскурсий, в частности по мусульманским кладбищам. Это интересно.

В одной из экскурсий обгоняем пару: два ишака, на одном из них старик, на другом – мальчик в пионерском галстуке. Едут не спеша. Через пару часов возвращаемся с экскурсии – они еще едут в том же направлении.

Ишак стоил тогда в Киргизии 17 рублей! Я в день зарабатывал примерно столько. Был очень большой соблазн купить. Они такие симпатичные. Слава Богу, удержался. Все-таки скучновато.

Но вот узнаю, что организуется многодневный турпоход в горы Заилийского Ала-Тау. Бегу записываться. Записывают неохотно: мне 46, староват, но взяли.

Поход был самым интересным событием этого отпуска. Нам выдали альпийские ботинки – трикони, за плечами, как всегда, около 30 кг груза.

В первый день вышли на перевал на высоте 4000 м. Написали записку, вложили ее в банку и закопали в груде камней. Стали искать путь к спуску. Рядом снежник – под углом около пятидесяти градусов, высотой с пятиэтажный дом. Вдруг проводник берет палку, садится, и на пятой точке, тормозя палкой, съезжает вниз. И нам командует: повторяй! Я палку не нашел, сажусь и начинаю спускаться. Нарастает скорость. Пытаюсь тормозить триконями – возникает опрокидывающий момент. Откидываюсь назад и торможу локтем. Спускаюсь нормально, но на рукаве огромная дыра.

Ночевку организовали на высоте 3000 м. Всю ночь ворочался, старался опустить голову как можно ниже – не хватало воздуха. А утром проснулись – красотища. И вокруг много красивых цветов. Когда разобрались, что это эдельвейсы, бросились их собирать. А проводник ехидничает: рвите, рвите. Скот их все равно не ест. Букетик с эдельвейсами висит у меня на стене до сих пор.

Позавтракав, стали спускаться. На высоте 2000-2500 м встретили семью горных киргизов. Оказывается, есть и такие.

Высокая юрта, я со своим 188 см стою в ней в полный рост. У одной стены – подвешенная за заднюю ногу емкость из лошадиной шкуры. В ней кумыс. Мы принесли несколько банок тушенки, нас отдаривают кумысом. Я самый старший, у меня уже седина, и первую кружку кумыса – мне, аксакалу (седобородому). Вышли из юрты. Мальчуганы 10-12 лет верхом гарцуют по крутым склонам.

Рис. 7.12. Вот они - эдельвейсы

Дальнейший спуск прошел буднично. Вот мы снова на берегу Иссык-Куля, нас встречают стандартным стаканом компота.

В Москву я возвращался сначала на ЯК-40 из Чолпон-Аты до Бишкека (тогда Фрунзе), а затем на ИЛ-62.

ГЛАВА 8. Катастрофа

8.1. Развал СССР

После отставки Н.С.Хрущева в 1964 г. страной до 1982 г. руководил Л.И.Брежнев, затем в течение 1-1,5 лет Ю.В.Андропов и К.У.Черненко.

Этот период истории СССР называют застоем. Жизнь текла плавно, страна считалась второй в мире по мощности, но заметных улучшений в жизни не было. Кое-где становилось хуже.

Однако в стране полностью действовали законы социализма. Не было безработицы, всюду требовались специалисты, здравоохранение и образование было полностью бесплатным. Каждый молодой человек получал полное среднее образование. В случае необходимости можно было, простояв несколько лет в очереди, приобрести бесплатно жилье, теперь в виде отдельной квартиры, хотя бы и в «хрущебе». Правительство дотировало горожанам часть продовольствия, т.е. платило за него колхозникам (крестьянам) больше, чем брало с горожан в магазинах. Зато «предметы роскоши» (автомашины, драгоценности и т.п.) продавались существенно выше их себестоимости.

15 апреля 1985 года Генеральным секретарем ЦК КПСС, т.е. верховным управляющим Советского Союза, был избран Михаил Сергеевич Горбачев, которому было тогда 54 года. Народ принял это назначение радостно. После маразматических Брежнева и Черненко, после больного Андропова Горбачев гляделся прекрасно. Встречаясь с народом, он говорил о необходимости более эффективной работы, и все с ним соглашались.

Через некоторое время он объявил перестройку. Никто не понимал, что это такое, но все знали, что после перестройки народ заживет очень хорошо.

Одним из первых шагов перестройки стало введение госприемки готовой продукции на предприятиях. Предполагалось, что повысится качество выпускаемой продукции. Судя по ее отмене через несколько лет, предположение не оправдалось.

Следующим шагом стала борьба с алкоголизмом. Борьба проводилась сталинскими методами. Я работал в то время в заочном пищевом институте, где была специальность «Виноделие». Ее срочно переименовали в «бродильное производство». Студенты заочники-виноделы со слезами на глазах рассказывали мне о

сплошной вырубке виноградников, в том числе столовых сортов винограда. Появились анекдоты: секретарша приходит к директору заниматься сексом и хочет запереть дверь. «Ни в коем случае, - говорит директор, - а то подумают, что мы выпиваем". Дело кончилось тем, что люди стали пить самогон, а государство потеряло огромные суммы от продажи алкоголя.

А жизнь даже в Москве становилась все хуже и хуже. К 1989 г. возник дефицит любой еды. Страшные очереди в продуктовых магазинах. Мне, как преподавателю, работающему по расписанию, было легче.

Каждое утро я выходил из своего дома на Плющихе в поисках еды. Я шел по Плющихе до Смоленской площади, затем по Арбату до Арбатской площади, Гоголевским бульваром до Кропоткинской (Пречистенской) площади, потом Пречистенкой до Зубовской площади и по улице Бурденко до Плющихи. Заходил во все продуктовые магазины. Если что-то выбросили на прилавок, вставал в очередь.

Придя к власти, Горбачев отправил в отставку многих членов ЦК – стариков, а из провинции вызвал Е.К.Лигачева, Н.И.Рыжкова, Б.Н.Ельцина и др. Ельцина Горбачев вытащил из Свердловска (Екатеринбурга), сделал кандидатом в политбюро ЦК КПСС и секретарем Московского городского комитета партии. Каждый день я читал в органе этого комитета «Московской Правде» статьи Ельцина под лозунгами «Выше знамя коммунизма».

Ельцин чем-то не угодил Горбачеву и тот выгнал его из ЦК, назначив заместителем председателя Госстроя. Ельцин сразу перекрасился в оппозиционеры, подружился с «демократами» Сахаровым, Афанасьевым и Поповым. Он пересел с «членовоза» на «москвич». Стал покупать продукты в простых магазинах и

кричать о чрезмерных привилегиях номенклатуры. Какие привилегии он присвоил, став президентом РФ, можно узнать из книги Коржакова «Ельцин. От рассвета до заката». С тех пор я его запрезирал, и презираю до сих пор.

В связи с ухудшением материального положения, народ стал выходить на площади с протестами. В Москве состоялись многотысячные митинги на площадях. С 1990 года начались разговоры про «волшебную руку рынка», про отпуск государственных цен. Рыночные горе-экономисты типа Николая Шмелева и Аганбегяна прогнозировали незначительный рост цен и изобилие продуктов.

На митингах выступали Сахаров, Афанасьев, Ельцин и обещали райскую жизнь после их победы. И народ верил! Я и мои сверстники, как опытные люди, голодавшие во время ВОВ, ожидали худшего. Подсознательно вспоминая голодные годы, мы стали больше есть (прямо по Джеку Лондону).

Народной воле, народному мнению, народным предпочтениям свойственны откаты и накаты, приливы и отливы. В описываемое мною время большая часть народа была очарована Ельциным и рынком. Сегодня – Ельцина и рынок проклинают многие, если не большинство. Огромное внимание оказывается И.В. Сталину, которого недавно все проклинали («Сталинщина»).

18 августа 1991 г. образовался Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП), который попытался спасти СССР. Однако действовал он крайне нерешительно, трусливо (у председателя дрожали руки) и неудачно.

Рис. 8.1. Митинг на Манежной площади 1992 г.

Рис. 8.2. Москва торгует. 1992

.

8 декабря 1991 г. Ельцин, Шушкевич и Кравчук провозгласили уничтожение СССР. Образовалась Российская Федерация. А 01.01.92 цены освободили! Одновременно подняли зарплаты и пенсии. Я пришел в «гастроном» на Новом Арбате и ахнул. Общих повышенных доходов моей семьи хватало теперь на 5 - 8 кг мяса в месяц. Как в ВОВ!

Для нас с женой началась эпоха выживания, длившаяся вплоть до 2000 годов. Жидкие зарплаты и пенсии задерживаются. Вся Москва вышла на улицы торговать. Был опубликован указ, разрешавший людям торговлю "в любых удобных для них местах, за исключением проезжей части улиц, станций метрополитена и территорий, прилегающих к зданиям государственных органов власти и управления". Иду от Лубянки по Театральному Проезду к Тверской. Вдоль тротуаров сплошная цепочка торгующих. Здесь бабушки и мужчины, интеллигенты и рабочие.

Я торговать не умею. Да и нечем. Жена - инженер тридцати пяти лет пытается устроиться на вторую работу на одну из образовавшихся частных фирм. Спрашивают объем груди и талии, говорят, что все указания начальства надо выполнять. Мне 65, я никому не нужен. Мы не голодаем, но недоедаем. Мясо и сливочное масло только для дочки.

Страдало большинство народа. Недалеко от моего тогдашнего дома есть парикмахерская и академия Фрунзе, где учатся сотни офицеров.

Парикмахерши жалуются, что офицеры не ходят в парикмахерскую, а стригутся сами, так как у них нет денег.

В 1992 г. здорово помогло постановление правительства о выделении горожанам по 2 сотки сельхозземель. Ректор нашего института О.К. Филатов, впоследствии осужденный за коррup-

цию, договорился с одним из колхозов. Колхоз посадил картофель, окучивал и выкопал его. А мы собрали урожай. Мне досталось аж 11 мешков картофеля. Самому на год хватило, и родственникам помог.

В следующие годы О.К. Филатов организовал несколько десятков филиалов и УКП нашего института по всей России. Мы ездили туда преподавать и получали зарплату на месте, сразу. Это очень помогло на фоне задерживаемых на месяцы пенсий и зарплат.

8.2. Октябрь 1993 года

Ниже опишу только то, что видел и чувствовал я сам.

Вся первая половина 1993 года запомнилась как борьба президента Ельцина с Верховным Советом России. Ельцина я презирал с 1990 года за его двуличность и вранье. И поэтому внимательно наблюдал за его потягушками с Верховным Советом, будучи на стороне последнего. Хотя будущее показало, что хрен редьки не слаще.

К октябрю борьба достигла своего пика. 2-го октября (насколько я помню, это была суббота) я всю первую половину дня шлялся по Москве в районе Смоленской площади. Было несколько митингов. На углу Арбата и Смоленской площади выступал Илья Константинов. Я его не любил, и слушать не стал. Где-то по соседству говорил Бабурин. Между Смоленской и Зубовской площадями стоял отряд милиции под командой майора. Несколько женщин обступили его. Майор утверждал, что милиция в народ стрелять не будет. Несколько молодых мужчин говорили, что надо дать Ельцину доделать его дело.

Домой пришел около 16 часов. Был день памяти моей мамы, собралось около пятнадцати родственников, я предложил

тост за умирающую Советскую власть, меня поддержал один человек. На следующий день часов в 12 я с женой отправился на Крымский мост и присоединились там к огромной колонне, вышедшей с Октябрьской площади на поддержку Белого Дома.

В колонне была в основном молодежь, в том числе несколько моих студентов и недавних выпускников. Пройдя Крымский мост, колонна легко прорвала жиденькую цепочку милиции на Крымской площади. Милиция забросала нас «Черемухой». Вторая жидкая цепочка была прорвана на Зубовской площади, третья – на подходе к Смоленской. Молодежь колонны ликовала, считая это победой. Я был настроен скептически.

Я видел, что ворота во все дворы закрыты, и за ними видна милиция.

На жену подействовала «черемуха» (а еще страх за дочку, которой на тот момент не было и 12 лет; если что с нами обоими случится - останется сиротой) и она ушла домой, а я продолжал движение с колонной.

Когда колонна повернула с Садового кольца к Новоарбатскому мосту, раздалась стрельба со здания СЭВ одиночными выстрелами по нашей колонне. Около меня появились раненые.

Подойдя ближе к мосту, я увидел, что он и набережная по направлению к Вражским переулкам перекрыты невооруженными цепочками милиции. Вдруг подъехало несколько автобусов, милиционеры по одному подбегали к ним и получали карабины.

Я понял, что будет стрельба и решил смыться. Прошел дворами до Плющихи и своего дома. Вечером мы с женой сидели у телека и переживали за «наших».

4-го октября во время расстрела танками здания Верховного Совета на улицу не выходил, телек не смотрел.

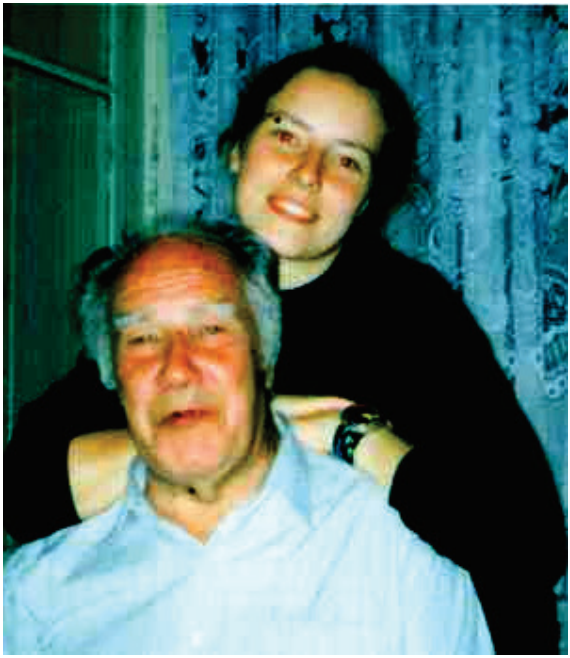

Рис. 8.3. Профессор В.Ю. Яньков с дочерью Ксеней. 2001

Рис. 8.4. Пенсионер В.Ю.Яньков «творит» на даче. 2017 г.

Стрельба из стрелкового оружия продолжалась несколько дней, пули летали над нашим домом на Плющихе, и когда мы гуляли с собакой, мне приходилось учить жену укрываться от пуль (все-таки всю ВОВ провел в Москве).

Послесловие

На этом я прерываю свои воспоминания. Я писал их долго и нудно, не один раз перерабатывал. Совершенно не уверен, что материал будет интересен современнику. Ну, хоть фото посмотрят.

Мне кажется, что при социализме, существовавшем в СССР, было слишком много внеэкономического принуждения. Существовала пословица:

Не знаешь – научим,

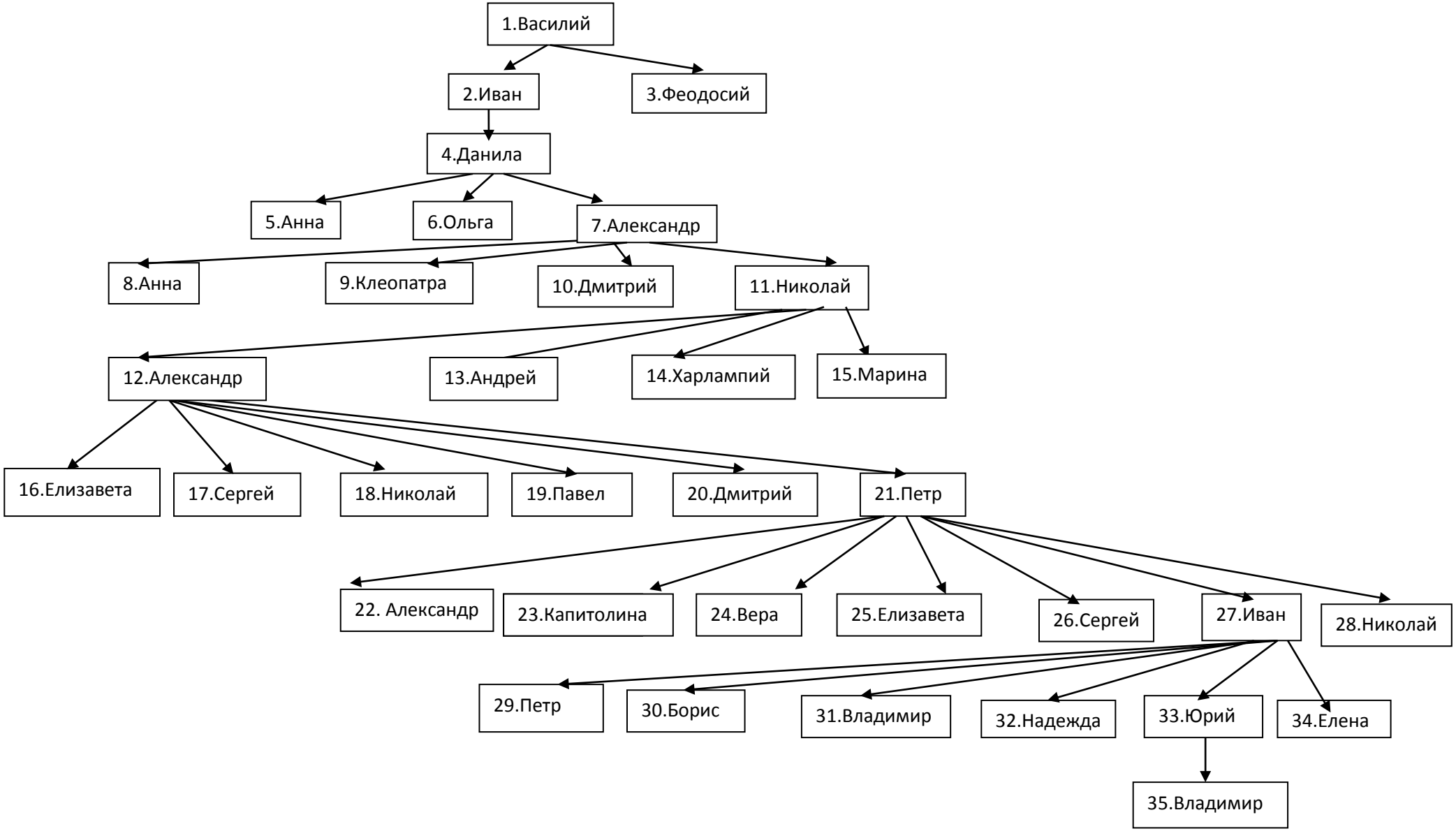
Не хочешь – заставим.

Как правило, учили хорошему, но принудительно. Это вызывало раздражение народа.

Хочу заметить, что многие фото в данной работе взяты из интернета.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РОДОСЛОВНОЕ ДЕРЕВО В.Ю. ЯНЬКОВА

1.Василий
2.Иван
3.Феодосий
4.Данила
5.Анна
6.Ольга
7.Александр
8.Анна
9.Клеопатра
10.Дмитрий
11.Николай
12.Александр
13.Андрей
14.Харлампий
15.Марина
16.Елизавета
17.Сергей
18.Николай
19.Павел
20.Дмитрий
21.Петр
22. Александр
23.Капитолина
24.Вера
25.Елизавета
26.Сергей
27.Иван
28.Николай
29.Петр
30.Борис
31.Владимир
32.Надежда
33.Юрий
34.Елена
35.Владимир

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА
К родословному дереву Владимира Юрьевича Янькова

ИСТОЧНИКИ:

1. «Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанных и собранных ее внуком Д. Благово». /Серия «Литературные памятники». — М.: Наука, 1989.
2. Соловьев С.М. «История России с древнейших времен»
3 Чернопятов В. И. «Дворянское сословие Тульской губернии». Тт. 1 - 12. Тула, 1902-1912.
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА) Фонды Яньковых Ф. 1395, 259 ед. хр., 1691 - 1846 (выписки с 1626). Оп. 1
5. Р ГАДА, ф. 2511, 259 ед. хр., 1626-1846
6. Российская Государственная библиотека, ф. 466, в составе собрания рукописей В. В. Егерева, 32 ед. хр., 1740-1
7. ГАТО, ф.495, оп.1, д.7 (Государственный архив Тульской области)
8. Военно-исторический архив, фонд 409, дело 158-601, 5902. Составлено в 1894 году.
9. Формулярные списки дружины №89 за 1855 год
10. wap.venev.forum24.ru/71-1-0-00000154-000-0-0-1355979054
11. ГАТО, 39-2-2736 Поколенная роспись дворян Тульской губернии Яньковых
12. Архивная выписка из метрической книги записей Спасской церкви села Озерецкое Самарского уезда Самарской губернии о родившихся за 1897 г.
13. Список комиссии по фильтрации при Особотделе 11-й Армии (Баку) для отправки обер-офицеров Белой армии в Рязанский к/л, 26 сент 1920 г
13. Казусь И.А.Советская архитектура 20-х гг. Организация проектирования. ГА РФ online

ПОЯСНЕНИЯ К РОДОСЛОВНОМУ ДЕРЕВУ

1. **Василий** – Выходец из Македонии. Один брат в Польше, второй брат в Венгрии. Это апокриф из «Рассказов бабушки»

2**. Иван.** Переселился в Москву с братом Федором в царствование Федора Алексеевича.

3. **Федор Яновский,** был принят в Московскую Славяно-греко-латинскую академию, и, постригшись, стал называться Феодосием Яньковским. Был фаворитом Петра. При Петре I новгородский архиерей, короновал Екатерину I, был членом Синода. В 1710 г. - переведен в архимандриты, основанного Петром I, Александро-Невского монастыря. Но после смерти Петра допускал оскорбительные выражения в адрес Екатерины и Меньшикова. Приговором Синода был превращен в простого чернеца и послан на послушание в Холмогоры, где и умер.

4. **Яньков Данила Иванович** (1682-1738), жена Анна Ивановна Дмитриева (1695-1751)

Поступил при Петре I на военную службу и начал называться в отличие от других своих родственников Яньковым. Служил при Петре I,Екатерине I, ПетреII и Анне Иоановне. Петр I разрешил Даниле Ивановичу, который не был тогда российским дворянином, покупать крепостных, а Петр II даровал ему в 1729 г. своим указом потомственное дворянство. Анна Иоанновна за постройку Анненгофа пожаловала ему чин майора и должность гоф-интенданта. С 1720 владел подмосковными Горками. На свои средства построил в Москве придел Св. Николая Чудотворца в храме Успения на Вражке, который находился рядом с его усадьбой. Каменное здание церкви было построено в 1674 году вместо деревянного. Храм стал усыпальницей Янько-

вых. Похоронен в Александро-Невской Лавре. Анна Ивановна была хорошая хозяйка, умела вести свои дела исправно и, имея после мужа около 5000 душ в лучших губерниях, одна всем заправляла до самой своей кончины в 1751 году. Кажется, она преимущественно жила в Москве; должно быть, и ее невестка оставалась с нею, а сын был все в разъездах вместе с Салтыковым.

Успенский Вражек — древнее московское урочище между Тверской и Никитской ул. (Газетный переулок, ул. Огарева), по летописям упоминается с XVI в. Во дворе дома №9 сегодня висит памятная доска.

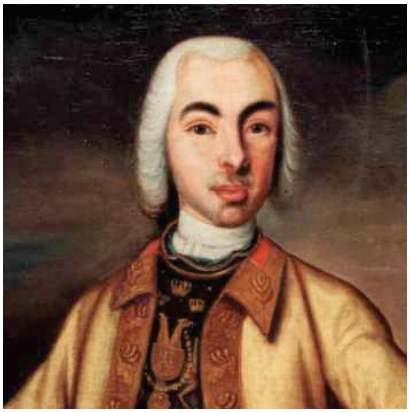
5. **Янькова Анна Даниловна (**1750-1813) Супруг – Адриан Лукьянович Толмачев

6. **Янькова Ольга Даниловна,** муж Приклонский Иван Михайлович

7. **Александр Данилович** (1722—1766)**.** С 1745 года женат на Анне Ивановне Татищевой (1731 - 1772). Свекровь «бабушки». Получил хорошее образование, знал несколько европейских языков, историю, математику, астрономию, морское дело.

В 1742-1749 годах был адъютантом графа П. С. Салтыкова, Владел селом Горки Московской губернии, родовым имении Яньковых. В 1760 году полковник, служил по провиантской части в Белгороде. В 1761 -1764 годах — прокурор Главной провиантской комиссии в Петербурге.

внаем, и в объявлении, помещенном им в газете "Московские ведомости", было подробно перечислено, что находилось у него в доме.

Данила Иванович Яньков

Александр Данилович и Анна Ивановна Яньковы

Александр Данилович Яньков отдавал московский дом Все покои были "обиты разными обоями", в комнатах на втором этаже стояли стулья из орехового дерева, покрытые золоченой кожей и штофом, несколько круглых столов красного дерева, лаковые ломберные столики, на стенах висели большие зеркала. На усадьбе были две конюшни, две людских избы, погреба с напогребицами, каменная кухня.

"Александр Данилович жил очень хорошо и открыто; когда он женился, у него была золотая карета, обитая внутри красным рытым бархатом, и вороной цуг лошадей в шорах с перьями: а назади, на запятках, букет. Так называли трех людей, которые становились сзади; лакей выездной в ливрее: по цветам герба, напудренный, с пучком и в треугольной шляпе; гайдук высокого роста, в красной одежде, и арап в куртке и шароварах ливрейных цветов, опоясанный турецкою шалью и с белою чалмой на голове. Кроме того, пред каретой бежали два скорохода, тоже в ливреях и в высоких шапках. У Александра Даниловича, сказывала мне его дочь, было три цуга: вороной крупный, вороной английский кургузый, гнедой, четверня серая; четыре лошади кургузые верховые да разных еще лошадей с четыре. И это не казалось в ту пору, что много. Людей в домах держали тогда премножество..." (Рассказы бабушки).

А.Д. Яньков был «погребен в своей приходской церкви Успения на Овражке, в приделе св. Николая, за левым клиросом у окон, рядом со своими малолетними детьми». Супруга похоронена в имении Горки Московской губернии.

Яньковы - помещики Владимирской, Костромской, Московской, Нижегородской, Тверской, Тульской губ.; их родственники и соседи - БЕСТУЖЕВЫ; РИМСКИЕ-КОРСАКОВЫ; ТАТИЩЕВЫ; ЩЕРБАТОВЫ.

РГАДА*, *ф. 2511, 259 ед. хр., 1626-1846

Мои предки – Тульские Яньковы – внесены в шестую книгу дворян Тульской губернии в 1821 г.

8. **Янькова Анна Александровна** (1750- 1813)

Владелица с. Петрово в Веневском уезде Тульской губернии, мызы под Питером, и села Теплого Венёвского уезда.

9**. Янькова Клеопатра Александровна (**1752-1774)

Дмитрий Александрович Яньков (1761-1816)

Дмитрий Александрович Яньков

Елизавета Петровна Янькова (1768 - 1861)

Елизавета Петровна Римская –Корсакова –Янькова («бабушка Янькова»)

10. **Яньков Дмитрий Александрович** (1761-1815). Жена Елизавета Петровна Римская-Корсакова (1768-1861). Ее мемуары, записанные внуком Д. Благово, являются одним из содержательных источников по бытописанию русского дворянства конца XVIII - начала XIX века.

11. **Яньков Николай Александрович** (1763-1830). Супруга Феодосья Андреевна Зыбина (1770-1830). В 1834 выпущен из корпуса. Владелец с. Петрово Тульской губернии.

12. **Яньков Александр Николаевич** (1798-1831). Супруга Анна Александровна Грушецкая (1794-1823).

13. **Яньков Андрей Николаевич** (1798-1830).

14. **Яньков Харлампий Николаевич** (1803-1846)

15. **Янькова Марина Николаевна** (1809-?).

16. **Янькова Елизавета Александровна** (1815-?). Супруг Сергей Александрович Ворыпаев (1801-?).

17. **Яньков Сергей Александрович** (1813-?). Супруга Софья Васильевна Посникова (1898-?).

Закончил курс в Артиллерийском училище и выпущен прапорщиком артиллерии. Женат на вдове коллежского асессора Софье Васильевой дочери Сумароковой, детей нет. В Крымскую войну – подпоручик, командир 2-ой роты, орденов и знаков отличия не имеет. Родовых имений нет, у жены благоприобретенное – Тульской губернии Веневского уезда (Центральный исторический архив г. Москвы Фонд 16, опись 42, №279, 1852 г.). Дело об установлении негласного надзора за отставным прапорщиком Сергеем Яньковым. Канцелярия московского генерал-губернатора. У Сергея Янькова была обнаружена печать стальная более вершка в диаметре. В середине голова осла окружена свившимися в кольцо змеёю, на поле щита, разлинованного на четыре части вырезаны: собака, что означает верность и службу, две рыбы — молчание, две руки — союз, а под ними две параллельные черты — вольность и равенство. Яньков был арестован, потом выпущен под надзор полиции. Печать, объяснил он, принадлежит его дяде Андрею Николаевичу Янькову, проживавшему в Петрове в отдельном флигеле, любителю всяких шуток и потех. В Петрове был театр. В с. Хрусловке 180 душ мужского пола крестьян. Посредник полюбовного размежевания земель.

18. **Яньков Николай Александрович** (1814-??). Супруга Евгения Васильевна Бибикова (22.04.1816-30.01.1863).

19. **Яньков Павел Александрович** (1819-?).

20. **Яньков Дмитрий Александрович** (1821-1903). Супруга Екатерина Андреевна Чаплина.

Помещик села Петрова Тульской губернии. В 1841-1855 гг. занимал должность исправника Венёвского уезда. Исправник избирался дворянами и считался начальником уезда, стоял во главе нижнего земского суда. По данным, предоставленным нам сотрудниками музея «Новодевичий монастырь», Дмитрий Александрович и Екатерина Андреевна Яньковы погребены на монастырском кладбище.

21. **Яньков Петр Александрович** (1822-?). Жена Надежда Васильевна Усачева

22. **Яньков Александр Петрович** (12.01.1845-29.06.1886)

23. **Янькова Капитолина Петровна** (03.06.1846-?)

24. **Янькова Вера Петровна** (17.07.1847-?)

25**. Янькова Елизавета Петровна** (16.08.1848-?)

26. **Яньков Сергей Петрович** (1849 -??). Окончил 7 классов Петербургской реальной гимназии и 3-е Военное Алек-

сандровское училище по 2-ому разряду. Окончил Михайловскую артиллерийскую Академию.

28.11. 1877 в чине штабс-капитана командиром 11 роты в 7-го гренадерского Самогитского полка участвовал в битве под Плевной. Участвовал в бою во время взятия в плен армии Осман-Паши.

Подполковник, уездный воинский начальник.

Ордена: св. Владимира с мечами и бантами, св. Анны 3 ст., св. Станислава 2 ст., медаль в память войны с турками в 1877-1878), румынский железный крест и медаль в память св. коронования их Императорского Величества в 1883 году.

(Военно-исторический архив, фонд 409, дело 158—601, 5902. Составлено в 1894 году).

Женат с 1886 года на домашней учительнице девицы Евгении Андреевне Григорьевой. Дочь София, 1888 г.р.

27. **Яньков Иван Петрович** (1854 – 1918). Жена - Евдокия Степановна Загудайлова (1863-1942) из крестьян.

Родился в Москве. Внесен в шестую книгу дворянских родов Тульской губернии. Имел имение в селе Себино Епифанского уезда (ныне Кимовского района) Тульской губернии, Разорился. Потеряв имение в Тульской губернии, переехал в Самарскую губернию и с 1898 г. работал там управляющим имениями Бестужевых (родственников) в селе Теплый Стан Сызранского уезда Самарской губернии. В 1904 г. стал членом церковного приходского попечительства при церкви Св. Равноап. Марии Магдалины села Теплый Стан. В конце жизни работал в Сызранской городской управе. Умер во время революции после бани.

Евдокия Степановна держала в Сызрани пансион для детей окрестных дворян. В городе были женская гимназия и муж-

ское реальное училище, и обучавшиеся в ней дети окрестных дворян жили в бабушкином пансионе.

После смерти мужа Евдокия Степановна жила в Сызрани одна (дети разлетелись). В 1930 или 1931году по настоянию старшего сына переехала в Москву и жила в квартире у второго сына – Бориса Ивановича вместе с внучкой Наной (Сусанной Николаевной Столяровой) в темной комнате при кухне (4 кв. м).

Евдокия Степановна получала пенсию за умершего к тому времени старшего сына.

В 1941 г., когда у Москвы стояли немцы, она, боясь лишиться пенсии в случае их прихода, эвакуировалась вместе с Наной к дочери в Коканд, где и умерла от тифа в 1942 г.

28. **Яньков Николай Петрович** (11.11.1853-1917)

29. **Яньков Петр Иванович** (1880-1934). Окончил физмат Московского Университета в 1905, МГИИПС (Московский государственный институт инженеров путей сообщения) (МИИТ) в 1915. Женат не был. Хотя был, по-видимому, нормальным мужиком. Сохранились снимки, аналогичные приведенному ниже. Во время первой мировой войны служил в армии, имел чин штаб-офицера.

Много путешествовал. Сохранились его швейцарские фото. По-видимому, был до революции зажиточным человеком

(инженеры зарабатывали много), во всяком случае я играл в 30-х годах пачками его "Катенек" (сторублевые купюры).

После революции работал инженером-строителем. Жил на частной квартире в Ружейном переулке. Мама была в него влюблена, считая единственным порядочным человеком среди Яньковых. Как самый старший, пользовался огромным авторитетом. Именно он заставил Бориса Ивановича взять их мать к себе в Москву, когда та осталась одна в Сызрани.

«У самовара я и моя Маша»

30. **Яньков Борис Иванович** (1892-1962), с. Озерецкое, Самарский уезд, Самарская губерния. Окончиля Сызранское реальное училище и Коммерческое училище (теперешняя Плехановка).

Подснял комнату у дальней родственницы Веры Ивановны Плетниковой (1890-1956), дочери вяземских купцов Плетниковых, только что окончившей стоматологический институт, женился и имел двух сыновей - д.ф-м.н Глеба (1923-1997) и Андрея (1934-1956). Арестован 27 сентября 1919 г. МЧК. Приговорен: Коллегия Следственного отдела МЧК 29 ноября 1919 г., обв.: по политическим мотивам. Приговор: дело прекращено. Реабилитирован в сентябре 2003 г. Прокуратурой г. Москвы.

Всю жизнь прожил по адресу: Москва, ул. Плющиха д.31 кв.4. По рассказам мамы и бабушки, в детстве был очень ласковым, целовался и лизался со своей мамой. Помню мебель в кабинете: диван и кресла, покрытые розовым атласом, ручки в виде белых лебедей, изогнувших шеи с золотыми клювами. Помню прекрасную библиотеку, которой и я пользовался (и, грешен, зажал несколько книг).

31. **Яньков Владимир Иванович** (03.10.1894-01.05.1915). Жена Вероника Дмитриева Бажанова крестьянка с. Комлева (р. 20.01.1890). Кончил реальное училище. Убит в первую мировую. Жена Вероника и сын Юра до ВОВ жили в Калуге. В Великую Отечественную Юрий воевал, приезжал в Москву к Борису Ивановичу.

32. **Янькова Надежда Ивановна** (1895 - 1942). Муж

Столяров Николай Иванович (1892 - 1943), один из пансионеров бабушки, дворянин, в первую мировую войну рядовой 75 стрелкового полка, участник белого движения. Арестован 12 декабря 1920 г. обв.: за "антисоветскую деятельность". Приговор: под стражей по 15.12.20. Реабилитирован 11 августа 1997 г. После гражданской уехал с семьей в Среднюю Азию (Коканд). Тогда многие бывшие старались таким образом затеряться. Умер в 1943г. от болезни почек. Надежда Ивановна имела трех детей: старшая, **Ляля (Ольга)** умерла в 1942 со всей семьей от тифа. Средняя **Сусанна (Нана** 1926-2015), жила с бабушкой, вместе с ней эвакуировалась в Коканд, там училась, затем кончила курсы шоферов, была мобилизована в армию, воевала. Младший, **Игорь Николаевич** пропал в 50-х гг. без вести, приехав к сестре в Донбасс.

Не женат, детей нет. Надежда Ивановна умерла вместе со старшей дочерью и матерью Евдокией Степановной в 1942 от тифа.

33. **Яньков Юрий Иванович**, (9 августа 1897 г -???). Жена Избякова Любовь Ивановна (1896-1987). Родился в селе Озерецком Самарской губернии и уезда. Окончил Сызранское реальное училище. В первую мировую войну был на фронте прапорщиком 13-го Заамурского Пограничного полка. После Октябрьской революции в Белой армии – во 2-м Егер-

ском Сызранском полку, штабс-капитан. 2-ой Егерский Сызранский полк входил в северную группу Семиреченской армии Анненкова. Взят в плен 11 Красной армией в 1921 г.

26 сентября 1921 г. решением комиссии по фильтрации при Особотделе 11-й Армии (Баку) отправлен, как обер-офицер Белой армии, в Рязанский концентрационный лагерь.

В 1923 г. освобожден и переслан в г. Сызрань. В тот же год переехал в Москву, женился и устроился работать управдомом в д. №31 по ул. Плющиха.

По доносу сослан в Тверь, там по закону о трех колосках осужден на 10 лет лагерей с конфискацией имущества. После окончания срока сослан в Сибирь. Там имел семью и детей.

34. **Янькова Елена Ивановна** (1901-1988). Вышла замуж за одного из бабушкиных пансионеров, Леонида (отчество забыл). Детей не имела. До войны семья жила в Петрозаводске. Приезжала в Москву веселая толстушка. В Отечественную дядя Леня воевал в звании капитана.

После войны они поселились в Сызрани у его матери. После выхода обоих на пенсию устроились в дом престарелых в окрестности Сызрани. Первым умер дядя Леня, затем Елена Ивановна.

35. **Яньков Владимир Юрьевич**. 1927 г.р. Жена Бобырь Галина Александровна 1955 г.р. Автор «Записок». В настоящее время неработающий пенсионер.